

Afanas'ev, G. E.
//

ГЛАВНЫЕ МОМЕНТЫ
МИНИСТЕРСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ТЮРГО
И
ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ.

СОЧИНЕНІИ

Г. Е. АФАНАСЬЕВА.

ОДЕССА.
Тип. В. Кирхнера.
1884.

DC 137.5
T9 A324

Дозволено цензурою. Одесса. 19 марта 1884 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Вторая половина XVIII вѣка поражаетъ насъ появленіемъ ряда государственныхъ дѣятелей, какъ будто по уговору, принимающихъ за реформу старыхъ монархій, сохранившихъ въ своемъ устройствѣ большое наследство среднихъ вѣковъ. Фридрихъ Великій, Іосифъ II, Скиапаччи, Помбаль, Струэнзе и Тюрго, вотъ рядъ дѣятелей, почти одновременное появленіе которыхъ весьма знаменательно, какъ указатель существованія общихъ причинъ, обуславливавшихъ необходимость перестрой государствъ на новыхъ началахъ. Общая имъ черта, — это стремленіе къ секуляризациі государства, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, положивъ въ основаніе своей дѣятельности понятія о государствѣ, выработанныя современнымъ умственнымъ движеніемъ, не останавливались на освобожденіи государства изъ подъ вліянія церкви, а присоединили къ этому стремленію уничтожить тѣ путы, которыя заключались въ средневѣковыхъ, сословныхъ и мѣстныхъ привилегіяхъ.

Тюрго занимаетъ между упомянутыми реформаторами первое мѣсто по цѣльности своей программы и по гуманности началъ, положенныхъ имъ въ ос

ніе своєї дѣятельности. Если кто изъ современниковъ стоитъ къ нему въ этомъ отношеніи ближе другихъ, такъ это Іосифъ II, гуманнѣйшій изъ государей того времени. Какъ тому, такъ и другому дороги были интересы низшихъ классовъ, подавленныхъ не столько тяжестью государственнхъ требованій, сколько неравенствомъ ихъ распредѣленія между отдѣльными классами общества. Дѣятельность Тюрго, однако, находилась довольно долго въ вниманіи историковъ. Въ этомъ отношеніи она раздѣляла одинаковую участь со всѣми тѣми, что непосредственно предшествовало великой революціи. Грандіозныя событія послѣдней на долго застѣли собою предшествующія событія. Тѣми не менѣе, однако, нѣкоторые изъ этихъ событій важны не только по отношенію къ революціи, или какъ подготовившія послѣднюю, или какъ опредѣлявшія ея направленіе; но и безотносительно, какъ такія общественныя явленія, которыя имѣли будущность, но по случайнымъ обстоятельствамъ остались безъ результатовъ. Упомянемъ, напримѣръ, о провинціальныхъ собраніяхъ временъ Людовика XVI.

Кратковременная дѣятельность Тюрго произвела сильное впечатлѣніе на передовыхъ людей его времени, и неудача ея не умалила этого впечатлѣнія ¹⁾. Она произвела нѣкоторое дѣйствіе и на массу населенія. Неудача ея не уничтожаетъ заслуги дѣятеля, пытавшагося предотвратить бурю, приближеніе которой чувствовалъ не онъ одинъ.

¹⁾ Ср. *Oeuvres posthumes de Turgot*. Lausanne 1787.

Наша историческая литература не оставила безъ вниманія дѣятельности Тюрго. Первый трудъ по этому предмету принадлежитъ бывшему профессору Ринсельвскаго лицея Муравьеву. («Тюрго, его ученая и административная дѣятельность, или начало преобразованій во Франціи XVIII в.» М. 1858 г.). Авторъ, однако, не могъ пользоваться, какъ онъ самъ признаетъ, многими весьма цѣнными матеріалами, такъ какъ не могъ ихъ найти въ Москвѣ. Такъ, онъ не знаетъ мемуаровъ Дюпонъ де Немура, такъ какъ это сочиненіе дѣйствительно рѣдко. Въ Кіевской университетской библіотекѣ оно существуетъ, и было приобрѣтено еще въ то время, когда существовала *Academia Vilnensis*. Независимо отъ этого, трудъ Муравьева показываетъ, что авторъ не задавался цѣлью изложить подробно ученую и административную дѣятельность Тюрго, онъ дѣлаетъ только бѣглый очеркъ ея, не дѣлая даже никакихъ выводовъ. Трудъ этотъ въ настоящее время не имѣетъ уже значенія. Недостатки его въ то время указаны были Чернышевскимъ въ рецензій, помѣщенной въ *Современникѣ*.

Нѣсколько поздиѣ (1860 г.) явилась въ Русскомъ Словѣ статья Благосвѣтлова о министерской дѣятельности Тюрго. Статья написана живо, обладаетъ несомнѣнными литературными достоинствами, но страдаетъ существеннымъ недостаткомъ: вниманіе автора обращено не на суть дѣла, а на частности. Рисуя положеніе Франціи, онъ обращаетъ особенное вниманіе на злоупотребленія чиновничества, а не на учрежденія, права, привилегіи, повинности, существованіе ко-

торыхъ основывалось на положительномъ законѣ, или на общемъ духѣ конституціи. Между тѣмъ неудовлетворительностью то этихъ сторонъ жизни можетъ быть серьезно мотивирована необходимость переворота. Кроме того авторъ недостаточно изучилъ предметъ, о которомъ взялся говорить, — вслѣдствіе чего у него встрѣчаются фактическіе промахи. Вотъ все, что я знаю въ русской исторической литературѣ по отношенію къ предмету моей работы.

Иностранная литература, преимущественно французская, совершенно естественно гораздо болѣе занималась дѣятельностью Тюрго. Первое сочиненіе принадлежит Дюпонъ-де-Немуру, другу Тюрго. Вышло оно въ 1782 г. въ Филладельфій (*Memoires sur la vie et les ouvrages de Turgot*). Оно цѣнно, потому что Дюпону, какъ человеку очень близкому, было извѣстно многое, что для другихъ было тайной. Въ его сочиненіи только можно найти финансовый отчетъ Тюрго, такъ какъ въ сборникѣ отчетовъ онъ не помѣщенъ. Конечно, пользуясь мемуарами Дюпонъ-де-Немура, надо подвергать учету его невольное пристрастие, какъ друга; но онъ человѣкъ очень правдивый, и учетъ этотъ поэтому очень невеликъ.

Пять лѣтъ позже появленія мемуаровъ Дюпонъ-де-Немура, появилась біографія Тюрго, написанная Кондорсе (*La vie de M. Turgot*. Berne, 1787) и изданная анонимно за границею. Эта біографія изображаетъ главнымъ образомъ идейную жизнь Тюрго и представляетъ скорѣе подробный некрологъ, написанный въ память покойнаго друга. Въ томъ же году появилась

брошюра о Тюрго, въ которой изданъ былъ впервые его проектъ муниципальных собраний и сдѣлана оцѣнка этого проекта. (*Oeuvres posthumes de M. Turgot. Lausanne 1787*). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія (1808 г.) впервые изданы были сочиненія Тюрго Дюпонъ-де-Немуромъ и снабжены послѣднимъ примѣчаніями, имѣющими особенную цѣлу. Изданіе сочиненій было повторено въ 1844 году Даромъ и Дюссаромъ въ извѣстной *Collection de principaux économistes* Гилльомена.

Сочиненіямъ Тюрго предпослана историческая замѣтка о Тюрго, знакомящая съ главными моментами его жизни. Благодаря систематичности и примѣчаніямъ, это изданіе очень удобно для пользованія и служить главнымъ источникомъ для изученія дѣятельности Тюрго.

Но прошло еще довольно времени до тѣхъ поръ, какъ административная дѣятельность Тюрго сдѣлалась предметомъ научной обработки. Первою такою попыткою было сочиненіе Тиссо, а вслѣдъ затѣмъ сочиненіе Батѳи, явившееся въ свѣтъ въ 1866 году. (*Turgot, philosophe économiste et administrateur. Paris*). Последнее отличается большими достоинствами, чѣмъ первое. Авторъ не задавался цѣлью обработать главнымъ образомъ административную дѣятельность Тюрго. Последняя поставлена имъ на заднемъ планѣ. Касаясь ея, однако, Батѳи подробно изложилъ дѣятельность Тюрго въ Лиможѣ и, воспользовавшись случаемъ, обстоятельно знакомитъ читателя съ положеніемъ провинцій въ то время и въ особенности съ устройствомъ податной системы и системы повин-

ностей. Министерской дѣтельности авторъ касается лишь вскользь, но въ заключеніи онъ ведетъ рѣчь именно по поводу ея. Надо, однако, сказать, что эта послѣдняя глава сочиненія Батби слаба. Въмѣсто того, чтобы въ «заключеніи» подвести итоги дѣтельности и опредѣлить ея значеніе, Батби ограничивается замѣчаніемъ, что если бы программа Тюрго осуществилась, революція была бы предупреждена и дальнѣйшая государственная жизнь Франціи получила бы совершенно иной характеръ и нныя основанія. Затѣмъ авторъ ведетъ до конца разсужденіе о совмѣстимости демократіи со свободой, разсужденіе къ дѣлу не относящееся. Другое сочиненіе о Тюрго, появившееся четырьмя годами раньше, принадлежит Тиссо. (*Tissot, Turgot, sa vie, son administration, ses ouvrages. 1862*).

Это сочиненіе касается равномѣрно всѣхъ сторонъ дѣтельности Тюрго. Характеръ его повѣствовательный. Разсматривая факты, авторъ не выходитъ изъ круга того матеріала, который заключается въ изданныхъ Гилльмономъ сочиненіяхъ Тюрго.

Заключеніе автора о дѣтельности Тюрго сводится къ тому, что послѣдній былъ человѣкомъ, стремившимся къ общественному благу. Такъ какъ сочиненіе Тиссо предшествовало сочиненію Батби, то послѣднее является дополненіемъ перваго въ томъ отношеніи, что административная дѣтельность Тюрго въ Лиможѣ у Тиссо почти не тронута, тогда какъ Батби на ней именно остановилъ особенное вниманіе. Наоборотъ, дѣтельность Тюрго, какъ министра, изложенная въ сочиненіи Тиссо обстоятельно, очерчена у Батби лишь

слѣдка. За этими сочиненіями слѣдуетъ трудъ Матье (Mastier), который, однако, отличается меньшими достоинствами, чѣмъ первый, и притомъ административной дѣятельности Тюрго не касается вовсе. Въ срединѣ семидесятыхъ годовъ появилось сочиненіе Каде (Cadet) — «Тюрго», предназначенное для массы народа (ц. 30 с.) и указывающее своимъ появленіемъ на значеніе, которое стали придавать въ послѣднее время дѣятельности Тюрго, какъ реформатора. Уже въ то время, какъ издана была эта маленькая книжка, готовился трудъ о Тюрго, съ достоинствами котораго не можетъ сравниться ни одно изъ предъидущихъ сочиненій. Этотъ трудъ вполне справедливо былъ увѣнчанъ академіей наукъ. Я говорю о появившейся въ 1877 году книгѣ Фонсена «Опытъ о министерствѣ Тюрго». (Fonsin. Essai sur le ministère de Turgot). Скромность названія этого труда только усиливаетъ впечатлѣніе, которое выносимъ послѣ его прочтенія. Авторъ справедливо говоритъ, что до него министерство Тюрго не было предметомъ спеціальнаго трактата. Фонсенъ взялся за такую задачу и разобралъ очень полно не только содержаніе министерской дѣятельности Тюрго, разъясняя смыслъ каждой его мѣры, но и обстановку, среди которой ему приходилось дѣйствовать. Выдающимся вкладомъ этого труда въ науку слѣдуетъ признать обстоятельное и ясное изложеніе вопроса, какъ сформировалась враждебная Тюрго сила и какъ совершилось его паденіе. Последнее обстоятельство разработано особенно подробно и отчетливо.

Сочиненіе Фонсена таково, что послѣ него очень

трудно выступить съ работою о министерствѣ Тюрго. съ работою, имѣющею большую цѣну. Признаюсь, выходъ въ свѣтъ его труда озадачилъ меня значительно. Моя работа была тогда на половину сдѣлана; въ 73 и 74 годахъ мною собраны были въ Парижской Національной библіотекѣ матеріалы для выясненія значенія нѣкоторыхъ мѣропріятіи Тюрго, и оказалось, что многое изъ того, что мною было проштудировано и собрано, было, вѣроятно, въ тоже самое время, предметъ занятій Фонсена. Я рѣшился, однако, кончить свою работу, руководясь слѣдующими соображеніями: 1) для русской исторической литературы моя работа можетъ быть полезна, такъ какъ сочиненіе Фонсена не переведено и едва ли будетъ переведено когда либо; 2) Цѣль моей работы была иная, чѣмъ у Фонсена, а потому характеръ ея нѣсколько иной и 3) выводы, къ которымъ я пришелъ тогда и которые излагаю теперь, имѣютъ самостоятельный характеръ, а можетъ быть, могутъ имѣть нѣкоторое значеніе для науки. Вотъ мотивы, побудившіе меня не бросать начатаго труда, кончить то, что уже было на половину сдѣлано и отдать свою работу на судъ русскаго общества.

Положеніе Франціи.

Начало царствованія Людовика XVI рѣшило вопросъ въ высшей степени важный въ исторіи Франціи, — вопросъ о томъ, какъ будетъ произведенъ перестрой государstвеннаго механизма и организаціи общества, по инициативѣ ли королевской власти и при участіи ея въ этой работѣ, или же помимо ея и даже противъ ея воли, причемъ въ послѣднихъ случаяхъ она должна была неизбежно подвергнуться участи всего феодальнаго порядка и погибнуть вмѣстѣ съ нимъ, стремясь остаться вѣрною своему феодальному происхожденію.

Что самый перестрой государства былъ лишь вопросомъ времени и притомъ времени весьма непродолжительнаго, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться, и достаточно сдѣлать бѣглый очеркъ положенія страны въ то время, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Королевская власть давно повергла къ своимъ ногамъ бывшихъ своихъ противниковъ, и король остался единственнымъ распорядителемъ судебъ страны.

Воля короля стала закономъ и представлялась таковою въ заключительныхъ словахъ каждаго эдикта. Тѣ учрежденія, которыя когда то составляли противовѣсъ этой волѣ, или перестали существовать фактически, какъ *états généraux*, или были обречены на безплотные протесты, подчиняясь въ концѣ концовъ королевскому повелѣнію, — таковы парламенты, — или же, наконецъ,

сохранили такой узенькій кругъ компетенціи, — какъ напримѣръ, провинціальныя собранія въ такъ называемыхъ *pays d'état*, — что нисколько не мѣшали королевскому абсолютизму. Королевская власть была все-сильна въ распоряженіи имуществомъ подданныхъ, такъ какъ налоги и торгово-промышленное законодательство были въ ея рукахъ; она была не менѣе сильна и въ судебной сферѣ, ибо, помимо обыкновенныхъ судовъ, могла всегда создать экстренныя судилища и изъять дѣло изъ обычнаго порядка производства; — отъ нея и ея агентовъ всецѣло зависѣла личность обывателя, ибо достаточно было *lettre de cachet*, чтобы лишить его свободы и до конца жизни держать подъ замкомъ.

Но въ этомъ самомъ вселеніи власти была ея слабость. Ставъ всемъ въ государствѣ, королевская власть взяла на себя неносильную задачу замѣнить собою силу общественную. Не допуская политической самостоятельности общества, она приняла на себя отвѣтственность за все, происходящее въ государствѣ и не только за то, что дѣлалось, но и за то, что не дѣлалось и чего она не въ силахъ была бы сдѣлать.

Слабая сторона королевскаго абсолютизма была так же и въ томъ, что, покончивъ борьбу съ феодалами, объединивъ Францію, онъ обнаружилъ, что собственно борьбу съ феодализмомъ онъ велъ лишь по столько, по сколько послѣдній мѣшалъ ему, абсолютизму, а потому оставилъ въ неприкосновенности все тѣ привилегіи, которыя, составляя сущность феодальнаго строя общества, не мѣшали всемогуществу королевской власти.

Такимъ образомъ королевская власть, возвысившись, благодаря несомнѣннымъ услугамъ, оказаннымъ ею обществу, теряла смыслъ своего ~~мощества~~ ^{мощества}, переставая оказывать таковыя услуги и позволяя себѣ

оставаться позади общественных интересов. Ставъ въ такое положеніе, она дѣлалась тяжестью, несомною въ силу привычки, но все съ большимъ и большимъ неудовольствіемъ.

Царствованіе Людовика XV было именно такимъ моментомъ въ исторіи королевской власти. Король, по сущности придворнаго церемоніяла, имѣлъ мало времени для занятій государственными дѣлами¹⁾; личное нерасположеніе Людовика XV къ работѣ, полная деморализація удовольствіями самаго низкаго разбора превратили короля въ декорацию, скрывавшую дѣйствія придворныхъ королевскихъ любовницъ и ихъ протезы, причемъ, конечно не было и рѣчи о государственномъ благѣ. Въ своемъ равнодушіи къ послѣднему король соперничалъ съ придворными, принимая участіе въ постыдныхъ спекуляціяхъ «Faste de Famine». Королевскій авторитетъ былъ потрясенъ до того, что въ обществѣ находили вѣру даже такіе слухи, что королю, во время болѣзни дѣлаются ванны изъ человѣческой крови. Трупъ короля, во избѣжаніе скандала, везли въ С. Дени окольными путями, и похоронная процессія болѣе была похожа на карнавалъ, чѣмъ на печальную церемонію. Много надо было энергій, чтобы поднять королевскую власть на высоту ея прежняго величія посредствомъ удовлетворенія общественныхъ нуждъ; но это не было невозможно: Людовика XVI встрѣчали, какъ «желаннаго» и возлагали на него надежды.

Жизнь поставила вопросы, просвѣщенные люди искали и находили средства ихъ разрѣшенія. Административная централизація оказывалась машиной крайне тяжелою на подъемъ, неспособною удовлетворять, какъ слѣдуетъ и своевременно общественныя потребности: раздавались голоса въ пользу развитія областной жизни, автономіи и политической свободы.

Но центромъ тяжести положенія былъ принципъ привилегій, проникавшій все общественное устройство. На 26 милліоновъ населенія привилегированныя сословія составляли ничтожное меньшинство. Число городскихъ опредѣляютъ въ 140 тысячъ, а численность духовенства въ 130 тысячъ, итого 270 тысячъ ²⁾. Это сотая часть населенія, а она владела большею половиною пространства Франціи. Доходы этихъ сословій были весьма значительны, если и не такъ велики, какъ должны были бы быть при такой значительной поземельной собственности.

Доходы духовенства были особенно значительны. Цѣнность его владѣній, составлявшихъ $\frac{1}{3}$ всей Франціи, опредѣляютъ въ 4 милліарда; десятина давала дохода 123 милліона; доходность его земель опредѣляютъ различно. Больше вѣроятнымъ образомъ можно опредѣлить этотъ доходъ около 140 милліоновъ ливровъ, что вмѣстѣ съ доходомъ отъ десятины составитъ болѣе 250 милліоновъ ливровъ. Въ этотъ счетъ не вошли доходы отъ выполненія требъ и разныхъ сборовъ; а эта статья дохода оцѣнивалась милліонами.

Но оставляя въ сторонѣ этотъ доходъ, за неизмѣнныя данихъ для болѣе или менѣе вѣроятнаго его опредѣленія, получимъ все таки 250 милліоновъ дохода, что на теперешній деньги составитъ 500 милліоновъ ³⁾. Сюда не входитъ также и оцѣнка разныхъ феодалныхъ правъ, которыми пользовалось духовенство наряду съ дворянствомъ ⁴⁾. Если принять во вниманіе, что въ наше время расходы по содержанію церкви составляютъ около 50 милліоновъ, то очевидно будетъ, какъ велика была лишняя тяжесть, лежавшая на трудящихся классахъ страны.

По доходамъ духовенства можно судить о богатствѣ дворянства. Его земли захватывали $\frac{1}{4}$ государства, но доходность ихъ была относительно менѣ велика, такъ

какъ значительная часть помѣщиковъ проживала внѣ своихъ помѣстій. въ столицѣ, и, такимъ образомъ, хозяйство было въ забросѣ ⁵).

Большинство помѣщиковъ отдавало свои земли въ аренду половинкамъ, причемъ послѣдніе обыкновенно отдавали половину налоговаго дохода; только въ сѣверной Франціи арендаторами были люди болѣе значительные, а въ остальной — бѣдняки, которые не могли вести хорошо хозяйство и не видѣли выгоды въ развитіи земледѣлія, а хозяйничали хищническимъ образомъ. Поэтому то мы видимъ, что на воздѣлываемый гектаръ земли затрачивалось во Франціи вчетверо меньше капитала, чѣмъ въ Англіи, а урожай французскаго земледѣлія былъ въ 12 разъ меньше англійскаго, причемъ доходъ французскаго земледѣлія относится къ англійскому какъ 9 къ 14. такъ что если рента французскаго земледѣльца была $3\frac{3}{4}\%$, а англійскаго $2\frac{3}{4}\%$, то это не доказываетъ процвѣтанія французскаго земледѣлія, а также не доказываетъ, что землевладѣльцы Франціи абсолютно получали больше англійскихъ. Это доказываетъ только, что поборы съ крестьянъ были значительнѣе, что въ рукахъ послѣднихъ оставляли меньшую часть продуктовъ ихъ труда, и больше ничего ⁶).

Но кромѣ поземельнаго дохода, который получали помѣщики, надо прибавить $2\frac{1}{2}$ милліона разныхъ таможенныхъ пошлинъ, поступавшихъ въ пользу помѣщиковъ, да разные феодалыные поборы деньгами и натурой, которые оцѣниваются въ 100 милліоновъ, въ томъ числѣ однихъ крѣпостныхъ пошлинъ взималось около 37 милліоновъ ⁷). Эти то феодалыные права, принадлежавшія частью и духовенству, составляли центръ тяжести положенія и, надо помнить, что они далеко не приносили столько пользы ихъ обладателямъ,

несколько причиняли вреда населенію. У Буато приведено 36 названій различныхъ феодальныхъ правъ, связанныхъ съ поборамъ или натуральными повинностями. Тутъ встречаемъ тяжелое рядомъ со смѣшнымъ. Рожденіе и смерть помѣщика вызываютъ приношенія; помѣщикъ собираетъ подымное (*Droit du feu*); ему повинны запахать поле, нарубить дровъ, навозить сѣна, собрать виноградъ и т. п. (*corvées*); онъ наследуетъ послѣ иностранца, умершаго въ его владѣніяхъ, а также и послѣ незаконнорожденнаго умершаго въ его владѣніяхъ, а также безъ завѣщанія и бездѣтнымъ. (*Droits d'aubaine et de bâtardise*).

Феодалъ имѣлъ право первымъ начать сборъ винограда и затѣмъ разрѣшить крестьянамъ начать его въ ихъ виноградникахъ. Крестьяне обязаны были молотъ хлѣбъ на его мельницѣ, печь его въ его пекарнѣ, давать виноградъ его прессомъ, пользоваться мясомъ только въ его лавкѣ и съ его бойни (*Banailles, ban des vendanges*). Феодалъ монопольно продастъ вино въ 40 дневный періодъ, послѣ окончанія сбора винограда (*droit de banvin*). Феодалъ одинъ имѣетъ право заводить голубятни, исключительное право охоты и частию рыбной ловли.

Много было поборовъ и правъ мѣстныхъ, иногда мало употребительныхъ. Были и личные привилегіи. Епископъ Кагора имѣлъ право, когда служилъ обѣдню, класть на престолъ свой мечъ, шлемъ, перчатки и кирасу. Маркизъ Шателлю (*Chastellux*) пользуется привилегіей явиться въ церковь въ Оксеррѣ, во время богослуженія въ полномъ вооруженіи, въ шлемѣ, съ парой собакъ на сворѣ и съ хищной охотничьей птицей. Аббатъ д'Екенилли съ видимымъ удовольствіемъ сообщаетъ объ этой странной привилегіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новобранцы обязаны были въ Духовъ

день, въ присутствіи феодала, прыгать въ яму. Еще въ 1786 г. парламентъ запрещалъ феодаламъ требовать исполненія этой нелѣпой обязанности, а крестьянамъ явиться для исполненія ея ³⁾).

Если привилегіи въ родѣ послѣднихъ имѣютъ невинный характеръ, то нельзя того же сказать о другихъ --- *banalités, banvin, corvée*, подъемное и право охоты были правами, отзывавшимися тяжело на благосостояніи земледѣлія. Можно смѣло сказать, что всѣ монополіи (*banalités*) не приносили столько пользы помѣщикамъ, сколько вреда крестьянамъ, такъ что, если и оцѣниваютъ феодальныя права въ 100 милл., то потери отъ нихъ въ общей экономіи была большая: помѣщики получали 100 милл., но крестьяне теряли больше.

Феодальныя привилегіи дворянства и духовенства вмѣстѣ съ государственными повинностями и налогами тяжело отзывались на ближайшемъ сосѣдѣ дворянина — крестьянинѣ. Всѣ свидѣтельства современниковъ единодушно говорятъ о крайней нищетѣ его въ теченіи всего восемнадцатаго столѣтія. Периодическія голодовки были обыкновеннымъ явленіемъ; бѣдствія и смертность достигали въ такихъ случаяхъ ужасающихъ размѣровъ. И это было слѣдствіемъ не столько неурожаевъ, сколько, главнымъ образомъ, той низкой степени благосостоянія, когда малѣйшее колебаніе влечетъ за собою кризисъ въ хозяйствѣ. Не только не существовало никакого запаса, но и въ обыкновенные неурожайные годы хлѣбъ, смѣшанный изъ ячменя и ржаной муки съ отрубями, составлялъ постоянную пищу, которой къ веснѣ уже не хватало. Нерѣдко бывало, что хлѣбъ снимали зеленымъ, сушили и употребляли въ пищу. Дѣти отъ подобной пищи пріобрѣтали огромныя животы и умирали, какъ мухи. Вообще смертность дѣтей и взрослыхъ представляетъ характерное, ужасающее явленіе ХVІІІ вѣка.

Жилище и одежда гармонировали съ пищей. Крестьянскія хижины напоминали собою хлѣвъ, а вовсе не походили на человѣческое жилье. Низкія, плохо крытыя соломой, безъ оконъ, съ однимъ отверстіемъ, которое служило и дверью и для выхода дыма, значить нѣсколько хуже русской курной избы, — таковы были крестьянскія избы того времени. Тутъ можно было съ грѣхомъ пополамъ укрыться отъ непогоды, но не защититься отъ холода или пользоваться минимальными гигиеническими удобствами. Одежда была самодѣльная изъ грубой шерстяной ткани или изъ холста, вся въ лохмотьяхъ; иногда и зимой холщевыя лохмотья составляли всю одежду; ноги, обутыя въ деревянные башмаки, да и то лишь въ несчастіе; маршировать босикомъ не казалось тогда столь страннымъ, какъ это кажется теперь французамъ. Если даже крестьянинъ становился зажиточнѣе, онъ не жилъ лучше, потому что лучшая обстановка привлекала вниманіе сборщиковъ податей—вниманіе далеко не пріятное. Крестьянинъ въ такомъ случаѣ конилъ деньги, лѣтя завѣтную мечту купить землю. Это удавалось благодаря нуждѣ въ деньгахъ, постоянно ощущаемой дворянами, не смотря на всѣ ихъ поборы. Но, достигая своей цѣли, крестьянинъ не становился счастливѣе: требованія фиска удваивались, утраивались, поборы помещика увеличивались, и онъ оставался въ концѣ года съ пустыми руками. Нужно было имѣть особенную, неистощимую привязанность къ землѣ, чтобы при такихъ условіяхъ стремиться къ ея пріобрѣтенію. Однако это было.

При такихъ условіяхъ жизни, когда самое упорное прилежаніе не выводитъ человѣка дальше нищеты, нельзя ожидать предпримчивости, энергіи или даже прилежанія. Мѣсто этихъ качествъ занимаютъ апатія, невоворотливость, лѣнь. Видъ крестьянина свидѣтельствовалъ о бѣдственной жизни. Забито-тупой взглядъ,

хилость и мѣшковатость бросались въ глаза всякому. Артуръ Юнгъ обратилъ особенное вниманіе на стареобразность французскихъ крестьянокъ. «Ей можно было бы дать, говорить онъ объ одной крестьянкѣ въ Шампани, лѣтъ 60 или 70, такъ она была согорѣла, такъ измождено было трудомъ лицо ея; она мнѣ сказала, что ей только 28 лѣтъ».

Обработка земли производилась плохо; часто пашия обращалась въ пастбище, такъ какъ меньше труда требуется на выпасъ скота,—и только самое необходимое количество земли распахивалось и засеивалось плохими сѣменами. Распашка поля была не глубока: едва-едва разрыхлялся верхній слой; орудіемъ запашки служила соха, часто безъ желѣзныхъ сошниковъ; бывали и плуги, но тоже деревянные и тоже иногда съ деревянными сошниками. Животныя, употреблявшіяся въ земледѣліи, волы и лошади, были обыкновенно малорослы и хилы по тѣмъ же причинамъ, по которымъ были плохи и ихъ хозяинъ.

На всемъ крестьянскомъ хозяйствѣ лежала печать запустѣнія, клеймо отчаянія, когда человѣкъ, отказавшись отъ лучшаго будущаго, безнадежно смотритъ на настоящее⁹⁾. Закончимъ нѣсколькими цифровыми данными картину народнаго благосостоянія тогдашняго времени.

Выше говорено о плохомъ состояніи земледѣлія. 10 миллионъ гектаровъ лежало подъ паромъ; въ 1860 году было такой земли только 5 миллионъ, и каждый гектаръ воздѣлываемой земли сталъ производительнѣе на $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{2}$. Въ наиболѣе плодородныхъ мѣстахъ урожай пшеницы былъ самъ-пять. Англійскій акръ давалъ 28 boisseaux пшеницы, французскій — только 18 boiss. Англичанинъ получалъ съ равнаго пространства земли 36 фунт. стерл., тогда какъ французъ — только 25 фунт. стерлинговъ.

Натуральныя повинности, по расчету д'Аржансона, отнимали четверть рабочихъ дней, въ теченіи которыхъ земледѣлецъ ничего не получалъ, или получалъ 15 су за лошадь и повозку, тогда какъ долженъ былъ получать эку (3 франка=60 су). Трудъ земледѣльца, переводя вознагражденіе на количество хлѣба, давалъ ему 959 литровъ пшеницы, теперь тотъ же трудъ даетъ 1851 литръ. Тюрго говоритъ въ своемъ разборѣ вліянія податей на земледѣльца, что у послѣдняго остается, за уплатой повинностей, на немъ лежащихъ, едва 25 — 30 литровъ на душу въ годъ, считая въ этой суммѣ все, что онъ получалъ отъ своего хозяйства натурой и деньгами. Онъ думаетъ, что таково положеніе земледѣльца-половинка не только въ Ломжѣ.

Въ 1784 году приходилось по 125 литровъ хлѣба на душу въ годъ (возможное, а не дѣйствительное потребленіе); въ 1860 году дѣйствительное потребленіе равняется 220 литрамъ, при которыхъ есть еще 100 литровъ ржи. Въ 1784 году 41 на сто жителей потребляли пшеничный хлѣбъ; въ 1860 году $\frac{2}{3}$ населенія ѣдятъ его. Маса приходилось прежде 18 фунтовъ на душу, теперь 28 фунт. Такимъ образомъ несомненно, что заработокъ, питаніе, одежда, жилище, — все это было почти вдвое хуже, чѣмъ теперь. Но теперешней жизни легче судить о бѣдственномъ существованіи во время недавняго прошлаго ¹⁰⁾.

Городское населеніе находилось, конечно, въ лучшемъ положеніи, чѣмъ сельское, но и тутъ мы встречаемся съ принципомъ привилегій, проникавшимъ всю тогдашнюю жизнь и тормозившимъ столько же развитіе промышленности и торговой дѣятельности, сколько онъ давилъ все крестьянское населеніе. Правда, промышленники и торговцы давно уже вышли изъ положенія

вассаловъ, избавились отъ всякихъ обязательныхъ отношений къ феодаламъ, но за то они сами организовались по феодалному, сдѣлавъ изъ промысла привилегію, ставшую современемъ почти что наследственной. Ниже будетъ разсказано о развитіи цеховой организаціи; теперь достаточно будетъ указать, что цеховая организація была тяжела для массы подмастерьевъ, которые волей неволей должны были служить мастерамъ, не имѣя права работать отъ себя и за свой счетъ; она искусственно задерживала увеличеніе численности промышленнаго класса, такъ какъ вступленіе въ цехъ, даже въ качествѣ ученика, сопряжено было съ немаловажными затрудненіями; она задерживала развитіе промышленной техники, такъ какъ цеховые регламенты, санкціонированные со времени Колюбера правительствомъ, строго преслѣдовали всякое отступленіе отъ установленныхъ правилъ, какъ въ способахъ производства, такъ и въ отношеніи сорта и качества продуктовъ.

Наконецъ, цеховая организація служила серьезнымъ препятствіемъ замѣнѣ мастерской мануфактурой, а этой послѣдней—фабрикою. Не придавая особенной важности послѣднему обстоятельству, такъ какъ развитіе машиннаго производства наступаетъ послѣ смерти цеховъ, мы настаиваемъ на томъ, что цеховая организація, разсчитанная на мастерскую, не признававшая мануфактуры, служила препятствіемъ развитію послѣдней и, такимъ образомъ, не допускала воспользоваться тѣми выгодами, которыя являются результатомъ раздѣленія труда. Она искусственно удерживала промышленность на высшихъ издержкахъ производства въ ущербъ народному хозяйству. Если мануфактуры и развиваются, то не благодаря цеховой организаціи, а помимо ея и противъ ея, такъ какъ таковы были требованія времени, находившія иногда поддержку въ пра-

вительствѣ. Все же, однако, онѣ были исключеніемъ изъ общаго правила.

Ставши анахронизмомъ во многихъ отношеніяхъ, цехи не были столь выгодными и для самихъ мастеровъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Безконечные процессы изъ за нарушенія привилегій разоряли ихъ, и значительное число цеховъ было обременено неоплатными долгами. Правительство, особенно въ XVIII вѣкѣ, обременяло ихъ бюджетъ, создавая разные цеховыя должности и обязывая покупать послѣднія. Чѣмъ чаще случались затрудненія казны, тѣмъ чаще цехи принуждаемы были дѣлать взносы за дипломы на такія никому ненужныя должности.

Цехъ не былъ единственнымъ въ городѣ представителемъ принципа привилегій. Самъ городъ былъ своего рода феодаломъ и, потерявъ свою автономію, сохранилъ многія привилегіи. Городъ пользовался правомъ взиманія ввозныхъ пошлинъ (*ostroi*), затѣмъ идуть пошлины, взимаемыя съ продуктовъ въ пользу разныхъ городскихъ должностныхъ лицъ, а иногда и въ пользу сеньора. Всѣ такія пошлины ложились главнымъ образомъ на предметы первой необходимости.

За пошлинами слѣдуютъ разнаго рода ограниченія и запрещенія по части торговли, рассчитанныя на то, чтобы дать на городскомъ рынкѣ своимъ торговцамъ и промышленникамъ преимущество предъ чужими. Наконецъ бывали и *banalités*, совершенно такія же, какъ и у феодаловъ. Руанъ, напр., имѣлъ мельницы, на которыхъ обязаны были молоть хлѣбъ всѣ горожане, а такъ какъ городскія мельницы не удовлетворяли всей потребности въ помолѣ, то горожанамъ предоставлялось молоть хлѣбъ гдѣ угодно, подѣ условіемъ внесенія платы за помолъ въ пользу городскихъ мельницъ.

Благодаря такимъ условіямъ городской жизни, промышленники и купцы не могли пользоваться всѣми

выгодами своего сравнительно лучшаго положенія, а что касается низшихъ классовъ городского населенія, собственно рабочихъ, то они представляли собою массу людей, стѣсненныхъ привилегіями мастеровъ, купцовъ и самаго города. Это были недовольные, которые легко возмущались, особенно при неурожаѣхъ, посѣщавшихъ Францію довольно часто. Въ теченіе 80 лѣтъ (1660—1741) Парижъ подвергался страшной дороговизнѣ двѣнадцать разъ и, надо сказать, это происходило въ значительной степени, благодаря только что указаннымъ условіямъ городской жизни.

Такимъ образомъ общественное положеніе Франціи можетъ быть выражено въ такой формулѣ: привилегія меньшинства, свободнаго отъ всякихъ тягостей государственныхъ, и полное безправіе большинства, несущаго на себѣ всѣ эти тягости. И надо всѣмъ этимъ царить обветшалая абсолютная монархія, на которой лежитъ отвѣтственность за все происходящее въ государствѣ.

Государственные тягости становились тѣмъ невыносимѣе, что онѣ ложились на бѣднѣйшую часть населенія. Между тѣмъ онѣ и абсолютно были значительны. Общая цифра государственныхъ доходовъ въ 1774 году, т. е. въ годъ вступленія на престолъ Людовика XVI доходила до 276.734,342 ливр.¹¹⁾, что, по общепринятому разсчету, значить столько же, сколько 560 милліоновъ въ настоящее время. Но не эта сумма только составляла тяжесть, лежавшую на платежныхъ силахъ народа. Мы видѣли выше, что духовенство собирало 123 милл. въ видѣ десятины, да феодалыные поборы духовенства деньгами и натурой оценивались въ 100 милл., что вмѣстѣ съ доходами государства составляетъ уже сумму почти въ 600 милл. Но это еще не все. Въ суммѣ государственныхъ до-

ходовъ мы видимъ только то, что дѣйствительно поступало въ казну, а не то, что взималось съ плательщиковъ. Нужно помнить, что расходы по взиманію налоговъ были очень значительны вслѣдствіе сложности финансоваго механизма, а также и вслѣдствіе того, что главные косвенные налоги, какъ-то: соляной, табачный, винный и др., были на откупѣ. Мы видимъ поэтому, что въ бюджетъ 1776 года валовой доходъ исчислялся въ 370 милл., тогда какъ чистый равняется 214 милл., а разница въ 156 милл. не попадала въ казну, и изъ нея 89½ милл. оставалось у откупщиковъ и болѣе 37½ м. составляли расходъ по взиманію такъ наз. общихъ налоговъ (*Recettes générales des finances*—*taille, capitation, vingtièmes* ¹²). Указанные 156 милл. мы должны, слѣдовательно, прибавить къ полученной нами выше цифрѣ, выражающей расходъ плательщиковъ (600 м.), что составляетъ уже около 756 м. Мы забыли еще натуральныя повинности (дорожную, постоянную и по транспортировкѣ войска), которыя тоже лежали тяжелымъ бременемъ на народѣ и оцѣнивались по меньшей мѣрѣ въ 21.000,000 L. ^{12b}).

Такимъ образомъ расходы плательщиковъ достигаютъ огромной цифры, которая была совершенно не по плечу тогдашнему богатству страны. Но значеніе этой цифры станетъ яснѣе тогда, когда мы примемъ въ расчетъ, что все прямыя налоги взимались почти исключительно съ сельскаго и низшаго городского населенія, что главная масса косвенныхъ налоговъ лежала на той же части населенія, что, наконецъ, все феодалныя доходы, десятина духовенства и т. д. получались изъ того же источника;— тою же массою бѣднаго населенія, доведеннаго до безысходнаго положенія, отбывавшей и натуральныя повинности. Не удивительно, поэтому, что увеличивавшіеся государственныя расходы не могли покрываться соответственнымъ возрастаніемъ нало-

говъ, такъ какъ въ напряженіи платежной силы есть предѣлъ, котораго не въ силахъ отозвинути никакая человѣческая сила, безъ поднятія благосостоянія страны.

Такимъ образомъ въ бюджетъ 1726 года мы еще видимъ легкій перевѣсъ доходовъ надъ расходами. Со времени Флери,—этого человѣка, экономнаго до скупости,—начинается дефицитъ, который, въ послѣдніе годы предъ революціей, шелъ впередъ гигантскими шагами. Доходы въ 1726 году равнялись 183 м., въ 1774 г. они дошли до 276 м.; но возрастаніе расходовъ шло еще скорѣе, съ 182 м. въ 1726, они въ 1774 г. поднялись до 325 м. Дефицитъ въ 48574476 ливровъ былъ наслѣдствомъ, принятымъ Тюрго отъ аббата Террэ.

Дефицитъ пополнялся обыкновенно заборомъ доходовъ впередъ, что производилось частію чрезъ посредство откупщиковъ (*fermiers généraux*), частію чрезъ королевскихъ банкировъ и, конечно, дѣлалось на условіяхъ, невыгодныхъ для казны. Долгъ государственный возрасталъ, и въ моментъ вступленія аббата Террэ (1769 г.) онъ составлялъ 110 м., не считая 161 м. доходовъ, забранныхъ впередъ. Посредствомъ «банкротствъ, несправедливостей и грабежа» (*spoliations*) онъ усилялъ, по его словамъ, сократить дефицитъ и вмѣстѣ съ нимъ и заборы доходовъ впередъ до вышеуказанной цифры; но такіе способы подрывали въ концѣ государственный кредитъ ¹²⁾. Финансовое положеніе Франціи было такимъ образомъ отраженіемъ ея экономическаго состоянія и вполне оправдывало афоризмъ Кане: «бѣды мужики—бѣдно государство». Если кому либо жилось хорошо при такомъ положеніи финансовъ, такъ это откупщикамъ. Они наживались и на счетъ народа, выжимая изъ него все, что только было возможно, и

на счет казны, ссужая ей деньги. Когда счета съ ними были сведены учредительнымъ собраніемъ, казна осталась у нихъ въ долгу на 48½ м. ливровъ, да ихъ состояніе оцѣнивалось въ 250 м. (на 60 чел.) Состояніе только 3-хъ откупщиковъ: Давида, Салазара и Маже (David, Salazar & Mager) оцѣнивали въ 180 м. ¹⁴⁾.

Такія колоссальныя богатства служатъ самымъ сильнымъ осужденіемъ финансовой системы, жертвовавшей интересами огромнаго большинства въ пользу нѣсколькихъ лицъ и безъ всякой пользы для государства. Хроническій дефицитъ доказываетъ очевиднымъ образомъ невозможность дальнѣйшаго продолженія финансовой системы, постановившей себѣ за правило: «чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ больше плати», и сдѣлавшей единственнымъ источникомъ государственнаго дохода пустой карманъ бѣднѣйшаго класса населенія. Рано или поздно, — это былъ вопросъ времени и притомъ весьма непродолжительнаго, — государству должна была предстать альтернатива: признать себя банкротомъ, или заблаговременно прибѣгнуть къ другимъ источникамъ дохода. Но такъ какъ и вслѣдъ за банкротствомъ неизбежно было въ концѣ концовъ привлечь къ несенію государственныхъ тягостей состоятельные классы, то въ итогъ будетъ всетаки необходимость отмены основнаго принципа «старого порядка» — привилегій, пропавшей вѣсь общественный и государственный строй тогдашняго времени. Такимъ образомъ революція въ смыслѣ основнаго измѣненія общественныхъ и государственныхъ отношеній была неизбежна, и ясно, что финансовыя затрудненія станутъ ея поводомъ. Умные люди того времени, какъ Вольтеръ, Тюрго, понимали это очень хорошо и предвидѣли опасность. Отъ правительства Людовика XV ждать было нечего, царствование Людовика XVI должно было рѣшить вопросъ: провозгласитъ ли революція по почину и подъ руководствомъ

правительства, или последнее, выпустивъ руль изъ рукъ, само будетъ снесено вихремъ начавшейся бури.

Людовикъ XVI. — Тюрго.

10 мая 1774 года кончилось позорное царствование Людовика XV, и на престолъ Франціи вступилъ Людовикъ XVI. Это былъ молодой человѣкъ двадцати лѣтъ, добрый, по своей семейной нравственности служившій живымъ укоромъ распущенности дѣда и его приближенныхъ, не лишенный природной способности и воодушевленный самымъ искреннимъ желаніемъ добра своему народу. Оставаясь частнымъ человѣкомъ, или вращаясь на небольшой общественной сценѣ, онъ несомненно былъ бы у мѣста; даже на посту короля Франціи, онъ не оказался бы въ неловкомъ положеніи, если бы ничего большого не требовалось, какъ только продолжать начатое, отказываясь отъ всякаго серьезнаго *начина*.

Но не таково было наслѣдіе, доставшееся Людовику XVI отъ предковъ. Дальше по старымъ путямъ идти было некуда, надобно было открывать новыя. Для такого дѣла нуженъ духъ инициативы, а его не было у молодого короля. Умъ его былъ тяжелъ и къ тому же непривычный къ сильному напряженію. На сколько король былъ хорошимъ, неутомимымъ слесаремъ, на столько онъ былъ плохимъ мыслителемъ, и сколько нибудь серьезное умственное напряженіе скоро утомляло его.

Чтобы проложить новый путь, по которому Франція могла бы выйти изъ того опаснаго положенія, въ которомъ находилась, нужно было имѣть определенную

программу дѣйствій опирающуюся на ясно сознанные принципы: безъ этого можно было бы жить изо дня въ день, влечить жалкое существованіе, пока старая обветшавшая машина не рухнетъ въ пропасть, зияющую уже впереди. А между тѣмъ этого главнаго условія политической дѣятельности, — а въ трудныя минуты ея безусловно необходимаго, — у Людовика XVI не было. Онъ зналъ — и то въ неопредѣленной формѣ, — что положеніе Франціи дурно; ни военитаніе, ни онытъ (въѣдъ ему было лишь 20 лѣтъ) не дали ему никакого представленія о необходимыхъ реформахъ, исключая развѣ того, что надо жить экономнѣе. И до конца царствованія мы не видимъ у него опредѣленнаго плана дѣйствій.

Для перестройки государственно-общественной жизни, — предположимъ, что планъ на лицо, — неизбежно было вступитъ въ борьбу со множествомъ предразсудковъ и, что можетъ быть еще труднѣе, задѣтъ множество частныхъ интересовъ; при томъ эти предразсудки и интересы принадлежать людямъ близкимъ, съ которыми постоянно находишься въ соприкосновеніи. Для такого дѣла требуется недюжинная энергія и сила воли. А между тѣмъ этихъ качествъ меньше всего было у Людовика XVI. Онъ не могъ противостоятъ малѣйшему давленію, и въ самые серьезные моменты своей жизни онъ отказывался болѣе чѣмъ скоро отъ принятаго рѣшенія и терять позицію за позиціей.

Жена его, девятнадцатилѣтняя Марія Антуанетта, не могла восполнить своимъ вліяніемъ ни одного изъ недостатковъ его. Женщина живаго ума, она не могла сосредоточиться на какой либо серьезной мысли. Страстная охотница до нарядовъ, театра, баловъ и всякихъ удовольствій, она посвящала имъ сначала все свое вниманіе и совершенно равнодушно относилась къ воен-

тивъ, устранивъ не безъ умысла отъ всякаго политическаго вліянія. Но за то тамъ, гдѣ дѣло касалось ея лично, когда слѣдовало выхлопотать награду любимцу, отомстить человѣку, заслужившему неблаговоленіе, тогда она была настойчива и всегда легко подчиняла своей волѣ короля. Она была добра, но за то гордость ея не переносила ни малѣйшаго удара, и тутъ она была злопамятна. Государственные вопросы у нея сводятся часто на личныя отношенія и потому-то вліяніе ея на мужа стало фатальнымъ, когда она стала вмѣшиваться въ государственныя дѣла. Она низвергла Тюрга за отказъ въ 500,000 фр. и за содѣйствіе отзыванію французскаго посла въ Лондонъ Гина (Guines). Она никогда не могла простить Лафайету его покровительства во время октябрьскихъ дней и поддерживала Петюна на выборахъ въ мэры Парижа, лишь бы не прошелъ Лафайетъ; подъ ея вліяніемъ отклонено королевъ его предложеніе поддержки послѣ демонстраціи 20 іюня, когда Лафайетъ заявлялъ совершенно искренно рѣшимость возстановить потрясенный авторитетъ правительства.

Такимъ образомъ съ этой стороны нѣсколько не восполнились недостатки Людовика XVI, какъ правителя. Онъ самъ чувствовалъ необходимость руководителя и, въ виду скорой смерти дѣда, занялся этимъ вопросомъ. Помощь ему оказали списокъ лицъ, составленный его отцомъ. Въ этомъ списокѣ давались совѣты на кого и на сколько можно было положиться.

Тетки короля своими совѣтами также принимали участіе въ выборѣ. Изъ лицъ, указанныхъ въ списокѣ, остановились на двухъ: Машо и Мореа. Оба были министрами при Людовикѣ XV, оба были въ опалѣ. Первый, человѣкъ твердаго характера, пользовался репутацией честнаго и прямого человѣка и былъ опытенъ

въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ былъ генеральнымъ контролеромъ и его управленіе не осталось безсуднымъ. Онъ ограничилъ права духовенства на пріобрѣтеніе имуществъ по духовнымъ завѣщаніямъ и дарственнымъ записямъ; ему же принадлежитъ установленіе налога *vingtième*, который долженъ былъ ложиться на все классы безразлично. Покойный дофинъ очень рекомендовалъ этого государственнаго человека и на немъ остановился сначала выборъ короля и его тетокъ. Но Мано нажилъ себѣ враговъ въ духовенствѣ и, кажется, подъ влияніемъ этихъ отношеній сдѣланный выборъ оставленъ, и вмѣсто Мано былъ призванъ Морена ¹⁵). И такъ первый шагъ Людовика XVI, наканунѣ вступленія на престолъ, есть шагъ не самостоятельный и, нельзя сказать, чтобы удачный.

Морена былъ старый придворный, понавишъ въ опалу за эпиграмму на Помпадуръ. Онъ не имѣлъ никакой политической программы и вполнѣ принадлежалъ къ кружку Людовика XV по своему взгляду на государственную жизнь. «Жить день за днемъ, не заботясь о будущемъ» — таковъ былъ взглядъ на людей этого кружка. Привыкши къ придворной атмосферѣ, онъ считалъ тѣ мелкія средства и интриги, которыми одерживаются придворныя побѣды, годными для управленія государствомъ. Зная по опыту, какое значеніе можетъ имѣть при дворѣ во-время сказанное остроумное слово, онъ полагалъ возможнымъ островами рѣшать важнѣйшіе государственные вопросы. Онъ былъ человекъ, глубоко равнодушный къ общественному благу, эгоистъ чистой воды, котораго если могло что либо связывать съ общественнымъ мнѣніемъ, то разве жажда популярности или вѣрнѣе говоря, тщеславіе, стремленіе къ тому, чтобы о немъ говорили. Вліяніе этого бездушнаго старика на молодого короля, въ первые годы его цар-

створенія, когда многое могло быть сдѣлано, --- оказалось, какъ увидимъ, фатальнымъ.

На первыхъ порахъ, однако, его совѣты встрѣчены были всеобщимъ одобреніемъ: отчасти они были даны ради послѣдствій, отчасти въ силу требованій придворной жизни. Д'Эгильонъ былъ тотчасъ же удаленъ. Онъ былъ слишкомъ близокъ къ г-жѣ Дюбарри, чтобы могъ быть терпимымъ хоть минуту молодымъ королемъ, а особенно королевой. Такъ какъ онъ соединилъ въ своемъ лицѣ обязанности двухъ министровъ: военнаго и иностранныхъ дѣлъ, то теперь назначены были на его мѣсто два лица: Верженнъ и Мюа. Первому поручены были иностранныя дѣла, второму---военныя. Оба они были благочестивые люди: первый пользовался репутаціей неуксуснаго дипломата, второй былъ человѣкъ прямой и сторонникъ дисциплины и экономіи. Ни тотъ, ни другой, однако, не принадлежали къ числу новаторовъ, а потому для дѣла реформы назначеніе ихъ было безразлично.

Но общественное мнѣніе далеко не было удовлетворено отставкой д'Эгильона: оставались еще Мону и Террѣ, Первому не могли простить уничтоженія парламентовъ, какъ послѣдней, хотя и весьма слабой преграды королевскому произволу; второй не могъ быть терпимъ за свои финансовыя мѣропріятія, которыми онъ самъ хвастался, именуя ихъ банкротствомъ, грабежомъ и несправедливостью. Онъ принималъ живѣйшее участіе въ обществѣ Маллусеэ, извѣстномъ подъ именемъ *Parle de Famine*. Эта компанія спекулировала хлѣбомъ, пользуясь отсутствіемъ свободы хлѣбной торговли и поддержкой министра, который всегда въ-время для компаніи издавалъ разрѣшенія и запрещенія вывоза хлѣба. Самъ король принималъ денежное участіе въ сдѣлкахъ этой шайки. Сказаннаго достаточно, чтобы понять

непопулярность аббата Террэ. Когда его отставка и отставка Мону были объявлены, всеобщая радость высказалась самым шумным образом. Въ Парижѣ устроены были фейерверки, иллюминація, и народная ненависть къ навшимъ министрамъ выразилась въ томъ, что повѣшены были торжественно чучела, изображавшія отставленныхъ министровъ. Самъ Террэ едва не былъ брошенъ толпою въ прудъ въ Шуази¹⁶⁾. Торговки Парижа (poissardes), пользовавшіяся привилегіей являться поздравлять короля съ именинами (25 августа, отставка министровъ послѣдовала 24), выразили радость по поводу изгнанія министровъ слѣдующимъ каламбуромъ: «Sire, nous venons faire compliment à Votre Majesté de la chasse qu'elle a faite hier, jamais votre grand père n'en a fait une si bonne». Не менѣе сильна была радость по поводу того, что на мѣсто Террэ назначенъ былъ Тюрго, хотя она и не была, да и не могла быть всеобщей. Радовались друзья прогресса и люди, или принадлежавшіе къ одной партіи съ Тюрго, или примыкавшіе вообще къ партіи реформы. Аббатъ Бодо, одинъ изъ выдающихся фязіократовъ, горячій приверженецъ и пропагандистъ ихъ системы, давно уже сгоралъ нетерпѣніемъ видѣть портфель министра финансовъ въ рукахъ могучаго представителя своей партіи. Тѣмъ сильнѣе была его радость по поводу состоявшагося назначенія. Еще по поводу назначенія Тюрго морскимъ министромъ, состоявшагося въ началѣ іюля¹⁷⁾, Кондорсе писалъ Вольтеру:

«Никогда еще въ королевскій совѣтъ не вступалъ человекъ, который соединилъ бы въ себѣ въ такой степени добродѣтель, мужество, безкорыстіе, привязанность къ общественному благу, образованіе и стремленіе къ его распространенію. Съ этой минуты (назначенія Тюрго) я силю такъ спокойно, какъ будто и

«нахожусь подъ покровительствомъ всѣхъ законовъ Англіи. Я даже почти пересталъ интересоваться общественными дѣлами: такъ я увѣренъ, что они должны пойти хорошо. Тюрго—одинъ изъ вашихъ почтеннѣйшихъ и одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ друзей; поэтому мы имѣли бы свою особенную причину радоваться его назначенію, еслибы особенныя причины могли имѣть мѣсто въ такомъ дѣлѣ»...

Самъ Вольтеръ писалъ тогда же Тюрго,—выражая свою радость по поводу случившагося: «Кондорсе пишетъ мнѣ, что онъ полагаетъ начало своему счастью лишь съ того дня, какъ Тюрго назначенъ государственнымъ секретаремъ».

«А я долженъ Вамъ сказать, что считаю себя весьма несчастнымъ, ибо собираюсь умирать въ то время, когда добродѣтель и выдающійся умъ на мѣстѣ (*la vertu et la raison supérieure en place*). Вы будете завалены комплиментами правдивыми и вы будете почти единственнымъ человекомъ, съ которымъ это случилось. Я далекъ отъ того, чтобы просить у Васъ отвѣта: напѣвая себѣ глухимъ басомъ *De profundis*, я пою за Васъ: «*Te Deum laudamus*».

Кондорсе не былъ физоократомъ, Вольтеръ точно также; но они представляли всѣхъ сторонниковъ царства разума, представители партіи, на сторонѣ которой было будущее. Вольтеръ одинъ стоялъ цѣлой партіи, какъ и замѣтилъ одинъ изъ современниковъ, узнавъ о томъ, что онъ поддерживаетъ физоократовъ¹¹⁾. «Назначеніе Тюрго генеральнымъ контролеромъ (финансовъ) встрѣчено всеобщимъ одобреніемъ», говорится въ корреспонденціи Метра: ¹²⁾ «Вы бы видѣли взрывъ всеобщей радости», говоритъ г-жа Эспинасъ по поводу того же событія.

Но нигдѣ радость не была такою всеобщей, какъ въ Лиможѣ. Тамъ радовались не только люди просвѣ-

ценные, понимавшіе политическое значеніе назначенія Тюрго министромъ, но и все населеніе, видѣвшее его практическую дѣятельность на пользу общую. Какъ только вѣсть о назначеніи его пришла въ городъ, муниципальные власти и жители города устроили общественный праздникъ съ фейерверкомъ. Среди потѣшныхъ огней устроено было вращающееся солнце, на которомъ была надпись: «Vive Turgot». Толпа приветствовала криками эту надпись. На главныхъ городскихъ воротахъ поставленъ былъ и освѣщенъ гербъ Тюрго, на которомъ была надпись: «Restauration». Крестьяне прервали свои страдныя работы и отслужили молебень по поводу назначенія въ министры ихъ дорогаго интенданта. Ихъ радость была смѣшана съ печалью: они жалѣли, что его больше не будетъ у нихъ.

По поводу паденія Террэ и назначенія Тюрго сочинены были стихи, выражавшіе надежду на улучшеніе дѣлъ:

„Grâce au bon Roi qui règne en France
„Nous allons voir la poule au pot !
„Cette poule c'est la Finance
„Que plumera le bon Turgot.
„Pour cuire cette chair maudite
„Il faut la Grève pour marmite
„Et l'abbé Terray pour fagot“.

Человѣкъ, назначеніе котораго вызвало такой всеобщій энтузіазмъ, былъ дѣйствительно рѣдкій и въ высшей степени замѣчательный.

Едва ли можно было подыскать въ то время человека, болѣе подготовленнаго къ той трудной задачѣ, которая сама собою навязывалась всякому генералъ-контролеру, который захотѣлъ бы не топтаться на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи наступленія катастрофы, а

двинуться, дабы избѣжать послѣдней. Тюрго былъ человѣкъ очень широкаго образованія и при томъ не поверхностнаго, а настолько глубокаго, что онъ могъ бы выступать съ самостоятельнымъ взглядомъ и сужденіемъ во многихъ изъ тѣхъ отраслей знанія, къ которымъ онъ былъ прикосновененъ. Ученикъ Кенэ и Гурно, значить экономистъ по спеціальности, онъ оставилъ по себѣ слѣды трактатомъ въ высшей степени оригинальнымъ и важнымъ въ исторіи экономической науки (Размышленія объ образованіи и распредѣленіи богатствъ). Читая его, вы видите физиократа, который, кажется, вотъ-вотъ скажетъ, что трудъ есть источникъ богатства народовъ и тѣмъ предвосхитить мысль своего знакомаго шотландца, знаменитаго автора «Исслѣдованій о сущности и причинѣ богатства». Поэтому то Кауцъ и Келлинеръ ставятъ его вѣдъ чистыхъ физиократовъ и видятъ въ его экономическихъ воззрѣніяхъ непосредственный переходъ къ ученію Смита. Исторія также была предметомъ работы его пытливаго ума. Его рѣчи и планы рѣчей изобличаютъ человѣка, сумѣвшаго окинуть взглядомъ весь длинный путь, пройденный человечествомъ и подмѣтить направленіе его движенія. Тюрго не раздѣлялъ теоріи Вико и былъ сторонникомъ теоріи прогресса. Самое начало человеческой цивилизаціи, уходящее все дальше въ глубь вѣковъ по мѣрѣ расширенія изслѣдованій, интересовало нашего пытливаго мыслителя. Обобщая наблюденія, сдѣланныя надъ жизнію американскихъ племенъ и сопоставляя ихъ съ данными историческими, онъ пытался представить себѣ существенныя формы жизни первобытнаго человѣка, а потомъ объяснить себѣ происхожденіе государства. Въ этихъ разсужденіяхъ (напр., о происхожденіи государства и монархіи) онъ совершенно самостоятеленъ.

Первобытная исторія связана съ лингвистикой. Тюр-

го и сю занимался. Зная хорошо классическіе языки, на столько хорошо, что онъ могъ говорить и писать на нихъ, онъ не только занимался на досугѣ переводами древнихъ писателей, но также и этимологіей. Онъ написалъ объ этомъ предметѣ статью въ энциклопедіи, а затѣмъ сдѣлалъ критическій разборъ сочиненія Монпертюи о происхожденіи языковъ. Въ этихъ замѣчаніяхъ мы видимъ человека, хорошо изучившаго дѣло и разсуждающаго объ немъ самостоятельно. Въ заключеніе укажу на письмо къ Бюфону, на знакомство съ Лавуазье, чтобы указать, что и естественныя науки не были ему чужды, такъ же какъ и географія, для которой онъ даже составилъ планъ ея построенія. Такимъ образомъ въ Тюрго мы видимъ сына XVIII вѣка, создавшаго энциклопедію, — и онъ былъ энциклопедистомъ сознательно на томъ основаніи, что науки тѣсно связаны между собою и другъ друга поддерживаютъ. Но голова Тюрго не была складомъ фактовъ, сложенныхъ, положимъ, въ порядкѣ; она господствовала надъ ними; его умъ отличался ясностью и послѣдовательностью. Возьмите его размышленія о богатствѣ, или мелкія статьи для энциклопедіи, или, наконецъ, его циркуляръ, особенно предисловіе къ законамъ, — вы увидите всюду замѣчательно ясное пониманіе и изложеніе сущности дѣла рядомъ съ знаніемъ мельчайшихъ подробностей; послѣднія никогда не подчиняютъ его себѣ; напротивъ онъ остается господиномъ надъ ними.

Сильная теоретическая мысль и ученые занятія сочтались въ Тюрго съ большимъ запасомъ практическихъ свѣдѣній. Онъ жилъ не кабинетной жизнью, а жизнью человека, близко стоявшаго къ государственной жизни и лично въ ней участвовавшаго. Еще въ качествѣ молодого парламентскаго чиновника (*maitre de requêtes*) онъ совершалъ экскурсіи вмѣстѣ съ Гурнэ для ознакомленія съ положеніемъ французской промыш-

плениости. Гурнэ былъ интендантомъ промышленно-сти и вмѣстѣ съ тѣмъ теоретически занимался экономическими вопросами. Эскурси съ нимъ имѣли большое значеніе. Онъ вліяли на выработку взглядовъ Тюрго на промышленность и торговлю, въ значительной степени отличавшихся отъ взглядовъ олігократовъ. Во время этого же непосредственного знакомства съ промышленной жизнью при томъ подъ руководствомъ такого знатока дѣла какъ Гурнэ, Тюрго укрѣпился въ идее свободы торговли и промышленности. Затѣмъ въ теченіи тридцати лѣтъ онъ былъ интендантомъ Лиможа и въ теченіи всего этого времени всецѣло отдавался мѣстнымъ административнымъ и хозяйственнымъ вопросамъ. Каждый годъ онъ объѣзжалъ все заокужки своего интенданства и лично вникалъ во все. Достаточно просмотрѣть его работы во время голода, ежегодные отчеты, подававшіеся министру, чтобы видѣть до какихъ подробностей онъ зналъ дѣла своей провинціи.

Кадастръ, пути сообщенія, хлѣбная торговля, кустарные промыслы, рекрутскій наборъ, раскладка налоговъ, благотворительныя работы,—вотъ дѣла, которыя занимали его и которыя ему извѣстны до самыхъ мельчайшихъ подробностей. А вѣдь все эти дѣла были въ томъ же положеніи и во всей Франціи съ небольшими варіаціями.

Каждый годъ Тюрго ѣздилъ въ Парижъ и такимъ образомъ поддерживалъ связи съ научнымъ и литературнымъ міромъ,—связи, которыя ему всегда были дороги; онъ не допускали его потонуть въ провинціальной глуши съ ея узкими интересами и взглядами.

Но и у себя въ провинціи онъ поддерживалъ научныя и литературныя связи. мало того — возбуждалъ интересъ этого рода въ мѣстномъ обществѣ. Въ Лиможѣ онъ былъ предѣтелемъ королевскаго земледѣль-

ческаго общества и принималъ живое участіе въ его работахъ: онъ написалъ нѣсколько рецензій, сочиненій, представленныхъ въ Общество для полученія премій. Надо сказать, что главнѣйшія сочиненія Тюрго, какъ то: «*Reflexions sur la formation et la distribution des richesses*», «*Valeurs et monnaies*», «*Memoire sur le frêt d'argent*», «*Lettres sur la liberté du commerce de grains*», «*Memoire sur les mines*», написаны были во время пребыванія его въ Лиможѣ.

Нечего послѣ этого и говорить, что Тюрго былъ, что называется, работающій человекъ. У него дѣло спорилось. Извѣстно, что онъ писалъ свои письма о свободѣ хлѣбной торговли во время зимняго, крайне утомительнаго путешествія по гористымъ мѣстностямъ своей провинціи. А между тѣмъ эти письма—цѣлый трактатъ по данному предмету (они занимали 150 листовъ).

Но всѣ эти выдающіяся качества пріобрѣли Тюрго симпатію населенія управляемой имъ провинціи благодаря его беззавѣтной преданности общественному благу, исключавшей и тѣнь какой либо корысти. Онъ два раза отказывался отъ перевода на лучшій постъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что такой переходъ съ мѣста на мѣсто умалитъ ту долю пользы, которую онъ можетъ принести. Во время голода въ Лиможѣ онъ не только развиваетъ изумительную дѣятельность въ борьбѣ съ несчастіемъ, не только вымаливаетъ у правительства необходимую помощь, но и употребляетъ всѣ свои личныя средства, весьма небольшія, весь свой кредитъ для помощи населенію. Въ своихъ представленіяхъ въ министерство онъ изъ года въ годъ твердитъ о бѣдственномъ положеніи провинціи и о непомерномъ ея обремененіи налогами; а это значитъ, при порядкахъ того времени, вредитъ своей служебной карьерѣ.

Но Тюрго не справлялся съ своими личными интересами, когда дѣло шло о правдѣ. Искренность была основнымъ свойствомъ его натуры. Ему горестно лицемеріе всякаго рода; сдѣлки съ совѣстью для него невозможны. Когда онъ кончалъ свои богословскія занятія, приготовляясь къ духовному поприщу, онъ увѣдѣлъ, что его убѣжденія не подходятъ къ этому званію. Онъ пишетъ объ этомъ отцу, откровенно мотивируя этимъ свое твердое рѣшеніе отказаться отъ духовнаго званія. Отецъ одобрилъ рѣшеніе сына, но друзья его, аббаты Верри, Сиссе, de Brienne и de Bouaquelaine (впослѣдствіи почти всѣ высшіе сановники духовной іерархіи) были другаго мнѣнія и представляли ему не только всѣ блестящія перспективы, ожидающія его на духовномъ поприщѣ, какъ человѣка талантливаго, но и всю пользу для общества, которую онъ можетъ оказать, благодаря своему положенію. На всѣ эти доводы онъ отвѣчалъ: «Я не могу обречь себя носить «маску въ теченіи всей жизни»; и онъ дѣйствительно никогда не поспѣлъ ея.

Можетъ быть, благодаря этому, онъ иногда не могъ разглядѣть маски на чужихъ лицахъ. Это была слабая сторона его, особенно когда ему пришлось вращаться въ придворной сферѣ, гдѣ все основано на припрятываніи своего «я», и гдѣ самый языкъ, по выраженію Талейрана, созданъ для скрыванія своихъ мыслей. Прибавимъ къ этому, что Тюрго былъ до крайности застѣнчивъ. Мальчикомъ онъ прятался отъ гостей за кресломъ своей матери, взрослымъ онъ даже не могъ говорить свободно въ присутствіи мало знакомыхъ людей. Часто сухость, — результатъ застѣнчивости, — принималась за гордость, грубость и нетерпимость. Это послѣднее качество было въ немъ; это правда, но въ весьма незначительной дозѣ. Благодаря, однако, ригористической правдивости и застѣнчивости.

у него не было даже и той малой степени покладистости, которая необходима въ сношеніяхъ съ людьми при совмѣстной дѣятельности. Я не хочу этимъ сказать, что этотъ недостатокъ покладистости былъ препятствіемъ для общественной дѣятельности: я хочу только замѣтить, что при условіяхъ тогдашней придворной жизни онъ былъ препятствіемъ для успѣха; но не забудемъ, что онъ сторпцею выкупался другими достоинствами Тюрго, ставившими его гораздо выше всѣхъ окружающихъ. Если онъ потерпѣлъ, то, какъ увидимъ, не въ немъ вина. Какъ успѣхъ не есть еще оправданіе ни лица, ни системы, такъ и, напротивъ, неудача не есть непремѣнное осужденіе.

Вступленіе Тюрго въ министерство было въ значительной степени случайнымъ. Если на него указывалъ голосъ просвѣщенныхъ людей, то надо имѣть въ виду, что голосъ этотъ не былъ еще въ то время на столько вліятельнымъ, чтобы произвести давленіе на привѣтство. Призваніе Тюрго одни объясняли тѣмъ, что его школьный товарищъ, аббатъ Верри, рекомендовалъ его г-жѣ Морепе, съ которою былъ въ большой дружбѣ, а та обратила на него вниманіе своего мужа. Другіе говорили, что призывая Тюрго въ министерство, Морепе имѣлъ рекомендацію со стороны герцогини д'Анвилля (d'Enville). Между этими извѣстіями противорѣчія нѣтъ, и они не исключаютъ другъ друга. Наконецъ, самъ король былъ предрасположенъ въ пользу Тюрго. Онъ видѣлъ его въ своемъ совѣтѣ, куда онъ былъ по обычаю приглашенъ предъ своимъ отъѣздомъ въ провинцію²⁰⁾. Здѣсь онъ съ большою живостью и энергіей возражалъ министру Террэ, желавшему увеличить налоги, платимые интендантствомъ Лиможа. Тюрго заявилъ, что онъ скорѣе подастъ въ отставку, чѣмъ согласится раззорить несчастный народъ²¹⁾. Вскорѣ послѣ этого случая состоялось его назначеніе въ

морскіе министры. Этотъ постъ былъ только переходною ступенію къ мѣсту генераль-контролера, и Тюрго занималъ его немного болѣе мѣсяца.

Но мысль стать министромъ финансовъ Франціи въ первую минуту испугала Тюрго, и онъ сталъ было отказываться, когда Морепа отъ имени короля предложилъ ему этотъ постъ. Только уступая настояніямъ Морепа, онъ согласился. Когда онъ пришелъ къ королю благодарить за оказанное довѣріе, король сказалъ ему: «Вы, однако, вѣдь не хотѣли быть генераль-контролеромъ?» «Государь», отвѣтилъ Тюрго, «я признаюсь, что предпочелъ бы морское министерство, «какъ мѣсто болѣе прочное, и гдѣ я могъ бы съ болѣею увѣренностію надѣяться сдѣлать больше добра; «но въ настоящую минуту я отдаю себя въ Ваши руки не столько какъ короля, сколько честнаго человека». Король взялъ его за обѣ руки и сказалъ: «Вы не ошибетесь» ²²). Черезъ нѣсколько дней послѣ того Тюрго, пользуясь разрѣшеніемъ короля, адресовалъ ему письмо, въ которомъ изложилъ въ общихъ чертахъ ту финансовую программу, которую король обѣщалъ поддерживать. Это письмо развиваетъ три положенія, выраженные съ лаконической ясностію: «Не должно быть ни банкротства, ни увеличенія налоговъ, ни новыхъ займовъ».

Не только отрицается явное банкротство, но и всякое маскированное уклоненіе отъ выполненія обязательствъ принятыхъ на себя государствомъ. Увеличеніе налоговъ отрицается въ силу безвыходнаго положенія народа; но это не исключаетъ, по мнѣнію Тюрго, увеличенія доходовъ государства, которое возможно при болѣе равномерномъ распредѣленіи налоговъ и при замѣнѣ налоговъ тяжелыхъ и разорительныхъ другими налогами, болѣе справедливыми и не падающими всю тяжесть на низшій классъ народа.

Новые займы невозможны, но и тутъ возможно облегченіе государства посредствомъ замѣны займовъ по вышнимъ процентамъ займами, болѣе выгодными.

Но всѣмъ этимъ мѣрамъ должно предшествовать сокращеніе расходовъ, дабы не только не было дефицита, но былъ бы излишекъ милліоновъ въ двадцать. Безъ этого, говоритъ Тюрго, первый пушечный выстрѣлъ приведетъ государство къ банкротству. Для осуществленія экономіи въ государственныхъ расходахъ необходимо, чтобы всѣ министры, при составленіи своихъ свѣтъ, входили въ соглашеніе съ генералъ-контролеромъ, и безъ такого соглашенія не производили расходовъ. Далѣе, слѣдуетъ, чтобы самъ король былъ менѣе щедръ въ своихъ милостяхъ. «Вамъ, Государь», говоритъ Тюрго, «слѣдуетъ вооружиться противъ Вашей собственной доброты и притомъ Вашою же добротою. Подумайте, откуда получаютъ деньги, которыя вы можете распредѣлять между Вашими придворными, и сравните бѣдственное положеніе тѣхъ, у кого приходится часто вырывать деньги помощію самыхъ строгихъ мѣръ, съ положеніемъ тѣхъ, которые пользуются наибольшимъ удобствомъ (*plus de titres*) для того, чтобы пользоваться Вашими щедротами. Есть милости, которыя легче расточаются, потому что онѣ не ложатся непосредственно на государственную казну. Таковы обезпеченные доходы (*intérêts croupes*)» (этимъ названіемъ обозначались суммы платившіяся членамъ королевской фамиліи откупщиками государственныхъ доходовъ) «и привилегіи. Сии болѣе опасны и допустимы злоупотребленіямъ. Всякій излишекъ въ поступленіи налоговъ, не необходимый для ихъ взиманія, есть долгъ, предназначенный или для облегченія плательщиковъ или на государственныя нужды». Далѣе Тюрго указывалъ на улучшеніе земледѣлія, уничтоженіе злоупотребленій и улучшеніе способа взиманія по-

датеѣ, какъ на средства, которыя вмѣстѣ съ экономіей способны облегчить народъ, не уменьшая чувствительно государственныхъ доходовъ.

Но онъ хорошо понималъ затрудненія, лежащія на пути къ осуществленію его намѣреній и откровенно высказалъ королю свои опасенія: «Я предвидѣлъ», говоритъ онъ въ заключеніе своего письма, «что я «одинъ буду въ борьбѣ противъ злоупотребленій «всякаго рода, противъ успій тѣхъ, которые «игрываютъ отъ этихъ злоупотребленій, противъ «массы предрасудковъ, возникающихъ противъ всякой реформы, и которые составляютъ такое могущественное оружіе въ рукахъ всѣхъ заинтересованныхъ въ удержаніи безпорядка. Мнѣ придется бороться противъ природной доброты и великодушія Вашего и лицъ, которыя ему особенно дороги. Меня будутъ бояться, я буду ненавидимъ большею частію двора, всѣми тѣми, кто ищетъ милостей. Мнѣ будутъ приписывать всѣ отказы, меня будутъ изображать «человѣкомъ черствымъ, потому что я буду представлять Вашему Величеству, что Вы не должны обогачать, въ ущербъ благосостоянія народа, даже тѣхъ, кого Вы любите. Народъ такъ легко ввести въ заблужденіе, что можетъ быть я навлеку на себя его ненависть тѣми самыми мѣрами, которыя будутъ мною приняты для защиты его противъ притѣсненій. На меня будутъ клеветать и, можетъ быть, съ вѣроятностью, достаточною для того, чтобы лишить меня довѣрія Вашего Величества. Я не буду жалѣть потери мѣста, на которое я рассчитывалъ. Я буду готовъ отказаться отъ него тотчасъ же, какъ только я потеряю надежду быть полезнымъ Вашему Величеству; но Ваше уваженіе, репутація честнаго человѣка, общественное расположеніе, которое склонило Вашъ выборъ въ мою пользу, мнѣ дороже жизни, и я рискую

«потерять ихъ даже не заслуживъ въ собственныхъ глазахъ никакого упрёка».

Очевидно, что Тюрго не составлялъ себѣ иллюзій на счетъ затрудненій своего будущаго поприща. Если онъ, не смотря на это, вступалъ на него, то единственно полагаясь на обѣщанную поддержку короля. Увы! этотъ человекъ самъ требовалъ поддержки; и въ его слабости заключается залогъ неудачи всякой серьезной рѣшительной реформы старыхъ порядковъ. Но тогда эта сторона дѣла еще не выяснилась, а потому возможна была надежда, даже расчетъ на успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, даже при слабой надеждѣ на успѣхъ Тюрго долженъ былъ рѣшиться на опытъ реформы, такъ какъ онъ хорошо понималъ, что въ ней—якорь спасенія, что въ ней—оружіе противъ грядущихъ опасностей, которыя онъ предвидѣлъ также хорошо, какъ и Вольтеръ.

Хлѣбная торговля.

Трудно изложить удовлетворительно судьбы хлѣбной торговли во Франціи, а также и политики правительства по этому вопросу, такъ какъ этотъ предметъ еще не тронутъ исторической литературой ²³). Поэтому по неволѣ приходится ограничиться лишь очень бѣглымъ очеркомъ.

Во второй половинѣ XIV вѣка вывозъ хлѣба былъ очень свободенъ; съ этого же времени и до Франсуа I эта свобода подвергалась нѣкоторымъ сокращеніямъ. Въ 1537 году Франсуа восстанавливаетъ свободу вышней торговли хлѣбомъ весьма подробнымъ эдиктомъ отъ 20 іюня. Минуя значительный періодъ религіозныхъ войнъ, когда хлѣбная торговля фактически становилась затруднительной, мы встрѣчаемся съ Сюли, реставраторомъ финансовъ и народнаго благосостоянія Франціи.

Его предпочтеніе земледѣлію извѣстно. Развитіе его онъ ставилъ въ зависимости отъ существованія свободы вывоза. По поводу постановленія судей Соmjора, запрещающаго вывозъ, онъ писалъ Генриху IV: «если каждый судья королевства сдѣластъ тоже самое, то скоро подданные Вашего Величества останутся безъ денегъ, а слѣдовательно и Ваше Величество».

Въ 1600 году парламентъ Тулузы обращался къ Сюли съ ходатайствомъ о запрещеніи вывоза хлѣба, но получилъ отказъ, «въ виду вреда подобной мѣры для интересовъ государства». Наконецъ, ради развитія земледѣлія Сюли заботился, чтобы свобода вывоза не оставалась мертвой буквой. Дабы открыть рынокъ для французскаго хлѣба, онъ заключилъ съ Голландіей выгодный для нея торговый договоръ²¹⁾. Свобода вывоза хлѣба существовала и послѣ Сюли до 1631 г., когда вывозъ хлѣба былъ запрещенъ. Но это распоряженіе Людовика XIII просуществовало не долго. Во время управленія Мазарини, когда финансы завѣдывалъ Фуке, вывозъ хлѣба былъ разрѣшенъ снова постановленіемъ королевскаго совѣта 24 января 1657 года. Мотивировано разрѣшеніе вывоза тѣмъ, что «жителямъ провинцій, вынужденнымъ продавать свой хлѣбъ (при отсутствіи вывоза) по дурной цѣнѣ, нечѣмъ будетъ платить *taille* и другіе налоги».

Изъ высканнаго мотива слѣдуетъ, что собственно торговые и промышленные интересы страны, или интересы земледѣлія не имѣлись въ виду министромъ, когда онъ издавалъ свое распоряженіе²²⁾.

На совершенно иную почву былъ поставленъ вопросъ хлѣбной торговли Кольберомъ. Устремивъ все свое вниманіе на развитіе французской торговли и промышленности, онъ поставилъ рѣшеніе вопроса о хлѣбной торговлѣ въ зависимости отъ интересовъ мануфактурной промышленности. Такъ какъ ему интересно было удешевить французскіе фабрикаты, то онъ рѣшился удешевить хлѣбъ, главный предметъ продовольствія рабочихъ, и сдѣлать это посредствомъ урегулированія вывоза хлѣба.

Нужно сказать, что тому же рѣшенію регулировать вывозъ хлѣба содѣйствовали и страшныя сцены голода 1662 г., которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ: ни-

чего онъ такъ не боялся, какъ повторенія этихъ событий.

Задавшись этою цѣлью онъ не дѣлалъ никакого общаго распоряженія о разрѣшеніи или запрещеніи вывоза, а принималъ ту или другую мѣру, смотря по состоянію урожая и высотѣ цѣнъ на хлѣбъ. До 1669 года онъ, однако, не дѣлалъ никакихъ постановленій по хлѣбной торговлѣ. За то въ теченіе остальныхъ 14 лѣтъ своей дѣятельности онъ издалъ 29 постановленій по этому предмету. Изъ нихъ 8 постановленій было абсолютно запретительныхъ, останавливавшихъ вывозъ хлѣба въ сложности на 4½ года. Восемь постановленій разрѣшаютъ вывозъ хлѣба съ платою пошлины въ 22 ливра съ *minid* ²⁶), установленной тарифомъ 1664 г., пять постановленій разрѣшаютъ вывозъ съ платою ½, или ¼ этой суммы и наконецъ восемь постановленій разрѣшаютъ вывозъ безъ всякихъ пошлинъ.

Въ существѣ дѣла распоряженія Кольбера были равнозначительны запрещенію международной хлѣбной торговли. Серьезныя хлѣбныя спекуляціи требуютъ затраты значительнаго капитала, вызываютъ операціи — разсчитанныя на болѣе или менѣе продолжительные сроки; поэтому ни одинъ значительный негоціантъ, пользующійся кредитомъ за границей, не рѣшится затратить капиталъ въ дѣло, положеніе котораго будетъ совершенно измѣнено черезъ полгода, а можетъ быть, и раньше. Мы знаемъ, что распоряженій Кольбера по хлѣбной торговлѣ было болѣе, чѣмъ два въ годъ; вотъ почему значительные капиталы были отстранены отъ нея и вывозъ сталъ ничтожнымъ. По свидѣтельству Буагильбера и Форбонне мѣры Кольбера совершенно уничтожили хлѣбную торговлю.

Вислѣдствіи и Гальяни. и Тюрго приписывали отсутствіе серьезныхъ негоціантовъ въ хлѣбной торговлѣ именно зависимости отъ произвола властей. Представ-

Действительные депутаты всех городов, сдѣланные въ 1701 году коммерческому совѣту, единогласно приписываютъ притѣсненіямъ властей вообще, застой въ торговлѣ, а депутаты Бордо указали, что мало-малыскіе разбогатѣвшіе купцы оставляютъ дѣла, чтобы только отдѣлаться отъ непріятностей сношенія съ властями.

Цѣль, преслѣдуемая Кольберомъ, — пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, повидимому, была достигнута. Цѣны на хлѣбъ дѣйствительно понизились. Измѣненія въ нихъ происходили въ слѣдующемъ порядкѣ:

съ 1636 по 1645 г.	—12 L.	за сѣть
" 1646 " 1655 "	—17 " "	" "
" 1656 " 1665 "	—18 " "	" "
" 1666 " 1675 "	—10 " "	" "
" 1676 " 1685 "	—10 " "	" 27)

Но, во первыхъ, низкія цѣны не есть доказательство, что хозяйство идетъ хорошо; современники свидѣтельствуютъ, что низкія цѣны раззоряли земледѣльцевъ, оказавшихся въ плачевномъ состояніи вслѣдствіе значительнаго, печальнаго сокращенія рынка, и косвенно дурно отразились на ходѣ мануфактурной промышленности, о которой хлопоталъ Кольберъ. Раззореніе земледѣльцевъ влекло за собой сокращеніе потребности предметовъ обрабатывающей промышленности, что, конечно, было чистымъ убыткомъ для послѣдней. Во вторыхъ, цѣны хлѣба, продержавшись на низкомъ уровнѣ сравнительно не долгое время, снова поднялись въ послѣдніе десятилѣтія XVII вѣка до уровня 50—60-хъ годовъ, когда замѣтимъ кстати, былъ голодъ 62 года.

Нищета дошла до такой степени, что преемники Кольбера распорядились запретить совершенно вывозъ хлѣба подъ страхомъ конфискаціи груза и платежа въ 500 ливр. штрафа. Эта мѣра, однако, не предотвратила значительной дороговизны 90-хъ годовъ. Затѣмъ, прав-

да, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, цѣна сильно падаетъ въ первомъ десятилѣтіиXVIII вѣка, но за то въ это же время многія мѣстности Франціи, наиболѣе плодородныя, страдали отъ голода, и населеніе вынуждено было ѣсть кору.

Такое странное явленіе однако объясняется лишь по стольку торговой политикой правительства, по скольку отсутствіе виѣшней торговли хлѣбомъ затрудняетъ своевременный и значительный ввозъ. Но такъ какъ въ 1703 и 1704 годахъ (когда былъ голодъ въ Піени и Пуату) была война, то, очевидно, что ввозъ былъ затруднителенъ и помимо торговой политики правительства. Гораздо большее вліяніе на ходъ дѣла могла имѣть внутренняя торговля, а между тѣмъ она сама подвергалась во Франціи издавна разнымъ стѣсненіямъ.

Начало стѣсненія внутренней торговли хлѣбомъ, какъ и вообще всей торговли, кроется въ феодальныхъ отношеніяхъ. Каждая сеньорія была отдѣлена отъ другой заставами, на которыхъ взимались провозныя пошлины. Рѣчные пути не составляли исключенія. Серьезный шагъ къ освобожденію внутренней торговли хлѣбомъ сдѣланъ Кольберомъ. Онъ перенесъ заставы съ границъ сеньорій на границы провинцій и пересталъ слѣдно уважать коммунальныя и сеньоріальныя права въ дѣлѣ торговли жизненными продуктами ²⁸⁾. Торговля сношенія провинцій другъ съ другомъ онъ старался освободить отъ препятствій. Но такое направленіе политики просуществовало не долго. Преемники Кольбера постарались не только уничтожить виѣшнюю торговлю хлѣбомъ; но въ 1699 г. издали указъ, по которому торговля хлѣбомъ между провинціями была воспрещена совершенно ²⁹⁾.

Кромѣ общихъ установленій и распоряженій по хлѣбной торговлѣ, еще раньше появились и долго существовали разныя частныя распоряженія и установ-

лений, которые оказывали очень сильное влияние на хлебную торговлю и часто парализовали благія начинания правительства.

Тюрго относитъ начало регламентовъ по хлебной торговлѣ къ царствованію Карла VI и особенное разнѣженіе ихъ ко времени религіозныхъ войнъ ²⁾). Общей причиной, создавшей мѣстныя стѣсненія хлебной торговли, былъ феодальный принципъ и духъ привилегій и монополій, проникавшіе городскую жизнь стараго порядка. Принимаемыя мѣры по хлебной торговлѣ диктовались не подъ влияніемъ государственныхъ интересовъ, а подъ влияніемъ интересовъ городскихъ торговцевъ и даже какой либо части ихъ: учреждаемыя установленія по хлебной торговлѣ въ силу той же причины всегда имѣли въ виду сохраненіе выгодъ какихъ либо монополистовъ, или привилегированныхъ городскихъ чиновниковъ. Правда, обезпеченіе интересовъ потребителей имѣлось въ виду: но только потребителей города въ тѣсномъ смыслѣ слова, а даже не крестьянъ, не говоря уже о деревнѣ.

Виселѣтствіи, когда государство стало всемогущимъ и города склонили предъ нимъ голову, различными учрежденіями и постановленіями по хлебной торговлѣ выдвигались фискальными интересами. Множество продолжавшихъ должностей по хлебной части было учреждено благодаря желанію пополнить государственную казну.

Еще со времени раннихъ вѣковъ восточныя были различныя городскія привилегіи, занимавшіяся съ хлѣбомъ, какъ то: мѣры, мѣна, мѣна, и друг. Вѣроятно къ тому же времени относится и первое поминаніе о бѣдѣ, являющейся въ случаѣ неурожаевъ. Виселѣтствіи къ тому времени относятся и различныя установленія для помощи нуждающимся, и различныя мѣры по поддержанію цѣны на хлѣбъ. Виселѣтствіи къ тому времени относятся и различныя мѣры по поддержанію цѣны на хлѣбъ. Виселѣтствіи къ тому времени относятся и различныя мѣры по поддержанію цѣны на хлѣбъ.

рижѣ, гдѣ разныя рыночныя должности учреждаются съ 1688 года, затѣмъ въ Руанѣ, гдѣ должности 90 носильщиковъ были учреждены очень «давно», потомъ уничтожены и снова возстановлены въ 1675 г.

Дѣлались попытки (1759 г.) совсѣмъ отиѣнить многія должности, а вмѣстѣ и пошлины, съ ними связанныя, но до Тюрга эти попытки не осуществились.

За налогами идутъ привилегированные торговцы-монополисты и монопольныя установленія городовъ. Такъ въ 1692 году образовалась въ Руанѣ корпорація изъ 112 купцовъ, имѣвшихъ исключительное право покупки хлѣба — въ городѣ и на главныхъ рынкахъ Нормандіи; въ Ліонѣ съ 1700 года закрѣпляется за цеховыми пекарями исключительное право продажи хлѣба въ городѣ, при чемъ пекарни предмѣстій лишаются такого права. Въ Руанѣ городъ со времени среднихъ вѣковъ пользуется феодальнымъ правомъ на помолъ (banalité), такъ что всѣ жители города обязаны молоть хлѣбъ по городскимъ мельницамъ. Въ другихъ городахъ закрыты были свободные пути для хлѣба. Такъ съ 1565 года транзитъ по Сенѣ прекращенъ, такъ какъ запрещено было вывозить хлѣбъ изъ Парижа, а въ 1622 и 1632 году это запрещеніе распространено на весь округъ въ 10 льѣ разстоянія отъ города. Транзитъ по Ронѣ былъ заторможенъ городскими властями Ліона. Со времени перваго тарифа Колюбера, Марсель, оказавшійся на положеніи иностраннаго города, закрытъ для внутренней хлѣбной торговли. Движеніе хлѣба по Гаронѣ черезъ Бордо тормозится транзитными пошлинами этого города, подтвержденными въ 1757 году.

Такимъ образомъ главные водные пути или совершенно закрыты, или основательно загромождены, чтобы парализовать внутреннюю торговлю. Но этимъ дѣло не ограничивалось. Рыночныя и другіе регламенты уве-

личивали затрудненія. Еще въ 1415 г. появляется королевскій ордонансъ, запрещающій сваливать съ возовъ хлѣбъ, или даже развязывать мешки. Тамъ же встрѣчается запрещеніе выгружать хлѣбъ, прибывшій на баркѣ, или даже просто класть его подъ тентъ. Далѣе предписывается продать хлѣбъ не позже 11 дней. Въ послѣдствіи, однако, въ 1635 г. купцамъ запрещается покупать хлѣбъ въ Парижѣ, а покупки булочниковъ ограничиваются 2 мuid (36 гектол.) во время одного базара. Въ 1681 году ордонансъ 1415 г. подтверждается постановленіями, запрещающими склады хлѣба внѣ города, продажу его въ дорогѣ и даже развязываніе мешковъ. Въ 1675 г. новыя подтвержденія сдѣланныхъ запрещеній съ прибавкой запрещенія повышать цѣну послѣ того, какъ начали продажу хлѣба съ данной лодки.

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, сказать что либо о регламентахъ другихъ городовъ, за неимѣніемъ данныхъ, но можно съ большою вѣроятностію утверждать, что они были сходны съ парижскими ³¹).

Сказаннаго о первыхъ достаточно, чтобы понять, какія затрудненія встрѣчало движеніе хлѣба. Поэтому то всякая мѣра, касавшаяся она вывоза хлѣба, или же торговли между провинціями, -- не могла принести всѣхъ результатовъ, пока она не трогала мѣстныхъ установлений и регламентовъ. Мы видѣли, что начало XVIII вѣка встрѣтило хлѣбную торговлю въ путяхъ запрещеній. Но этому же столѣтію Франція обязана самымъ уместнымъ движеніемъ, отразившимся и на анализѣ экономическихъ явленій. Роль Англіи въ этомъ движеніи извѣстна. Въ дѣлѣ хлѣбной торговли она тоже оказала вліяніе. Въ противоположность Французской боязни вывоза хлѣба, она не только допускала его свободу, но даже съ 1688 года поощряла ее преміей

въ 5 шил. на кварталъ пшеницы. Англійское земледѣліе процвѣтало сравнительно съ французскимъ, и это процвѣтаніе стали во Франціи приписывать именно свободѣ хлѣбной торговли.

Подъ вліяніемъ такихъ воззрѣній начинается реакція противъ запретительнаго режима. Въ 1749 г. генераль-контролеръ Машо (Machault) .возстанавливаетъ свободу торговли хлѣбомъ между провинціями. 17 сентября 1754 года вмѣстѣ съ свободой внутренней торговли, предоставлено было право вывоза изъ Лангедока и области д'Ошъ (généralité d'Auch). Этотъ робкій шагъ къ свободѣ вывоза вынужденъ вышеуказаннымъ поворотомъ во взглядахъ общества относительно хлѣбной торговли²²). Рѣшительный толчекъ къ пользу свободы хлѣбной торговли и вообще большому вниманію къ интересамъ земледѣлія дается докторомъ Кэне. Покинувъ меркантильный принципъ и попытавшись основать богатство народовъ на земледѣліи, какъ единственно производительномъ занятіи, онъ своимъ сочиненіемъ «Tableau économique» (1758 года) возбудилъ противъ себя много противниковъ. Негоціанты и фабриканты недовольны были своимъ отчисленіемъ въ разрядъ непродизводительныхъ людей. Землевладѣльцы были недовольны тѣмъ, что на нихъ однихъ предполагалось возложить всѣ государственныя повинности. Либералы были недовольны деспотическими склонностями автора и уста и Вольтера («L'homme aux quarante écus») осмѣяли его. Но на ряду съ противниками явились рьяные послѣдователи и, надо признать это, это были вполне убѣжденные и энергичные люди, и искренно преданные общественному благу. Афоризмъ Кэне «raucres pausanz, raucres pouaume» сталъ ихъ лозунгомъ и забота о бѣднѣйшихъ классахъ сдѣлалась основой ихъ программы. Развивая ученіе своего учителя, нѣкоторые изъ нихъ пошли дальше и

отказавшись от крайностей, довершили поворотъ въ экономической наукѣ.

Отрицая всякаго рода привилегіи, признавая свободу производства хлѣба и торговли имъ, фізіократы не могли не оказать вліянія на торговую политику правительства, и не только чрезъ давленіе общественнаго мнѣнія, — оно, какъ мы видѣли, и раньше было настроено въ пользу свободы, — но еще близостью къ высшимъ сферамъ самаго основателя фізіократизма.

Въ 1763 году (25 мая) возобновлена свобода циркуляціи хлѣба и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено дѣлать хлѣбныя магазины. Въ 1764 году появляется эдиктъ о свободѣ хлѣбной торговли. Введеніе къ нему проникнуто фізіократическими началами. Подтверждая свободную циркуляцію хлѣба, эдиктъ этотъ представляетъ полную свободу вывоза хлѣба на французскихъ корабляхъ и ввоза на корабляхъ всѣхъ націй. При этомъ платилась пошлина въ 1 проц. при ввозѣ и въ $\frac{1}{2}$ проц. при вывозѣ. Кромѣ того эдиктъ указываетъ случай, когда вывозъ можетъ быть приостановленъ изъ данной мѣстности королевства: для этого требовалось, чтобы въ данной мѣстности на трехъ базарахъ сряду цѣна хлѣба доходила до 12 ливр. 10 су за кенталь (quintal=0,416 сетье).

Это ограниченіе хлѣбной торговли признавалось эдиктомъ временнымъ, установленнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока народъ не пойметъ выгодъ свободной торговли ³³⁾.

Этотъ пунктъ эдикта своею неопредѣленностью могъ послужить основаніемъ для весьма произвольныхъ мѣръ со стороны администраціи. Гальяни справедливо указывалъ потомъ въ своихъ «*Dialogues sur le commerce des blés*», что была бы только охота, а всегда можно подобрать три базара въ разныхъ пунктахъ данной мѣстности, гдѣ цѣна дойдетъ до требуемаго

максимума. Не трудно наконецъ на какомъ либо небольшомъ рынкѣ искусственно произвести дороговизну.

Существенный недостатокъ, какъ деклараціи 25 Іюня 1763 года, такъ и эдикта 1764 года, заключается въ томъ, что эти законодательные акты оставили безъ отмѣны всѣ тѣ мѣстныя установленія, которыя составляли существенное препятствіе для свободы внутренней торговли. Этотъ недостатокъ указывалъ въ послѣдствіи Тюрго, доказывая, что сохраненіе этихъ мѣстныхъ установленій, дѣлало опытъ свободы хлѣбной торговли фиктивнымъ. При стѣсненіи же внутренней торговли внѣшняя не могла, во первыхъ, развернуть свои силы и принести всю пользу внутреннимъ провинціямъ, а, во вторыхъ, въ случаѣ неурожае внутри государства она могла принести—вредъ, такъ какъ даже при высокихъ цѣнахъ внутри страны, могло оказываться болѣе выгоднымъ везти сего за границу, чѣмъ тащить внутрь ся—черезъ лабиринтъ регламентовъ, привиллегій, монополій и другихъ установленій, давившихъ хлѣбную торговлю. Говоря объ этомъ предметѣ, Гальяни замѣтилъ, что существованіе излишка хлѣба для вывоза опредѣлится тогда «когда исполнѣ свободное обращеніе хлѣба внутри страны будетъ установлено совершенно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ». На возраженіе своего противника, что свобода торговли сама создастъ излишекъ хлѣба, онъ отвѣчалъ: «Большая разница между понятіями рекомендовать и сдѣлать. Недостаточно рекомендовать устранить препятствія для свободы внутренней торговли, надо сдѣлать это» ³⁴).

При несовершенствѣ же свободы внутренней торговли и при легкости вывоза изъ пограничныхъ провинцій, возможно, говорилъ Гальяни, устроить фиктивный вывозъ куда нибудь на близлежащіе острова съ исключительною цѣлью поднять цѣны въ тѣхъ са-

ных провинціяхъ, изъ которыхъ хлѣбъ былъ вывезенъ. Для устраненія такого рода операций, Гальяни предлагалъ установить вывозную пошлину въ такомъ размѣрѣ, чтобы она равнялась разницѣ между стоимостью доставки хлѣба внутрь страны и стоимостью доставки его въ чужую страну.

Говоря объ этой пошлинѣ и о фиктивномъ вывозѣ, Гальяни осторожно намекаетъ на дѣятельность *Racis de Famine*, устроившей на о Джерси склады вывозимаго хлѣба.

Эдикты о свободѣ появились въ концѣ того счастливаго періода (1715—1765 г.), который отмѣченъ обиліемъ урожайныхъ годовъ во всей С. З. Европѣ. Въ теченіи его наиболее удобно было перейти отъ запретительной системы къ свободѣ хлѣбной торговли.

²⁵⁾ Сначала эдикты оказали хорошее дѣйствіе, давъ возможность утилизировать излишки хорошихъ урожаевъ 1765 и 1766 годовъ.— Но съ 1767 года положеніе стало инымъ. Плохіе урожаи повлекли за собой дороговизну. Народъ приписывалъ ее вывозу. Но вывозъ въ лучшіе годы достигалъ суммы 15 милл. франк., что было сущими пустяками съ общей суммой потребителей. Если принять однако въ расчетъ, что эти 15 милл. франк. брались изъ запасовъ нѣсколькихъ пограничныхъ провинцій, то цифра эта получить иное значеніе и вывозъ долженъ былъ сильно вліять на цѣны, такъ какъ подвозъ изъ внутреннихъ областей былъ труденъ. Причина, значить, была въ стѣсненіи внутренней торговли.

Сильныя волненія произошли въ Нормандіи въ 1768 году. Парламентъ Руана потребовалъ запрещенія вывоза. Ему было отказано. Онъ началъ преслѣдованіе противъ монополистовъ, и не былъ неправъ, ибо игроки на повышение цѣны были могущественны. Кроме того не забудемъ о существованіи въ Нормандіи

корпораціи 112 купцовъ, въ рукахъ которыхъ находилась вся хлѣбная торговля этой области. Преслѣдованіе было прекращено королемъ. Тогда парламентъ адресовалъ королю письмо, въ которомъ говорилъ слѣдующее: «Весьма значительныя закупки хлѣба сдѣланы одновременно и за одинъ счетъ на многихъ рынкахъ Европы. Предпріятія частныхъ лицъ не могутъ быть столь значительны. Только общество, членами котораго состоятъ могущественные люди и съ большимъ кредитомъ, способно на такія операціи. Есть признаки вліянія правительства, слѣды власти. Негоціантъ-спекуляторъ не ошибся: покупки хлѣба въ магазины дѣлались подъ покровомъ властей людьми, не обращавшими вниманія ни на какія запрещенія; у насъ есть доказательства въ рукахъ. Запрещеніе продолжать преслѣдованія доказываетъ существованіе виновныхъ, боязнь, чтобы они не были открыты, желаніе избавить ихъ отъ наказанія. Это запрещеніе, послѣдовавшее съ высоты трона, превращаетъ наши сомнѣнія въ увѣренность».

Когда министръ двора Бертенъ (посвященный въ частныя дѣла Людовика XV) отвѣтилъ парламенту, что «сего доводы основаны лишь на догадкахъ и что они плохо вяжутся съ уваженіемъ къ королю», парламентъ отвѣчалъ непосредственно королю: «Когда мы говорили, что эта монополія существуетъ и что она покровительствуется, то, Боже избави, чтобы мы имѣли въ виду Ваше Величество; но, можетъ быть, нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кого Вы одѣли своею властью» ²⁶⁾.

Это служитъ доказательствомъ существованія *Raisé de Famine*, говоритъ *Martin*. Общество, получившее это прозвище въ народѣ и называвшееся иначе обществомъ *Малпессе*, по имени одного изъ главныхъ дѣятелей, обращалось подъ благовиднымъ предлогомъ уравнивать цѣны посредствомъ закупки хлѣба въ дешовое время

и продажи его для прокормленія столицы въ болѣе дорогое время. Король успокоивалъ этимъ свою совѣсть, принявъ изъ жадности въ деньгамъ участіе въ этихъ операціяхъ.

Общество производило закупки хлѣба, вывозило его обыкновенно на островъ Джерси и ждало, пока цѣны поднимутся, и тогда постепенно продавало свои запасы тому же народу, у котораго они были взяты раньше по дешевой цѣнѣ. Конкуренціи по закупкамъ оно не боялось, благодаря покровительству правительства; благодаря тому же покровительству оно могло всегда дѣлать закупки своевременно. Преслѣдовать его агентовъ за злоупотребленія нечего было и думать. Когда нѣкто Прево де Бомонъ, добывъ свѣдѣнія объ основномъ договорѣ общества Малиссе, сообщилъ о нихъ Руанскому парламенту, послѣдній не могъ сдѣлать ничего, кромѣ констатированія факта. Документы были похищены раньше, чѣмъ дошли до парламента. Самъ Прево исчезъ. Его нашли лишь черезъ 22 года въ казематѣ государственной тюрьмы. Попадобилось 14 іюля, чтобы ему воротить свободу ³⁷⁾.

Новый генераль-контролеръ аббатъ Террэ принималъ сердечное участіе въ дѣлахъ «общества голодовки» и оказалъ ему большую услугу прекращеніемъ вывоза хлѣба. Эта мѣра (14 іюля 1770 года) была объявлена временною, но она-то и послужила миной средствомъ временными разрѣшеніями и запрещеніями вывоза хлѣба оказывать покровительство спекуляціямъ «Общества голодовки» ³⁸⁾.

Въ концѣ того же года онъ обратился съ циркуляромъ къ интендантамъ, прося дать заключеніе о достоянствѣ декларацій 25 мая 1763 года и эдикта іюля 1764 года. Тогда-то онъ получилъ извѣстныя письма Тюрго о хлѣбной торговлѣ, о которыхъ сказано ниже.

Убѣдительная и горячая защита свободы хлѣбной торговли, заключавшаяся въ нихъ, не оказала дѣйствія на аббата Терра. Постановленіемъ совѣта 23 декабря 1770 года и указомъ (*Lettres patentes*) 16 сентября 1771 года запретительная система была возстановлена.

Хотя на словахъ свобода хлѣбной торговли внутри страны признавалась, но на дѣлѣ новыя распоряженія дѣлали ее невозможною.

Всякій, кто желалъ заняться хлѣбной торговлей, обязанъ былъ занести въ полицейскій списокъ свое имя, прозвище, званіе, мѣсто жительства, мѣстонахождение своихъ магазиновъ и всѣ документы, относящіеся къ предпріятію.

Далѣе запрещалось покупать или продавать хлѣбъ гдѣ бы то ни было, кромѣ рынка, и притомъ въ опредѣленные дни и часы.

Такимъ образомъ формальности, которыми была обставлена хлѣбная торговля, отчуждали отъ нея всякаго купца; полицейскій же произволъ, которому открывался широкій просторъ различными мелочными и трудно-выполнимыми правилами, сохранялъ, казалось, за собою право разорить и обезчестить всякаго хлѣбнаго торговца. Благодаря этому всѣ купцы мало-хальски значительные, могущіе серьезно заняться хлѣбной торговлей, избѣгали этого «позорнаго» дѣла.

Запрещеніе покупать или продавать гдѣ либо внѣ рынка оказывалось крайне стѣснительнымъ для потребителя. Вольтеръ такъ описывалъ въ послѣдствіи положеніе дѣла: «въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ мы стеснялись, будучи вынуждены возить нашъ хлѣбъ на рынокъ *ничтожнаго* мѣстечка, именуемаго нашей столицей. Сеньоры, священники, земледѣльцы и ремесленники

двадцати деревень обязаны отправляться сами или посылать кого либо съ хлѣбомъ въ эту столицу. Если кто либо у себя дома продавалъ сосѣду хотя бы одно сѣтье хлѣба, то подвергался штрафу въ 500 ливровъ; самый хлѣбъ, повозка и лошади конфисковались въ пользу стражниковъ, открывавшихъ это хищеніе (garrire). Сеньоръ, давшій пшеницы или овса своему вассалу, подвергался риску попасть подъ уголовщину (se voir ripi comme un criminel).

Нужно было, чтобы сеньоръ послалъ этотъ хлѣбъ за 4 лѣ на рынокъ и чтобы вассалъ сдѣлалъ четыре лѣ, чтобы взять его, да столько же обратно, тогда какъ онъ могъ получить его у себя дома безъ всякаго труда и расходовъ ³⁹). Наконецъ, купцы не могли дѣлать серьезныхъ покупокъ, ибо всякая серьезная покупка хлѣба на рынокъ влечла за собою сильное возвышеніе цѣны и затѣмъ волненіе въ народѣ. Само собою разумѣется, что агенты «Общества голодовки» не смущались никакими запрещеніями и свободно нарушали ихъ, производя свои чудовищныя операціи.

Такимъ образомъ, хотя подъ давленіемъ идей экономистовъ совершилась попытка введенія свободной хлѣбной торговли; но эта попытка не удалась. Причины неудачи лежатъ въ томъ, что оставлены были нетронутыми многіе регламенты и учрежденія, парализовавшіе внутреннюю торговлю, — во вторыхъ, въ томъ, что масса народа смотрѣла на хлѣбную торговлю, какъ на неизбежное зло, которое можетъ быть терпимо лишь съ извѣстными условіями и ограниченіями, — и въ третьихъ, наконецъ, въ томъ, что низшіе органы власти, иногда вполне независимые, раздѣляя тоже воззрѣніе общества, не могли привыкнуть къ мысли, что такое дѣло, какъ хлѣбная торговля, можетъ идти безъ правительственнаго надзора и руководства.

Оставляя въ сторонѣ первую причину, какъ явленіе случайное, мы можемъ замѣтить, что двѣ другія сводятся къ одному общему явленію, характеризующему старый порядокъ,—къ системѣ опеки. Всѣ отрасли общественной и государственной жизни находились подъ правительственной опекой; необходимость опеки вошла глубоко въ общественное сознаніе, прочно укоренилась въ общественныхъ нравахъ. Странно было при такихъ условіяхъ изытіе хлѣбной торговли изъ общаго порядка, и страшно это было, потому что касалось насущнѣйшаго интереса челоуѣка. Очевидно, что прочное освобожденіе хлѣбной торговли возможно было только съ послѣдовательнымъ проведеніемъ принципа свободы (и отрицанія опеки) во всѣ отрасли общественной жизни или, по крайней мѣрѣ, во всѣ экономическія отношенія.

Къ этимъ трудностямъ освобожденія хлѣбной торговли присоединилось, со времени образованія «Общества голодовки», еще одно частное условіе. Дѣятельность этого чудовищнаго товарищества создала множество могущественныхъ интересовъ, въ выгодѣ которыхъ было сохраненіе существующаго порядка. Выгоды отъ операций «общества голодовки» доставались сильнымъ міра, которые были вершителями судебъ государства. Положимъ, за смертію Людовика XV, не стало короля, заинтересованнаго въ монопольной торговлѣ хлѣбомъ, но остались принцы и придворные.

Вотъ почему сохраненіе на мѣстѣ аббата Террэ имѣло не мало сторонниковъ, а вступленіе въ министерство Тюрго встрѣчено было, рядомъ съ радужными надеждами друзей прогресса, сильными опасеніями гораздо болѣе многочисленныхъ охотниковъ до наживы на счетъ народа.

Приступая къ уничтоженію и измѣненію порядковъ, господствовавшихъ въ хлѣбной торговлѣ, Тюрго имѣлъ исполнѣ определенный планъ. Воззрѣнія его на хлѣбную торговлю не составляли тайны для людей, такъ или иначе заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Еще въ 1770 году, въ то время, когда голодъ постигъ Лимузенъ и Ангумуа, Тюрго пользовался своей властью интенданта для поддержанія свободы хлѣбной торговли и защиты ея отъ предразсудковъ толпы и администраціи ⁴⁰⁾). Во всѣхъ изданныхъ съ этой цѣлью актахъ свобода торговли признавалась принципиозно, какъ единственное средство, способное обезпечить народное продовольствіе. Когда въ концѣ того же года поднятъ былъ аббатомъ Дю-Террэ, тогдашнимъ генералъ-контролеромъ, вопросъ о регламентаціи хлѣбной торговли, Тюрго не остался безгласнымъ. На запросъ министра, обращенный къ интендантамъ, Тюрго отвѣчалъ семью письмами. Эти письма, хотя и писаны были въ дорогѣ, среди хлопотъ по распредѣленію налоговъ, представляютъ цѣлые трактаты по вопросу, поднятому министромъ.

Впослѣдствіи часть ихъ была опубликована, и общество узнало въ подробности мотивы, побуждавшіе Тюрго защищать свободу хлѣбной торговли. Въ этихъ письмахъ онъ доказываетъ :

1) Что свобода торговли выгодна для землевладѣльцевъ, потому что ихъ доходы увеличатся. Увеличеніе ихъ доходовъ авторъ ожидаетъ отъ прекращенія колебаній цѣнъ на хлѣбъ, которыя (колебанія) производятъ пониженіе средней цѣны, выводимой за нѣсколько лѣтъ. Авторъ доказываетъ это въ четвертомъ письмѣ подробными вычисленіями и цифровыми таблицами ⁴¹⁾).

2) Что свобода торговли будетъ выгодна для земледѣльцевъ, такъ какъ ихъ доходы будутъ больше

по той же причинѣ, по которой увеличатся доходы землевладельцевъ;

3) Что свобода торговли будетъ выгодна и для потребителей, потому что, хотя цѣна на хлѣбъ нѣсколько и поднимется (не вездѣ) до цѣнъ международнаго рынка (*marché general*), но расширение земледѣльческаго производства увеличитъ спросъ на трудъ и заработная плата поднимется еще больше. Къ выгодѣ потребителей еще послужитъ и общее увеличеніе продуктовъ, послѣдствіемъ котораго будетъ обезпеченіе общества отъ голода.

Особенно краснорѣчиво и энергично доказывать Тюрго выгоды земледѣльцевъ и выгоды всей страны (въ шестомъ письмѣ). Какъ результатъ свободы хлѣбной торговли, онъ видитъ сначала такое увеличеніе доходности земли, что дѣла фермеровъ значительно поправятся; но рента (*prix locative*) не поднимется сейчасъ же съ тою быстротой, потому что фермеры могутъ обратиться къ тѣмъ землямъ, которыя до сихъ поръ кое какъ обрабатываются половинками или десятинщиками. А такія земли составляютъ $\frac{1}{7}$ всего королевства. Если бы даже, говоритъ Тюрго, онѣ составляли только половину или $\frac{3}{7}$, и еслибы система свободы имѣла единственнымъ результатомъ уравниеніе производительности этихъ провинцій съ производительностью тѣхъ, въ которыхъ земледѣліе ведется лучшими способами (*en grande culture*) ⁴²⁾, еслибы даже производительность и доходность послѣднихъ и не увеличились также въ довольно значительной степени, можете ли вы не замѣтить той огромной выгоды, которую извлечетъ государство изъ такого переворота, того громаднаго увеличенія массы доходовъ и предметовъ жизненныхъ потребностей, и не видѣть того, что выиграетъ производство вообще отъ свободы ⁴³⁾.

Тюрго не скрывалъ, что общее развитіе земледѣлія будетъ результатомъ не только свободы хлѣбной торговли. «Это измѣненіе (развитіе земледѣлія и богатства вообще) произойдетъ медленно. Я согласенъ, говорить онъ, что для ускоренія его потребуются другія правительственныя дѣйствія и, главнымъ образомъ, реформа поземельнаго налога», но все же земледѣліе выиграетъ значительно и до осуществленія этой послѣдней реформы. Не менѣе энергично доказываетъ Тюрго выгоды, которыя извлечетъ потребитель отъ свободы хлѣбной торговли. Онъ выиграетъ прежде всего отъ уравнинія цѣны на хлѣбъ. Всякое возвышеніе цѣны, происходящее отъ недостатка хлѣба, отзывается прежде всего на бѣдномъ народѣ. Для восполненія этого недостатка необходимы или запасы хлѣба или привозъ его извнѣ. Запасы хлѣба могутъ быть съ наибольшею выгодною для дѣла устранимы и содержимы негоціантами, дѣйствующими за свой страхъ и рискъ. Они же съ наименьшими потерями могутъ доставлять хлѣбъ изъ одной мѣстности въ другую. Но чтобы они могли дѣйствовать, имъ должна быть гарантирована свобода операций; мало-мальски соидный негоціантъ, а только такіе и могутъ совершать большія операции, не захочетъ отдавать себя на произволъ полиціи, или хотя бы самаго правительства.

Предположивъ, что правительство само возьметъ на себя снабженіе хлѣбомъ народа, или вздумаетъ дѣлать это черезъ посредство компаній, предположивъ, что всѣ агенты его обладаютъ ангельскою честностію и премудростію болѣе, чѣмъ ангельскою, все же оно не только будетъ продавать хлѣбъ дороже, но въ голодный годъ не доставитъ его вовсе. Помимо ужасовъ голода, которымъ оно подвергнетъ народъ, оно само станетъ нещастнымъ, не смотря на всѣ благія namfrenia». Едва-ли самые тонкіе политики, говоритъ Тюрго

го, могли бы высчитать, когда и въ какомъ мѣстѣ необходимо уменьшить или увеличить покупную или продажную цѣну хлѣба, и могли бы убѣдить въ этой необходимости народъ, сдѣлать его болѣе разсудительнымъ въ такомъ дѣлѣ, которое касается его собственнаго существованія. Можно ли думать, что онъ будетъ слѣпо довѣрять компаніи, которая одна будетъ распоряжаться цѣнами на хлѣбъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Въ каждой надбавкѣ цѣны онъ увидитъ несправедливое притѣсненіе: пусть компанія состоитъ изъ ангеловъ, онъ будетъ всегда считать ее состоящей только изъ мошенниковъ. Продавцы (производители) и потребители, поочередно возмущаемые, то низкою покупною цѣною, то высокою цѣною продажною, сойдутся въ своей несправедливости, и правительство будетъ предметомъ этой несправедливости, вызываемой колебаніемъ цѣнъ; народъ всегда припишетъ это колебаніе жадности его (правительства) агентовъ»⁴¹).

Такимъ образомъ Тюрго указываетъ и на политическую сторону вопроса, указываетъ неудобное положеніе, въ которое ставитъ правительство свой авторитетъ. Образовавшееся вскорѣ затѣмъ общество Малиссе, извѣстное подъ именемъ Pacte de Famine, вполне оправдало высказанное соображеніе.

Но не только это важно. Въ обществѣ вырабатывается увѣренность, что правительство можетъ мановеніемъ жезла непослать и манну небесную и заставить умирать голодною смертію. Первые событія революціи какъ нельзя болѣе выяснили все неудобство, въ которое ставитъ себя правительство, воспитывая такіе взгляды въ обществѣ на счетъ своего могущества. Конечно, подобный взглядъ на всемогущество правительства былъ во Франціи слѣдствіемъ вообще развитія абсолютизма и централизаціи, но тѣмъ не менѣе Тюрго былъ правъ,

говори въ частности о подобныхъ же послѣдствіяхъ хлѣбной политики правительства.

Тюрго указываетъ на выигрышъ потребителей отъ расширенія производства хлѣба: въ случаѣ неурожая часть хлѣба, отправляемаго за границу, остается въ странѣ и покрываетъ дефицитъ, не доводя цѣнъ до невозможно высокаго предѣла. Расширеніе производства хлѣба не можетъ не отозваться и повышеніемъ заработной платы не только въ области земледѣльческой промышленности.

Но для достиженія всѣхъ этихъ результатовъ необходима не только полная свобода хлѣбной торговли, но еще уничтоженіе многихъ препятствій, которыя мѣшаютъ свободному помолу хлѣба и его печенію. Таковы разныя привиллегіи по части помола (*banalités*) разныя феодалыныя сборы, какъ-то *réage*, которые взимаются за провозъ хлѣба и существуютъ почти всюду, сборы, именуемые *minage* (рыночныя пошлины), которые существуютъ во многихъ мѣстахъ.

Только подъ условіемъ уничтоженія всѣхъ этихъ и подобныхъ пошлинъ и привиллегій можно ожидать результатовъ отъ введенія свободной хлѣбной торговли.

Если письма, съ содержаніемъ которыхъ мы только что познакомились, и не были извѣстны публикѣ, то идеи въ нихъ высказанныя, повторяемъ, не составляли тайны, тѣмъ болѣе, что они высказывались «экономистами», а принадлежность Тюрго къ нимъ была извѣстна. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что вслѣдъ за вступленіемъ Тюрго въ управленіе финансами, всѣ стали ожидать мѣропріятій по хлѣбной торговлѣ, одни со страхомъ, другіе съ радостной надеждой. Уже 7 сентября аббатъ Бодо ⁴⁵⁾ пишетъ въ своей хроникѣ: «Декларация 25 мая 1763 года о свободѣ внутренней торговли будетъ возобновлена постанов-

леніемъ королевскаго совѣта, которымъ уничтожается все бумагомараніе аббата Террэ». (qui passe l'éponge sur tous les barbouillages de l'abbé Terray).

12 сентября онъ опять говорить объ этомъ дѣлѣ: «Публика ожидаетъ новый законъ о свободѣ хлѣбной торговли: по поводу него ведутся разныя рѣчи; одні за него, другія противъ; но самыя большія глупости говорятся придворными; оно и понятно». «Лихопицы очень опасаются добраго Тюрго, пишетъ Бодо 13 числа; они льстятъ себя надеждою, что свобода хлѣбной торговли погубитъ его; дурные попы присоединяются къ первымъ. Нужно надѣяться, что эти врамольники позабудутъ свою латынь съ горя. (Ces deux maudites cobales y perdront leur latin, à ce qu'il faut espérer «).

Такія ожиданія и опасенія были естественны. Земледѣліе въ системѣ Тюрго занимало первое мѣсто, результаты свободы хлѣбной торговли казались ему столь важными, что онъ не могъ откладывать рѣшенія этого кореннаго вопроса. И впоследствии онъ оставлялъ въ сторонѣ другія реформы и посвящалъ свое время исключительно вопросу о хлѣбной торговлѣ. Такъ было лѣтомъ 1775 года «). Тотчасъ послѣ вступленія своего въ министерство, онъ составилъ проектъ постановленія королевскаго совѣта о возстановленіи свободы хлѣбной торговли. Какъ видно, эта работа не взяла много времени. 24 августа Тюрго вступилъ въ министерство, а эдиктъ помѣщенъ 13 сентября. Вопросъ, какъ мы видимъ изъ писемъ Тюрго къ Террэ и какъ можно видѣть изъ его административной дѣятельности въ Лиможѣ, занималъ его давно и былъ ему хорошо знакомъ теоретически и практически. Введеніе къ эдикту въ главныхъ чертахъ повторяетъ тѣ доводы, которые высказываются въ письмахъ въ защиту свободы хлѣбной торговли.

Указавъ на важность вопроса о народномъ продовольствіи, который требуетъ неотложно самаго серьезнаго вниманія (*une attention plus prompte*) Тюрго указываетъ, что колебаніе цѣнъ такъ-же неизбежно, какъ неизбежны сами неурожаи.

Далѣе доказывается, что парализовать недостатку хлѣба можетъ торговля; правительство же, *какъ показала опытъ*, не можетъ съ успѣхомъ выполнить подобной задачи и скорѣе приходитъ къ противоположному результату.

Теперь Тюрго могъ сослаться на горькій опытъ, который болѣе чѣмъ оправдалъ тѣ предсказанія, которыя онъ высказывалъ своему предшественнику на счетъ результатовъ правительственной торговли хлѣбомъ. Онъ конечно и вообразить не могъ тогда геркулесовыхъ столбовъ безобразія, до которыхъ дошло правительство Людовика XV, безстыдно спекулировавшее на народный голодъ. *Конечно не сущую правду* говорилъ Тюрго въ своемъ введеніи къ эдикту, когда онъ писалъ: «Единственнымъ мотивомъ, который заставилъ предпочесть эти опасныя мѣропріятія (торговля хлѣбомъ со стороны правительства) естественному ресурсу, свободной торговлѣ, было, безъ сомнѣнія (?), *убѣжденіе, что правительство такимъ путемъ становится хозяиномъ цѣнъ на продовольствіе и будетъ имѣть возможность, удерживая хлѣбъ въ дешевой цѣнѣ, помочь народу и предупредить голодъ*» ⁴⁴).

Для Тюрго, конечно, присутствіе другихъ мотивовъ стояло внѣ всякаго сомнѣнія.

Но остановившись на этомъ мотивѣ, онъ доказываетъ его несостоятельность. «Правительство не можетъ, слѣдственно, взять въ свои руки сохраненіе и перевозку хлѣба не компрометируя народного продовольствія и спокойствія. Только путемъ торговли и

торговли свободной можетъ быть исправлена неодинаковость урожаевъ» ⁴⁹).

Такими словами заключаетъ Тюрго въ введеніи къ закону свое разсужденіе объ этомъ предметѣ.

Конечъ введенія посвященъ изложенію тѣхъ стѣсненій торговли, которыя были созданы въ послѣднее время и съ которыми мы познакомились выше. Въ заключеніи эдиктъ приглашаетъ купцовъ заняться хлѣбной торговлей и торжественно завѣряетъ ихъ въ особенномъ королевскомъ покровительствѣ и обѣщаетъ имъ совершенную свободу въ распоряженіи ихъ товаромъ.

Его Величество, говорилось далѣе, желаетъ воспретить себѣ и своимъ чиновникамъ всякія мѣры, — враждебныя свободѣ и праву собственности его подданныхъ, которыя онъ будетъ защищать противъ всякаго посягательства». На основаніи всего вышесказаннаго постановленіе королевскаго совѣта предписываетъ, чтобы §§ I и II деклараціи 25 мая 1763 года исполнились по точному ихъ смыслу; поэтому предоставляется каждому и гдѣ угодно, внутри государства, заниматься хлѣбной торговлей, не подвергаясь никакимъ стѣсненіямъ, ни формальностямъ. Второй параграфъ постановленія воспрещаетъ какимъ бы то ни было чиновникамъ и въ особенности полицейскимъ судьямъ (*juges de police*) подъ какимъ бы то ни было предлогомъ дѣлать какія либо задержки хлѣбной торговлѣ. Третій параграфъ воспрещаетъ кому либо выдавать себя за агентовъ короля по покупке хлѣба, такъ какъ Его Величество желаетъ, чтобы на будущее время не дѣлалось никакихъ покупокъ за его счетъ. Король сохраняетъ за собою только право въ случаѣ голода оказывать немущимъ своимъ подданнымъ помощь, какую потребуютъ обстоятельства.

Четвертымъ параграфомъ, въ видахъ поощренія ввоза хлѣба, предоставлялось всѣмъ свободно произво-

дить эту операцію и распоряжаться свободно привезеннымъ хлѣбомъ, даже вывезти его обратно, представивъ лишь удостовѣреніе тожества вывозимаго хлѣба съ привезеннымъ. Что касается вывоза хлѣба, то эдиктъ откладываетъ рѣшеніе этого вопроса до наступленія болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Не смотря на ясность и логичность изложенія доводовъ, которыми мотивированы были постановленія, они встрѣтили сильную оппозицію внутри самаго совѣта. Монополія, спекуляція государственными деньгами на счетъ важнѣйшаго предмета народнаго продовольствія нашли себѣ защитниковъ между товарищами Тюрго.

Мион (Миу) военный министръ, Сартинъ морской министръ и Бертенъ (Bertin), министръ земледѣлія, вѣдавшій нѣкоторыя другія дѣла, были противъ свободы хлѣбной торговли и стояли за регламентацію. Богъ вѣсть, отдавали ли они въ этомъ случаѣ дань корысти, или предрассудкамъ. За свободу торговли, вмѣстѣ съ Тюрго стали Морена и Верженъ (Vergennes), министръ иностранныхъ дѣлъ. Благодаря этимъ несогласіямъ, дѣло рѣшилось не 13, а лишь черезъ недѣлю, 20 сентября⁵⁰⁾. Но на этомъ дѣло не кончилось; сопротивленіе было на столько сильно, что потребовалось новое подтвержденіе сдѣланнаго постановленія.

2 ноября изданы были *lettres patentes*, которыми подтверждалось постановленіе 13 сентября. съ оговоркою, что регламентація хлѣбной торговли въ Парижѣ пока сохраняется, и предлагалось парламенту регистрировать означенный актъ правительства. Регистрація *Lettres patentes* состоялась лишь 19 декабря. На этомъ сопротивленіе не кончилось. Парламентъ Руана регистрировалъ *Lettres patentes* лишь 19 декабря 1775 го а, больше чѣмъ черезъ годъ, да и то съ прибавкой оговорки, что парламентъ и полицейскіе судьи будутъ по

прежнему заботиться о томъ, чтобы рынки были достаточно снабжены хлѣбомъ. Это постановленіе Руанскаго парламента было кассировано королевскимъ совѣтомъ 27 апрѣля 1776 года ³¹).

Тюрго не могъ остановиться на изданныхъ распоряженіяхъ. Существовавшія многія мѣстные постановленія могли превратить въ ничто объявленную свободу хлѣбной торговли. Декларация 25 мая 1763 года, говорилъ онъ, казалась, должна была приготовить процвѣтаніе земледѣлія и легкость пропитанія...; но множество частныхъ, мѣстныхъ препятствій уничтожали общій смыслъ закона; эти препятствія не были ни изучены, ни уничтожены» ³²). Не желая подвергать свой законъ участи деклараціи 1763 г., Тюрго немедленно обратилъ свое вниманіе на мѣстные постановленія и учрежденія съ цѣлью уничтожить тѣ изъ нихъ, которыя противорѣчили свободѣ торговли, или же уничтожали ся выгоды для тѣхъ или другихъ мѣстностей.

Въ январѣ 1775 года издано постановленіе совѣта, касающееся провоза хлѣба чрезъ Марсель. Еще со времени Колюбера этотъ городъ поставленъ былъ въ торговомъ отношеніи къ Франціи, какъ иностранный городъ, въ родѣ *porto-franco*. Какъ говорили тогда, *le port de Marseille était réputé comme étranger*. Поэтому всякія таможенныя или торговыя распоряженія его не касались. Онъ вывозилъ, напр., свободно хлѣбъ въ то время, когда вывозъ этого предмета былъ во Франціи запрещенъ ³³). За то правительственныя распоряженія по торговлѣ разсматривали Марсель, какъ иностранный городъ. Хлѣбъ нельзя было везти въ Марсель, если вывозъ его былъ воспрещенъ. Между тѣмъ за Марселемъ находилась цѣлая область (Провансъ), которая естественно тяготѣла къ этому порту. Чтобы провезти въ нее хлѣбъ, надо было выбрать окольные и

неудобныя пути. Легко было бы изъ Арля провезти хлѣбъ въ Э; но эта легкость уничтожалась совершенно особенностью положенія Марселя. Такимъ образомъ для Прованса терялись тѣ выгоды, которыя онъ могъ бы извлечь, при свободѣ торговли, отъ урожая въ соседнихъ провинціяхъ. Для устраненія этихъ неудобствъ упомянутое постановленіе королевскаго совѣта разрѣшаетъ провозить хлѣбъ черезъ Марсель транзитомъ изъ другихъ портовъ Франціи, при чемъ были приняты мѣры, чтобы предназначенные для этой цѣли грузы не уходили за границу ²⁴).

Подобный же вопросъ былъ поднятъ о перевозкѣ грузовъ хлѣба въ зернѣ, муки, овощей изъ порта въ портъ.

Вопросъ этотъ имѣлъ тѣмъ большее значеніе, что морская перевозка была наиболѣе выгодною для такого продукта, какъ хлѣбъ. Перевозка сухимъ путемъ стоила дорого. Запрещеніе вывоза изъ портовъ парализовало совершенно дѣйствіе деклараціи 1763 года, провозгласившей свободу хлѣбной торговли внутри королевства. Можно было привести въ данную провинцію хлѣбъ изъ за границы, но нельзя было привести изъ французскаго порта.

Въ 1773 году разрѣшено было движеніе хлѣбныхъ грузовъ между тѣми портами, въ которыхъ была резиденція адмирала (*siege de l'amirauté*); затѣмъ въ теченіе того же и въ началѣ слѣдующаго года подъ ту же категорію подвели Ла-Рошель и С. Жанъ де Люць и нѣкоторые другіе порты. Но при этомъ были изданы особыя правила, которыми опредѣлялся порядокъ провоза хлѣба между портами. Если въ пунктъ отправленія хлѣба его оказывалось на одну десятую часть больше противъ количества, показаннаго въ деклараціи, или если въ пунктъ назначенія оказывалось меньше на $\frac{1}{20}$ часть противъ таковой же деклараціи, то хозяинъ подвер-

гается штрафу до 5.000 ливровъ и конфискаціи груза. Тоже самое практиковалось и относительно груза хлѣба, привозимаго изъ за границы. Отъ штрафа и конфискаціи нельзя было избавиться и въ томъ случаѣ, если вслѣдствіе бури приходилось бросить часть груза въ море. Подобныя строгости отбивали всякую охоту заниматься транспортною хлѣба и парализовали какъ каботажи, такъ и ввозъ хлѣба.

Вслѣдствіе этого постановленіемъ королевскаго совѣта 12 октября 1775 года определено было отмѣнить эти стѣснительныя правила и вмѣсто того разрѣшалось: 1) производить каботажи хлѣба между всѣми безъ исключенія портами королевства; 2) отъ хозяина груза или капитана судна зависѣло выгрузить хлѣбъ и не въ томъ портѣ, въ который послѣдній назначался по деклараціи; 3) если по повѣркѣ въ пунктѣ отправленія или въ пунктѣ выгрузки оказывалась разница большая чѣмъ на $\frac{1}{10}$ противъ количества, показаннаго въ деклараціи, то хозяина груза обязывались доставить въ пунктъ назначенія четверо больше того количества, которое превышаетъ разрѣшенную закономъ разницу ($\frac{1}{10}$); въ случаѣ неисполненія этого требованія они подвергались штрафу въ 1,000 ливровъ; наконецъ, постановлялось, что отъ указаннаго требованія освобождаются грузо-хозяева, у которыхъ недостача окажется вслѣдствіе того, что часть груза по необходимости была выброшена въ море.

Мѣры Тюрго относительно хлѣбной торговли не могли не произвести нѣкотораго смущенія и даже путаницы въ дѣлахъ по этой части. Народъ привыкъ къ мысли, что только административныя стѣсненія, выражающіяся въ регламентаціи хлѣбной торговли и за-

прещеніи свободной циркуляціи хлѣба, могутъ обезпечить народное продовольствіе. Этотъ взглядъ не былъ достоиніемъ только низшихъ слоевъ общества, необразованныхъ; но раздѣлялся людьми образованными и массой чиновниковъ. Поэтому казалась страшною даже та ограниченная свобода, которая теперь предоставлялась владѣльцамъ хлѣба въ распоряженіи своею собственностью.

Такъ какъ до сихъ поръ частная предпріимчивость въ дѣлѣ хлѣбной торговли была парализована извѣстнымъ «Pacte de famine», а также и правительственнымъ вмѣшательствомъ въ торговлю, при чемъ оно поддерживало государственными средствами спекуляцію на народный голодъ, то естественно, что съ наденіемъ старыхъ порядковъ, не могла сейчасъ же организоваться свободная торговля, а потому неизбежно должно было произойти нѣкоторое замѣнательство, остановка въ дѣлахъ. Урожай 1774 года былъ неудовлетворителенъ, а потому цѣны на хлѣбъ должны были подняться и помимо предъидущихъ обстоятельствъ. Въ моментъ смерти Людовика XV цѣна была 24 ливра за сетье, т. е. немного болѣе $2\frac{3}{4}$ су за фунтъ, или $5\frac{1}{2}$ су за килограммъ. Чтобы потѣшить молодого короля и вызвать благословенія публики новому царствованію, монополисты понизили цѣну хлѣба до 13 ливровъ за сетье ³⁵).

Потомъ, понятно, цѣна стала подниматься снова и достигла прежней нормы. Это новое повышеніе показалось болѣе неприятнымъ, такъ какъ, говоритъ современникъ, народъ, разочарованный въ своихъ надеждахъ, выноситъ это (новое вздорожаніе) гораздо менѣе терпѣливо».

Когда Тюрго вступилъ въ министерство, многіе ожидали, что онъ тоже понизитъ цѣну хлѣба, чтобы призвать на себя благословеніе народа.

Повышеніе цѣны на хлѣбъ не достигло однако той нормы, которой оно достигало въ 1764 и 1770 году. Въ октябрѣ за печеный хлѣбъ, по показанію современника, платили 11 су за четыре фунта, т. е. меньше 3 су за фунтъ, что по разсчету Жобеза, составляетъ около 20 сантимовъ на теперешнія деньги; между тѣмъ въ 1764 году цѣна стояла отъ 27 до 53 сантимовъ за фунтъ на теперешнія деньги, а въ 1770 году достигла до 70 сантим. ⁵⁶).

Возрастаніе цѣны хлѣба побудило Тюрго принять тѣ экстремныя мѣры, отъ которыхъ онъ не зарекался въ эдиктѣ 13 сентября. Необходимость принятія этихъ мѣръ вызывалась не только тѣмъ, что свободная торговля еще не установилась; но и тѣмъ, что неурожай поразилъ и тѣ мѣстности, которыя обыкновенно доставляли хлѣбъ (Польша). Тамошнія цѣны скоро послѣ жатвы стали подниматься, — потому мало чѣмъ разнились отъ цѣнъ, существовавшихъ во Франціи ⁵⁷); поэтому ввозъ во Францію не могъ осуществиться при обыкновенныхъ условіяхъ торговли; понадобились особыя приманки, для того, чтобы побудить негоціантовъ заняться этой операціей. Вотъ почему постановленіемъ королевскаго совѣта 25 апрѣля обѣщана была премія въ 18 су за quintal пшеницы и 12 су за quintal ржи, привезенныхъ изъ за границы.

Сверхъ этой преміи выдавалось еще 20 су за каждый quintal заграничной пшеницы, привезенной въ Парижъ непосредственно изъ за границы, или же изъ какого либо порта королевства, и 12 су за quintal ржи. За пшеницу, привезенную въ Лионъ, назначено было 25 су за quintal, а за рожь 15 су.

Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ совѣта было издано 8 мая другое, которымъ устанавливалась премія за ввозъ хлѣба сухопутемъ въ Эльзасъ, Лотарингію

и три Епископства. Объявлено было 15 су за quintal пшеницы и 12 су за quintal ржи.

За муку назначалась премія въ 18 су за quintal пшеничной и 15 су за quintal ржаной.

Эти мѣры должны были оказать свое дѣйствіе во время самое тяжелое, непосредственно предшествующее «новому хлѣбу». но они были безсильны предупредить безпорядки, происшедшіе въ апрѣлѣ и началѣ мая по поводу дороговизны хлѣба.

Срокъ дѣйствія упомянутыхъ постановленій начинался лишь съ 15 мая, т. е. послѣ безпорядковъ; кромѣ того сами безпорядки-то, какъ мы увидимъ ниже, лишь въ самой слабой степени зависѣли отъ дороговизны хлѣба. Безпорядки, извѣстные подъ именемъ *La guerre de farines*, начались еще въ мартѣ въ городкѣ Ерви (въ 31 километръ отъ Ю.-В. отъ Труа); но они были очень легко прекращены, и виновные были наказаны ⁵³).

18 апрѣля безпорядки повторились въ Дижонѣ. Сотенъ нять крестьянъ овладѣли городомъ, разграбили хлѣбные склады и лавки, разрушили мельницу, владельца которой они обвиняли въ хлѣбной монополіи; они напали также на домъ С. Коломба, бывшаго совѣтникомъ въ парламентѣ Мону. Они хотѣли убить хозяина, подозрѣвая его въ принадлежности къ *Pacte de famine*; но онъ спрятался въ кучѣ навоза, а его преслѣдователи нашли, вмѣсто него, его богатый винный погребъ, гдѣ и забыли о предметѣ своего преслѣдованія. Отъ С. Коломба ошьянѣвшая толпа направилась къ дому губернатора Дю-Пэна, на котораго возмущившіеся особенно сердились. На жалобу ихъ на недостатокъ хлѣба онъ отвѣчалъ: «Друзья мои, трава начинается показываться, ступайте щипать ее!» Безъ вмѣшательства епископа возстаніе приняло бы очень

серьезный оборотъ. Онъ лично явился передъ возмущившимися и уговаривалъ ихъ успокоиться. Эти увѣщанія, а также и появленіе войскъ, вызванныхъ изъ Оксона (Аухонне въ 31 мил. отъ Дижона), водворили спокойствіе ³⁰⁾.

По поводу этого возстанія Вольтеръ писалъ Кондорсе и дѣлалъ намекъ, что оно было вызвано врагами Тюрга, а въ письмѣ своемъ къ г-жѣ С. Жюльенъ, писанномъ нѣсколько позже самаго событія, онъ говоритъ уже прямо, что это возстаніе было возбуждено врагами Тюрга ³¹⁾. Насколько это вѣрно, мы разберемъ ниже.

Въ концѣ апрѣля начали замѣчать на базарахъ Парижа большое число крестьянъ и притомъ изъ селеній довольно отдаленныхъ. Они держали вызывающія рѣчи и держали себя довольно сомнительно. Во многихъ мѣстностяхъ вокругъ Парижа и въ верхней Нормандіи появлялись подозрительныя личности, побуждавшія къ возстанію или предвѣщавшія его; ходили разные угрожающіе слухи, возбуждавшіе безпокойство. Наконецъ, 1 мая возстаніе началось въ Понтуазѣ и тотчасъ же распространилось на многія мѣстности, находящіяся на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Парижа и частью на сѣверо-востокъ. Возстаніе выразилось въ томъ, что были разграблены немарны и хлѣбныя лавки, при чемъ хлѣбъ не присвоивали, а либо разбрасывали на дорогѣ, либо бндали въ воду.

Изъ Понтуаза возставшіе отправились на Версаль. По дорогѣ они вели себя не буйно, не имѣли вовсе вида голодныхъ людей, а только уничтожали хлѣбныя запасы и транспорты, встрѣчавшіеся на пути. Двигались они не зря, по по заранѣе намѣченному маршруту ³²⁾. 2 мая возставшіе прибыли въ Версаль и наполнили дворъ дворца. Мы не знаемъ числа прибыв-

шихъ въ Версаль, но вѣроятно ихъ было не больше тысячи, такъ какъ Жобезъ указываетъ на шайку въ лѣсу Villers-Cotterets (по сѣв. жел. дорогѣ, около Суасона) въ 1.500 человекъ и на шайку Бонди (около Версаля) въ 700 человекъ и этимъ шайкамъ онъ приписываетъ главную роль въ возстаніи ⁶²).

Какъ бы то ни было, но въ Версали было 10,000 человекъ войска, специально назначеннаго для охраненія дворца, эта сила не тронулась, ни одинъ офицеръ не подумалъ оказать сопротивленіе. Толпа свободно бунтовала около дворца, паводя ужасъ на его обитателей. Король изъ окна видѣлъ все, что дѣлалось на дворѣ и попытался выйти на балконъ, чтобы успокоить возмущившихся; но не могъ одолѣть гвалта и шума и воротился въ комнаты совершенно смущенный и крайне взволнованный, со слезами на глазахъ. Онъ нанесъ лучшимъ сдѣлать уступку и приказалъ объявить, что хлѣбъ будетъ таксированъ по 2 су фунтъ.

Вѣроятно не безъ чужихъ совѣтовъ сдѣлано было это, такъ какъ были же такіе, которые совѣтовали даже бѣжать въ Шуази, а сторонниковъ старой системы во дворцѣ было довольно. Послѣ такого объявленія возставшіе разошлись, объявивъ, однако, что завтра явятся въ Парижъ.

Тюрго въ это время не было въ Версали; при вѣсти о событіяхъ въ Понтуази онъ отправился въ Парижъ, гдѣ до поздней ночи совѣщался съ начальникомъ полиціи Ленуаромъ на счетъ мѣръ предосторожности; въ ту же ночь онъ успѣшилъ окончить инструкціи относительно организаціи разнаго рода работъ для помощи нуждающимся. Утромъ онъ совѣщался съ маршаломъ Бирономъ, начальникомъ французскихъ гвардейцевъ. Онъ былъ еще въ столицѣ, какъ узналъ объ обѣщаніи, данномъ королемъ. Послѣдній самъ написалъ ему записку, прося его немедленно прибыть въ Версаль, и

признавался, что допустилъ политическую ошибку, которую надо исправить ⁶³).

Тюрго прибылъ туда и уговорилъ короля издать указъ, которымъ воспрещалось требовать хлѣбъ отъ купцовъ и булочниковъ по цѣнѣ ниже рыночной. Въ ночь со 2 на 3 были разставлены войска по дорогамъ къ Парижу и Версали, а также вокругъ дворца. Было арестовано нѣсколько лицъ, по своему званію стоящихъ выше массы народа.

Не смотря на принятыя предосторожности, возставшіе проникли 3 мая въ Парижъ разными воротами, выдавая себя за продавцовъ овощей ⁶⁴). Они тотчасъ напали на булочные и на хлѣбные склады и разграбили ихъ. Только нѣкоторые рынки и главнымъ образомъ хлѣбный рынокъ остались совершенно нетронутыми. Послѣдній охраняли гренадеры французскихъ гвардейцевъ и королевскіе драгуны. Въ другихъ мѣстахъ войска были равнодушными зрителями безпорядковъ, также какъ и масса любопытныхъ, собравшихся по этому случаю; но не пристававшихъ къ возстанію. Около 11-ти часовъ утра послѣднее прекратилось не вслѣдствіе сопротивленія съ чьей либо стороны, а вслѣдствіе усталости дѣятелей, да кромѣ того къ этому времени всѣ булочные были уже разграблены. Послѣ обѣда любопытные парижане тщетно искали возставшихъ.

Итоги дня показали Тюрго, какъ мало можно надѣяться на дѣятельную помощь со стороны начальника полиціи. Онъ увидѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и парламентъ становится ему поперекъ дороги. Послѣдній издалъ постановленіе, которымъ объявлялось, что парламентъ будетъ просить короля о пониженіи цѣнъ на хлѣбъ.

Тюрго отвѣчалъ на это постановленіе тѣмъ, что задержалъ въ типографіи невыпущенные экземпляры по-

(tournelle civile et criminelle pour juger les auteurs et les complices des auteurs de la sedition). Уже вечеромъ 4 мая начался въ Шатле допросъ арестованныхъ, которыхъ насчитывалось въ это время до 180 челов. Но парламентъ увидѣвъ въ этомъ распоряженіи вмѣшательство въ свои полицейскія права (*grande police*) и представилъ свои возраженія и снова требовалъ пониженія цѣны на хлѣбъ. Дѣло было окончено въ *lit de justice* 5 мая, гдѣ парламенту было приказано регистрировать эдикты. При этомъ ему было сказано устами хранителя печатей Миромениля: «Когда волненію будетъ совершенно успокоено, король предоставитъ, если найдетъ удобнымъ, обыкновеннымъ судамъ заботу объ обнаруженіи истинныхъ виновныхъ, которые тайными путями вызывали излишества... (*qui par de menées sourdes peuvent avoir donné lieu aux excès*)...»

Понимая настоящее значеніе мѣръ строгости, Тюрго принималъ и другія: чтобы поддержать бодрость хлѣбной торговли, онъ тотчасъ же выдалъ вознагражденіе (5000 фр.) купцу Планте (*Planter*) за хлѣбъ, который былъ брошенъ въ воду съ его лодки во время безпорядковъ.

Еще ранѣе того въ концѣ апрѣля были приостановлены рыночныя пошлины на хлѣбъ въ Дижонѣ, Бонѣ (*Beaune*), С. Жанъ-де-Ломѣ, Монбарѣ и въ Понтуазѣ “).

Желая облегчить бѣднѣйшее населеніе, Тюрго выхлопоталъ у короля распоряженіе о приостановкѣ дорожной повинности. Въ циркулярѣ, адресованномъ по этому поводу интендантамъ, онъ предписываетъ имъ приостановить дѣйствіе дорожной повинности, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дороговизна хлѣба даетъ себя сильно чувствовать. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ весенняя дорожная повинность уже отбыта, жители

должны быть освобождены от нея осенью. Тамъ же, гдѣ работы еще не начаты, Тюрго рекомендуетъ интендантамъ предложить обществамъ (paroisse) замѣнить отбываніе натуральной повинности денежнымъ взносомъ. Этими способомъ предполагалось добыть суммы для доставленія заработка бѣднѣйшимъ жителямъ. Можно догадываться, что самый сборъ денегъ предполагалось сдѣлать только съ болѣе состоятельныхъ крестьянъ.

Для того, чтобы дѣло исправленія дорогъ терпѣло возможно меньшій ущербъ, Тюрго предписывалъ употреблять на это дѣло такъ называемыя ateliers de charité “).

Мы уже упоминали о томъ, что Тюрго организовалъ работы съ цѣлью помощи бѣднымъ. Два документа, помѣченныхъ 1 и 2 мая, свидѣтельствуютъ о заботахъ Тюрго въ этомъ направленіи. Первый изъ нихъ, это мемуаръ, касающійся организаціи работъ въ Парижѣ. Здѣсь онъ рекомендуетъ организацію работъ, предназначенныхъ преимущественно для женщинъ и для дѣтей, какъ то: прижа, плетение кружевъ и блондъ. Для этого предполагалось по извѣстной цѣнѣ выдавать нуждающимся матеріалъ и затѣмъ принимать отъ нихъ готовый продуктъ, выплачивая за него вѣселою выше рыночной цѣны. Вести это дѣло предполагалось поручить шести кушамъ “).

Другой документъ, это инструкция для организаціи работъ въ деревняхъ Тюрго предпочелъ постройку дорогъ, какъ дѣло, къ которому можно привлечь наибольшее число нуждающихся къ работѣ. Онъ указывалъ однако на возможность выдачи субсидій бѣднѣйшимъ заводамъ и мануфактурамъ, чтобы они возобновили свою работу, и на выдачу матеріала для прижи нуждающимся въ подорожныхъ расходахъ изъ которыхъ удоченъ составъ этого продукта.

Инструкція останавливається, однак, головнимъ образомъ на устройствѣ работъ на дорогахъ. Въ 44 параграфахъ, которыми обнимається ея содержаніе, сказано все, что можно сказать объ организаціи этого дѣла со стороны технической, полицейской и хозяйственной. Нужно видѣть подробности, въ которыя вдається авторъ инструкціи, чтобы убѣдиться, насколько знакомо ему было дѣло и какъ усердно онъ заботится о томъ, чтобы въ его инструкціи все было по возможности предусмотрѣно и растолковано совершенно ясно. Веденіе работъ инженерами и ихъ кондукторами, распределеніе рабочихъ по участкамъ и бригадамъ, распределеніе между ними работы и задѣльной платы, выдача послѣдней впередъ, въ счетъ работы, способы окончательной расплаты и учета работы, — вотъ главныя части этого труда.

Правда, еще въ 70 году, будучи интендантомъ въ Ляможѣ, Тюрго во всей подробности познакомился съ дѣломъ устройства благотворительныхъ работъ; ему поэтому, какъ специалисту, не трудно было составлять инструкцію; но если мы примемъ въ расчетъ обстоятельства, при которыхъ составлялась послѣдняя, и срокъ, въ который надо было кончить ему работу, то нельзя не признать, что этотъ документъ, наравнѣ съ письмами о хлѣбной торговлѣ, можетъ служить характеристикой быстроты, съ которой работалъ этотъ государственный человѣкъ. Въ циркулярѣ къ интендантамъ Тюрго указывалъ, что содѣйствіе священниковъ было бы очень дорого въ дѣлѣ устройства благотворительныхъ работъ. Къ ихъ посредничеству онъ рѣшился обратиться для разъясненія народу истиннаго значенія совершавшихся событій и для предупрежденія, по возможности, повторенія волненій. Для этого, при письмѣ къ епископамъ и архіепископамъ онъ разослалъ инструкцію, которую они должны были раздать

священникамъ. Въ этой инструкціи Тюрго старается выяснитъ искусственный характеръ возстанія, раскрыть возможные послѣдствія его и указать на настоящія причины поднятія или упадка цѣнъ на хлѣбъ.

«Оно (возстаніе) не вызвано дѣйствительнымъ недостаткомъ хлѣба, говоритъ Тюрго въ своей инструкціи; послѣдній былъ всегда въ достаточномъ количествѣ на рынкахъ, равнымъ образомъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя первыми подверглись грабежамъ».

«Оно не было также вызвано крайностью несчастья: бывали времена, когда хлѣбъ становился гораздо дороже и никакого ропота не было слышно...»

«Грабежъ былъ начинаемъ людьми, чужими въ тѣхъ приходахъ, которые подвергались ограбленію: эти развращенные люди, исключительно занятые тѣмъ, чтобы возбудить умы, не брали себѣ хлѣба, который грабили, а если и брали, то только для того, чтобы продать его для удовлетворенія своей жадности».

«Случалось, что они платили за хлѣбъ; но покупали такое значительное количество, что деньги, заплаченные за него, доказывали вполнѣ, что они не были вынуждены (волноваться) ни лишениями, ни опасеніемъ испытать ихъ...»

«Бывали случаи, что ограбленный хлѣбъ бросали въ воду. Безпутство доходило до того, что сжигали амбары, полные хлѣба и даже цѣлыя фермы. Можно думать, что цѣлью всего заговора было произвести настоящій голодъ въ областяхъ окружающихъ Парижъ и въ самомъ Парижѣ, чтобы довести населеніе до нужды и отчаянія и тѣмъ вызвать его на крайности».

«Естественнымъ послѣдствіемъ такихъ безпорядковъ долженъ быть недостатокъ хлѣба, ибо, если бу-

дуть продолжать... грабить обозы съ хлѣбомъ въ пути, опустошать рынки, какимъ образомъ можно себя льстить надеждою, что они будутъ достаточно снабжены, что хлѣбъ не станетъ еще дороже, что будучи разбросаннымъ, перехваченнымъ и остановленнымъ всюду, онъ не исчезнетъ совсѣмъ?

Если хлѣбъ значительно вздорожалъ, то его сдѣлаютъ дешевле не тѣмъ, что будутъ уничтожать, грабить, истребляя такимъ образомъ часть народнаго продовольствія»...

Тюрго проситъ священниковъ разъяснить народу, что цѣна хлѣба зависитъ отъ качества урожая и что мудрость правительства можетъ достигнуть лишь снѣгченія дороговизны; но что всѣ эти мѣры предосторожности, которыя никогда не принимались въ такихъ размѣрахъ, какъ съ начала царствованія Его Величества, не могутъ сдѣлать того, чтобы не было дороговизны, которая также неизбѣжна, какъ ненагода, дожди и засухи, ее производящія»...

Эта послѣдняя фраза послужила предметомъ зубоскальства. Одинъ изъ современниковъ, упоминая объ инструкціи, говорилъ, что Тюрго успокаиваетъ народъ тѣмъ, что хлѣбъ—былъ дорогъ, дорогъ, будетъ дорогъ и долженъ быть дорогъ. Многіе духовные были недовольны инструкціей, видя въ самомъ фактѣ порученія, возлагаемаго на священниковъ, попытку Тюрго подчинить духовенство королевской власти и сдѣлать короля главою галликанской церкви ⁶⁶).

Но самое сильное негодованіе въ нѣкоторыхъ сферахъ возбудила одна изъ заключительныхъ фразъ инструкціи: Когда народъ узнаетъ, кто его (возстанія) зачинщики, онъ ихъ увидитъ съ ужасомъ, и тѣмъ менѣе будетъ имѣть довѣрья къ нимъ; если онъ узнаетъ о грозившихъ послѣдствіяхъ, то онъ испугается

ихъ болѣе, чѣмъ самаго голода». Этой фразой онъ на-
мекалъ на высокихъ виновниковъ безпорядка (такъ ду-
маетъ Дюпонъ-де-Немуръ и таково было мнѣніе мно-
гихъ ⁶⁹) и, угрожая раскрытіемъ ихъ вины, раздра-
жалъ ихъ до крайности. Нѣкоторые приняли эту фразу
за обязательство раскрыть заговоръ, что считали не-
возможнымъ, а потому самую фразу признавали не-
осторожной.

Если дѣйствительно неосторожно дразнить своихъ
противниковъ, не имѣя силы уничтожить или побѣ-
дить ихъ, то винить за эту фразу слѣдуетъ архіепис-
копа тулузскаго Ломени де-Бріена, впоследствии ми-
нистра, которому поручена была послѣдняя редакція
инструкціи и которому принадлежитъ упомянутая фраза.
И думаю, однако, что Ломени де-Бріенъ, вставилъ, а
Тюрго пропустилъ означенную фразу не по неосто-
рожности. Въ тотъ моментъ, когда они цѣлили, можно
было рассчитывать на раскрытіе высокопоставленныхъ
виновниковъ возстанія, и въ особенности бывшихъ
участниковъ постыдныхъ спекуляцій хлѣбомъ. Этихъ
послѣднихъ именно и разумѣетъ намекъ, какъ можно
догадываться изъ прибавки «il les verra avec hor-
reur». Къ нимъ дѣйствительно не могли относиться ина-
че, какъ съ ужасомъ, люди, испытавшіе прелесть про-
дѣлокъ «Facte de Famine» ⁷⁰).

Между тѣмъ въ Шатле производилось разбиратель-
ство, которое совершенно оправдываетъ мнѣніе Дю-
понъ-де-Немура, что главные виновники остались въ
сторонѣ. Двухъ лицъ признали зачинщиками возстанія
и приговорили къ смертной казни. То были цирюль-
никъ и старьевщикъ. Казнь надъ ними была совер-
шена 11 мая на Гревской площади, въ присутствіи
огромной толпы народа. Можно согласиться съ тѣмъ,
кто, признастъ, что казнь этихъ лицъ была необхо-
дима для того, чтобы избѣжать большаго несчастія

отъ распространенія возстанія. Послѣ подавленія его въ Парижѣ оно распространилось въ Фонтенебло, Компьенѣ, Шуази, Бри-Контъ-Робертъ; главнѣйшіе рынки Нормандіи были потрясены безпорядками, произведенными людьми, руководившимися болѣе стремленіемъ въ разрушенію, чѣмъ бѣдностью ¹¹⁾).

Голодъ, бывшій до сихъ поръ лишь факцією, могъ легко стать серьезной дѣйствительностью. Признавая солидность этихъ доводовъ, признавая дажѣ, что казненные были законно осуждены мѣстомъ, которое также законно существовало, мы не можемъ не остановиться на несправедливости состоявшагося приговора.

Несправедливость эта, въ силу которой главныхъ виновниковъ пальцемъ не тронули, есть необходимое слѣдствіе стараго порядка, а вмѣстѣ и его осужденіе. Гдѣ нашлось бы то судебное мѣсто, которое осудило бы главныхъ виновниковъ, сильныхъ міра сего? Парламентъ? Развѣ это сонмище судей привилегированныхъ, купившихъ и получившихъ по наслѣдству свои мѣста, — судей, способныхъ казнить Балласа, — развѣ оно подпяло бы руку на враговъ реформы? Никогда. Судъ превотальный? Онъ могъ осудить цирюльника, но даже не лакея герцога Артуа.

Ходъ разбирательства и его позорные результаты должны были побудить Тюрго какъ можно скорѣе прекратить его и избавиться отъ необходимости приносить новыя жертвы правосудію.

Въ самый день казни былъ изданъ ордонансъ объ уничтоженіи сборищъ», который избавляетъ отъ всякаго преслѣдованія тѣхъ, кто по опубликованіи настоящаго ордонанса, оставитъ возстаніе и воротится на свое мѣстожительство. Изъ этой, можно сказать, амнистіи исключаются лишь зачинщики.

этого восстание — событием экстраординарным, причину которого (révélé) раскрыть не могли.

Сторонники злоупотреблений возмущались, говорили Басер (холодный брат Марин Антуанетты): народ воздвиг против закона, который должен был его спасти; создали обманчивый урожай (disette factice) среди обмана. «То верно», говорил Марютель, «но греховная лавка и булочных происходили совершенно спокойно и безразлично». Как видите, прямо: возмущение полиции. «Мы уверены», говорил Бореттион-дешии Метри, «что на недостаток хлеба, ни сто дорожников не были настоящей причиной беспорядков: ни один честный человек не был его зачинщиком, это злободневный составленный против генерал-контролера и, конечно, против других министров». Причиной возмущения оказался листок в С Антуанском предмете арестована одного бедного прилично одетого, и при этом нашим Джо Лавров. Также была арестована одна женщина арестована отставная амазонка. В карманах арестованных находили много противодифтерийных монет тайно спрятанных. Бродячие в Виллорби и один ослепший добрый человек Луиз Барро были арестованы. Как будто бы на обманчивых. Разжалованные, что же все-таки? Они не оставили к фермерам никаких жалоб, но стали им анонимные письма, в которых им было сказано воздержаться от продажи хлеба, так как он был очень сильно истощен. Тогда, когда в то время было очень распространено возмущение, а также в Париже и провинции, подождали, когда же наступит который корень будет, как будто бы, как будто бы 10. 1. 1848 года.

Но стоило заметить, которая сторона была в сговоре с ними, доктором Паскалем, который был в сговоре с ними, что и с этим, что и с этим.

движенія служить такимъ же доказательствомъ. Относительно возстанія въ Дижонѣ нельзя сказать этого; тамъ безпорядки идутъ такъ, какъ они происходятъ обыкновенно, будучи вызваны нуждой. Народъ, доведенный до крайности, является въ городъ грабить лавки, нападаетъ на домъ члена «парламента Мопу», зная хорошо отношенія этого господина къ «Pacte de famine», пытается убить губернатора и т. д. Нѣтъ ничего необыкновеннаго, могущаго вызвать подозрѣніе. Поэтому Г. Мартэнъ не рѣшается признать въ дижонскомъ возстаніи результатъ махинацій заговорщиковъ ⁷⁵).

Если мы не можемъ такъ рѣшительно отрицать дѣйствіе тайныхъ махинацій, то это потому, что не знаемъ, какъ началось движеніе и потому еще, что имѣемъ упомянутое выше показаніе Вольтера, а также и слѣдующее заявленіе Дюонъ-де-Немура: «Тѣ провинціи, гдѣ происходили волненія, не были изъ числа тѣхъ, гдѣ стояла самая высокая цѣна ⁷⁶).

Совершенно иной видъ имѣетъ возстаніе въ окрестностяхъ Парижа. Печатаніе подложнаго постановленія совѣта и анонимныя письма обличаютъ несомнѣнно существованіе зачинщиковъ, стоящихъ по развитію и средствамъ выше массы народа, и гораздо выше. Золотыя монеты и даже значительныя суммы денегъ, найденныя у арестованныхъ, служатъ доказательствомъ участія (тайнаго) въ возстаніи лицъ состоятельныхъ. Но самымъ важнымъ обстоятельствомъ несомнѣнно является присутствіе опредѣленнаго плана въ движеніи. Возстаніе началось въ 30 километрахъ сѣвернѣе Парижа (въ Понтуазѣ), и тотчасъ движеніе возставшихъ припимаетъ правильный характеръ. Возставшіе двигаются по направленію къ Парижу, придерживаясь теченія Сены. Переходя отъ города къ городу, они напередъ указываютъ свой маршрутъ, дорогой идутъ до

ная война» была дѣломъ заговора, составленнаго людьми сытыми, но имѣвшими основаніе враждебно относиться къ торговой политикѣ Тюрго.

Кто же можетъ быть обвиненъ или по крайней мѣрѣ заподозренъ въ тайномъ участіи и руководительствѣ возстаніемъ? Никто не пытался резюмировать всѣхъ подозрѣній и обвиненій такъ точно и подробно, какъ Фонсенъ. Устраняя всякія подозрѣнія противъ Маріи Антуанетты и Морепѣ, онъ останавливается вниманіе на обвиненіяхъ противъ Сартина, Конти, парламента, партіи Шуазеля и противъ духовенства и бывшихъ участниковъ *Pacte de famine*.

Обвиненія противъ Сартина подняты были со стороны аббата Бодо, страстнаго приверженца системы физиократовъ. Аббатъ Бодо, говоритъ продолжатель мемуаровъ Башомона (подъ 25 мая), приписываетъ безпорядки интригамъ Сартина и говоритъ, что это нельзя доказать, только благодаря смерти нѣкоторыхъ посредниковъ. Какое безстыдство! ⁷⁷). Сартинъ жаловался Тюрго, тотъ предложилъ ему, если онъ хочетъ, посадить аббата въ Бастилію, на что тотъ отвѣтилъ, что ищетъ правосудія; но никакого процесса не послѣдовало. Между тѣмъ въ корреспонденціи Метра есть извѣстіе, что какой то графъ Д*, ѣздившій въ Эксъ, привезъ съ собой нѣсколько печатныхъ экземпляровъ подлиннаго постановленія королевскаго совѣта и принесъ ихъ Тюрго, который поблагодаривъ его, сказалъ: «Мы почти дошли уже до источника этой ужасной *интриги* (*trame*) противъ общественнаго спокойствія, и мы надѣемся раскрыть все, хотя мы узнали, что зачинщики употребили самыя смѣлыя средства, чтобы скрыться и, между прочимъ, отправили на тотъ свѣтъ девять или десять посредствующихъ агентовъ» ⁷⁸).

Извѣстіе о какихъ то погибшихъ агентахъ встрѣчается, такимъ образомъ, два раза, въ различныхъ ис-

могъ Тюрго за то, что послѣдній твердо защищалъ государственную казну отъ его расхищеній.

Духовенство тоже было причастно движенію; но не въ строгомъ. Нѣсколько духовныхъ лицъ арестовали, нѣмцы обвинялись въ томъ, что съ каюэдръ проновѣдывали противъ министровъ короля⁵⁰⁾; другіе давали деньги на дешевую, насильственную покупку хлѣба и складывали у себя буланный хлѣбъ.

Сильныя подозрѣнія имѣются противъ Шуазеля. Съ самаго вступленія на престолъ Людовика XVI не прекращались попытки воротить къ власти опальнаго министра. Всевозможныя прошенія пускались въ дѣло для достиженія этой цѣли. М-ме де Бріонизъ, особа чрезвычайно преданная Шуазелю, успѣла подать королю анонимный мемуаръ, въ которомъ положеніе Франціи рисовалось самыми мрачными красками, дѣйствія министерства критиковались безпощадно и указывалась необходимость призвать къ управленію «человѣка, который одинъ только способенъ» уничтожить столько золъ. Морена были также представлены дѣмъ анонимныя брошюры, еще яростнѣе нападавшія на министерство и особенно на Тюрго. Совершенно естественно было для коноводовъ партіи фактически, путемъ народнаго возстанія, доказать правительству вѣрность изображенной картины бѣдствій и такимъ путемъ достигъ низверженія главнаго министра.

Герцогъ Артуа былъ въ числѣ вожаковъ партіи Шуазеля и ревностно дѣйствовалъ въ ея интересахъ. Его служачіе были, какъ мы видѣли, арестованы въ числѣ участниковъ возстанія и одного изъ нихъ Карре приговорили къ смертной казни, и только особенныя ходатайства герц. Артуа спасли ему жизнь. Изъ одного письма м-ме Дюд-фавъ комментированнаго Фонтенемъ видно, что кружокъ этой женщины, принадлежавшей къ партіи Шуазеля, зналъ, что цѣлью возста-

ним было низверженіе Тюрго, что оно имѣло копово-
ротъ, хотя они ему не были извѣстны. Въ заключеніе
въ письмѣ выражается рѣшеніе создать новые планы
и проекты (низверженія Тюрго ²¹).

Все эти факты, вмѣстѣ взятые, позволяютъ не безъ
основаній идти въ возстаніи прояски партіи Шуазе-
ли, но ихъ недостаточно для того, чтобы поставить
прямое обвиненіе.

Еслибы, однако, данныхъ было гораздо больше, то
они представили бы интересъ не въ томъ смыслѣ, что
указали бы намъ положительно въ виновности того
или другого лица, или той или другой изъ придвор-
ныхъ партій. Ихъ главный интересъ заключался бы въ
томъ, что они открыли бы намъ тѣхъ дѣятелей, ко-
торые заинтересованы были въ паденіи Тюрго въ си-
лу своихъ интересовъ, жестоко нарушенныхъ его си-
стемой. Я говорю о тѣхъ лицахъ, которые въ концѣ
последняго царствованія составляли чудовищное сооб-
щество, прозванное «Pacte de famine», спекулировав-
шее на народный голодъ и за счетъ государственныхъ
суммъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ни для кого не сталъ
Тюрго такимъ страшнымъ пугаломъ, какъ для нихъ,
такъ какъ первое время его министерства занято бы-
ло почти исключительно заботами объ освобожденіи
хлѣбной торговли, отъ тѣхъ лишеній, которые были въ
значительной части созданы въ видахъ удобства без-
стыдныхъ спекуляцій и цѣлкомъ были благопріятны
для последнихъ. Тюрго прекратилъ также покупку
хлѣба за счетъ государства.

Само собою разумѣется, что вся масса лицъ, на-
живавшихся въ послѣдніе годы Людовика XV, остались
теперь на мели, благодаря дѣятельности новаго ми-
нистра.

Если кому либо нужно было низвергнуть Тюрго,
при томъ нужно было ради продолженія наживы, такъ

это монополистамъ и спекуляторамъ хлѣбной торговли. Но сколько аббатъ Терре и Мопу были заинтересованы дѣйствіями «Pacte de famine», по столько, конечно, подозрѣніе падаетъ и на нихъ. Но вѣдь и многіе придворные и члены королевской фамилии были участниками спекуляцій, а поэтому они должны были быть врагами Тюрго, помни новизны его системы.

Намъ скажутъ, что возставшіе въ Дижонѣ нападаютъ именно на бывшихъ членовъ «Pacte de famine», что сдвали могло бы быть, еслибы ихъ сотоварищи устраивали возстаніе; но на это легко возразить. Зачинщики возстанія не могли управлять его деталями изъ своихъ апартаментовъ. Напротивъ, народъ, нападая на нихъ, указывалъ людей, могущихъ вызывать дороговизну хлѣба.

Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ прибавить указаніе на слѣды участія въ возстаніи членовъ «Pacte de famine». Два важныхъ агента этого сообщества Сорренъ (Saurin) и Думеркъ (Doumercq) были арестованы, членъ высшаго эх-совѣта (парламентъ Мопу) Руана былъ также арестованъ. Они были выпущены за недостаточностью уликъ; но не забудемъ, что слѣдствіе по дѣлу о безпорядкахъ было прервано, а потому фактъ освобожденія арестованныхъ ровно ничего не доказываетъ.

Самый фактъ прекращенія слѣдствія о безпорядкахъ объясняется нежеланіемъ или боязнью Людовика XVI преслѣдовать людей близко къ нему стоявшихъ. Догадка на этотъ счетъ, высказанная Дро, подтверждается Веберомъ, который говоритъ, что «король хотѣлъ милосердіемъ заставить умолкнуть зачинщиковъ возстанія».

Это прекращеніе дѣла было плохой услугою для Тюрго послѣ того, какъ имъ уже оффиціально сдѣ-

ланъ былъ намекъ на зачинщиковъ возстанія: исторія не можетъ не пожалѣть о томъ, что дѣло было замято, такъ какъ этимъ самымъ она лишена возможности положительнымъ образомъ опредѣлить значеніе «мучной войны» и доказать, что она была реакціей монополистовъ противъ новой системы хлѣбной торговли. была чудовищнымъ соединеніемъ противоположныхъ элементовъ: агенты и жертвы «Pacte de famine» подали другъ другу руки: страсти народныя смѣшались съ побужденіями самыми ретроградными. Буйная и сильная часть народа служила противъ друга народа сторонникамъ деспотизма²⁾.

Остается сказать еще два слова въ объясненіе событій, отвѣтивъ еще на одинъ вопросъ: какъ могло состояться то соединеніе противоположныхъ элементовъ, о которомъ только что говорилось? Это объясняется слѣдующими соображеніями: правительство Франціи давно стало всемогущимъ въ глазахъ народа, такъ что всѣ явленія жизни приписывались ему; правительство дискредитировало себя въ послѣдніе годы Людовика XV-го именно въ области хлѣбной торговли. Поэтому поднять народъ, притомъ въ небольшихъ размѣрахъ противъ Версаля было не трудно, и походъ противъ Версаля во время «мучной войны» былъ прообразомъ путешествія парижанъ въ Версаль въ октябрьскіе дни (89 года) съ цѣлью понизить цѣну на хлѣбъ, переведа въ Парижъ «главнаго булочника и главную булочницу».

Майское возстаніе было подавлено. Оно не только не низвергло Тюро, но, какъ замѣчаетъ г-жа Дюдефанъ, оно усилило его значеніе. Онъ могъ поэтому

продолжать свою работу освобожденія хлѣбной торговли отъ путъ, ее связывавшихъ. Какъ человѣкъ ясныхъ, отчетливыхъ убѣжденій, человѣкъ, при томъ практическій и обладающій твердой волей, Тюрго не могъ ни испугаться возстанія и остановиться на полдорогѣ, ни усумниться въ правдивости своей системы. Онъ былъ увѣренъ, что возстаніе имѣло мало общаго съ дороговизной хлѣба и что сама дороговизна-то происходитъ отъ такихъ причинъ, которыя могутъ быть устранены силой правительства. Въ то время, какъ враги его вопіяли противъ излишней свободы, онъ былъ убѣжденъ, что для достиженія желанныхъ результатовъ послѣдняя еще далека отъ надлежащей полноты. Общее распоряженіе о свободѣ хлѣбной торговли наталкивалось на разныя мѣстные установленія, еще не отмѣненные, и парализовалось ими. Одну изъ существенныхъ причинъ неудачи законовъ 1763 и 1764 года Тюрго видитъ въ томъ, что, издавъ общій законъ, не позаботились объ уничтоженіи этихъ мѣстныхъ установле- ній⁸³).

Эти установленія представлялись въ видѣ разныхъ налоговъ на хлѣбные продукты, существовавшихъ повсюду, въ видѣ разныхъ должностей, содержавшихся на счетъ хлѣбной торговли въ вознагражденіе за то, что лица, занимавшія эти должности, препятствовали ей, наконецъ, въ видѣ регламентовъ, совершенно упразднившихъ всякую частную предпринимчивость. Налоги на хлѣбъ въ городахъ существовали подъ разными наименованіями. Самымъ распространеннымъ былъ *ostroi*, ввозная пошлина (въ городъ), затѣмъ слѣдовали: *minage*, *aunage*, *hallage* и проч. (этими именами назывались различныя рыночныя пошлины) и пошлины, взимавшіяся въ пользу разныхъ должностныхъ лицъ и учреждений. Прежде всего послѣдовало уничтоженіе *ostroi*, *minage*, *hallage*, *aunage* и нѣкоторыхъ другихъ

городскихъ пошлинъ въ тѣхъ городахъ, которыми окладѣло возстаніе, затѣмъ въ теченіи мая мѣсяца сдѣланы были распоряженія объ отмѣнѣ этихъ налоговъ въ генералитетахъ Безансона, Лотарингіи, Меца, Фландріи, Пикардіи, Эно (Hainaut), Шампани, Руана, Мулена, Ларошели и Парижа. Далѣе въ началѣ іюня отмѣнено острои въ Бордо.

Не смотря на то, что этотъ городъ игралъ важнѣйшую роль въ ввозѣ хлѣба, тамъ взималось острои не только съ хлѣба, идущаго на потребление города, но и съ тѣхъ партій, которыя шли транзитомъ. Въ 1757 году издано было правительствомъ распоряженіе, по которому транзитный хлѣбъ могъ не платить острои въ теченіи шести дней; но по истеченіи этого срока поднтергался оплатѣ, хотя бы и предназначался къ вывозу изъ города. Для такого хлѣба былъ устроенъ особый складъ, въ которомъ онъ долженъ былъ находиться въ теченіи льготныхъ дней. Чтобы избавиться отъ стѣснительнѣй, коммерсанты устраивали свои склады внѣ черты острои, что, конечно, было очень неудобно для ихъ торговли. На ходатайство ихъ объ отмѣнѣ такого порядка вещей правительство отвѣчало отказомъ (1767 г.), и только въ 1771 года согласилось отмѣнить острои съ транзитнаго хлѣба; но все таки дѣло это было обставлено такими формальностями, что сдѣланная льгота приносила мало пользы. Поэтому совершенная отмѣна острои имѣла значеніе для всего юго-запада Франціи, такъ часто нуждавшагося въ привозномъ хлѣбѣ⁸⁴).

На другой день послѣ отмѣны острои въ Бордо состоялось постановленіе совѣта, отмѣнявшее во всѣхъ городахъ Франціи, за исключеніемъ Парижа и Марсели, острои и другіе городскіе сборы съ хлѣба; но не сборы, которые производились на рынкахъ въ пользу

exécuteurs de la haute justice. Последніе этии сборами вознаграждались за свой трудъ ⁸⁵⁾.

Это постановленіе совѣта возбудило недоразумѣніе между многими сеньорами, пользовавшимися правомъ (феодалнымъ) на сборъ разнаго рода пошлинъ съ хлѣба. Недоразумѣніе ихъ вызвано было фразой введенія къ постановленію совѣта, гдѣ говорилось объ отиѣнѣ рядомъ съ ostroï «какихъ бы то ни было сборовъ»; съ другой стороны они вспомнили, что еще 10 августа 1768 года сдѣлано было распоряженіе о пересмотрѣ правъ сеньоровъ на сборъ пошлинъ съ хлѣба. Съ этой цѣлю приказано было представить въ шестимѣсячный срокъ все документы, удостоверяющіе упомянутыя права. Теперь сеньоры подумали, что правительство вспомнило объ этомъ, забытомъ распоряженіи и отиѣнило, безъ дальѣйшихъ разговоровъ, ихъ права.

Тюрго устранилъ ихъ недоразумѣніе указаніемъ на точный смыслъ текста постановленія совѣта и напомнилъ при этомъ принципъ справедливости, котораго онъ всегда держался: колы скоро отиѣняется право на доходъ, то обладатель такого права долженъ быть вознагражденъ ⁸⁶⁾.

Но такъ какъ сеньоры, поднявъ вопросъ о своихъ правахъ, напомнили Тюрго о состоявшемся въ 1768 году распоряженіи, то 13 августа онъ издалъ постановленіе совѣта, которымъ объявлялось о предстоящей отиѣнѣ всехъ налоговъ на хлѣбъ, собираемыхъ въ пользу частныхъ лицъ; послѣднимъ предписывалось представить въ шестимѣсячный срокъ документы, удостоверяющіе ихъ права на взиманіе налога ⁸⁷⁾.

Но это постановленіе совѣта постигла та же участь, какъ и постановленіе 1768 года, такъ какъ въ маѣ

рохъ, бобы чечевица и рисъ, за что прево и эшвены должны были получать вознагражденіе около 52 тыс. ливр. ежегодно до 1783 г. ⁸⁹).

Та часть этого налога, которая взималась съ предметовъ, не перечисленныхъ въ деклараціи, сохранялась до того срока, который былъ назначенъ прежде, т. е. до 1783 года.

Налоги въ пользу мѣрщиковъ и цосильщиковъ, взимаемые съ разныхъ продуктовъ составляли сумму около четырехъ милліоновъ, а потому Тюрго рекомендовалъ королю возможно скорѣе покончить съ ними, чтобы избавить торговлю отъ такого бремени ⁹⁰).

Часть этихъ налоговъ, взимавшаяся съ пшепцы, metcils, муки, гороху, бобовъ, чечевицы и рису отмѣнена была совершенно, другая же, взимавшаяся съ другихъ предметовъ, сохранялась въ пользу казны и должна была взиматься въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ прежде ⁹¹).

Отмѣной налоговъ и связанныхъ съ ними формальностей Тюрго дѣйствительно освобождалъ хлѣбную торговлю и расчищалъ ей пути, загроможденные разными препятствіями. Какъ онъ самъ говорилъ, имъ были очищены отъ препятствій три другихъ центра, Бордо, Ліонъ и Руанъ, прежде чѣмъ онъ дошелъ до Парижа ⁹²).

Сюда слѣдовало бы прибавить еще Марсель, который тоже былъ прежде закрытъ для внутренней торговли. О Бордо мы знаемъ. О Ліонѣ должны ограничиться догадками. Тамъ существовали продовольственные магазины. Вѣроятно подъ предлогомъ ихъ наполненія, городскія власти почти въ конецъ уничтожили хлѣбную торговлю. Тюрго уничтожилъ эти магазины. Тамъ существовали такіе транзитныя пошанны, что

Рона запиралась для торговли. Значительное уменьшение этих пошлин открыло торговый путь, важный для юга Франціи ⁹²).

Установленія, тормозившія хлѣбную торговлю Руана, а вмѣстѣ и всего сѣвера Франціи замѣчательны своимъ средневѣковымъ характеромъ. Городъ Руанъ издавна пользовался правомъ (*banalité*) монополіи на помолъ хлѣба. Для этого существовали четыре городскихъ мельницы, на которыхъ и долженъ былъ молотъ весь хлѣбъ, потребляемый городскими булочниками. Такъ какъ четыре городскихъ мельницы далеко не были достаточны для города, то позволялось молотъ и на другихъ мельницахъ, лишь бы только городской мельницѣ былъ уплаченъ помолъ. Это право города не распространялось на булочниковъ предмѣстья; но городская администрація позаботилась, чтобы они не могли воспользоваться выгодами своего положенія и стать опасными конкурентами для городскихъ булочниковъ ⁹³).

Монополія помола наносила ущербъ собственно жителямъ города, учрежденіе же привилегированныхъ 112 хлѣботорговцевъ наносило ущербъ всей Нормандіи и сосѣднимъ съ нею областямъ. Этимъ купцамъ предоставлено было исключительное право покупки и продажи хлѣба не только въ Руанѣ, но и въ четырехъ главныхъ хлѣбныхъ рынкахъ Нормандіи. (Андези, Эльбефъ, Кодебекъ и Дюклеръ). Такимъ образомъ только черезъ ихъ руки могъ пройти хлѣбъ изъ Нормандіи въ Парижъ и въ мѣстности, находящіяся выше въ бассейнѣ Сены. Правда, привилегіи 112 были ограничены эдиктомъ 28 мая 1763 года; но заннми осталось право свидѣтельствованія всякаго хлѣба, прибывающаго въ городъ, и право опредѣленія его достоинства, такъ что они остались законодателями

цѣны хлѣба, да кромѣ того, своимъ правомъ контроля стѣсняли транзитъ по Сенѣ ⁹⁴).

Для дополненія картины положенія хлѣбной торговли въ Руанѣ слѣдуетъ прибавить, что тамъ существовала еще корпорація 90 носильщиковъ, разгрузчиковъ и на-грузчиковъ хлѣба, которой была предоставлена моно-полія совершенія соотвѣтственныхъ операцій, причемъ они должны были получать вознагражденіе по опредѣ-ленной таксѣ ⁹⁵).

Такимъ образомъ свобода хлѣбной торговли для значительной части сѣвера Франціи должна была оста-ваться мертвой буквой, а провинціи средней Франціи не могли воспользоваться большою частью выгодъ ся, благодаря среднесѣковымъ учрежденіямъ Руана. По-этому эдиктомъ 23 іюня 1775 года Тюрго уничтожа-етъ всѣ описанныя установленія, корпораціи, долж-ности, постановивъ при этомъ, что убытки города и заинтересованныхъ лицъ должны быть возмѣщены.

Но нигдѣ не было столько чиновниковъ рыночной полиціи, которые числились на пристаняхъ, набереж-ныхъ, крытыхъ рынкахъ и базарахъ, какъ въ Парп-жѣ. О числѣ ихъ можно судить по суммѣ въ четыре милліона ливровъ, доставляемой ежегодно налогами, въ пользу ихъ установленными. Какъ справедливо замѣ-чаетъ Тюрго, множество этихъ должностей обязано своимъ происхожденіемъ не столько потребности въ тор-говой полиціи, сколько пустотѣ государственной казны. Извѣстно, что короли Франціи очень часто учреждали разныя должности доходныя и почетныя, съ цѣлью ихъ про-дажъ. Такъ было и съ торгово-полицейскими должностями Парижа ⁹⁶). Поэтому, когда въ 1719 г. эти должности были отмѣнены, то до самаго 1730 года торговля не ощу-щала отъ этого никакого неудобства ⁹⁷).

Въ 1759 году рѣшено было снова уничтожить эти должности; но дѣло это затянулось отъ неумѣнія найти средства для ихъ выкупа. такъ что по прежнимъ предположеніямъ существованіе ихъ отсрочено было до 1777 года. Тюрго находилъ однако такую отсрочку убыточной, ибо сумма въ 4 милліона, доставляемая налогомъ на пользу этихъ должностей, могла быть употреблена на выкупъ ихъ. Поэтому эдиктомъ февраля 1776 г., зарегистрированнымъ въ знаменитомъ *lit de justice* 12 марта 1776 года, постановлено немедленное уничтоженіе почти всѣхъ торгово-полицейскихъ должностей ^{см.}). Съ уничтоженіемъ ихъ выигрывала не только хлѣбная торговля, но и другія важныя отрасли торговли, какъ напр. торговля рыбой, такъ какъ уничтожаемые теперь «привилегіи продавцы рыбы» не только обременяли своимъ существованіемъ потребителей рыбы, но еще и мошенничали въ ущербъ королю и публикѣ.

Должности рыночной полиціи создавались подъ предлогомъ содѣйствія торговли и сохраненія порядка въ магазинахъ. А каковы были эти порядки мы видѣли въ Руанѣ. Въ Лионѣ тоже совершалось нѣчто подобное. Регламентами 1700 и 1701 года разрѣшено было лишь городскимъ булочникамъ продавать хлѣбъ въ городѣ лишь въ опредѣленное время и въ опредѣленныхъ мѣстахъ, причемъ они обязаны были продавать его по низшей цѣнѣ, чѣмъ городскіе булочники. Это стѣсненіе оказалось недостаточнымъ, а потому десять лѣтъ спустя (1710) былъ изданъ новый регламентъ, которымъ совершенно запрещалось печь или продавать хлѣбъ тѣмъ изъ горожанъ, которые не имѣютъ степени мастера, а обрестнымъ жителямъ дозволялось продавать его лишь на одномъ мѣстѣ, указанномъ городскимъ управленіемъ. Но и на этомъ стѣсненіе не остановилось. Въ 1751 году издается новый регламентъ, которымъ частнымъ лицамъ совершенно запре-

щается приносить хлѣбъ въ городъ подѣ страхомъ конфискаціи и 300 ливровъ штрафа; тоже самое за-
прещеніе относится и къ булочникамъ (т. е. цеховымъ
мастерамъ) сосѣднихъ деревень и городовъ, только
штрафъ налагается меньшій (100 фр.). Исключеніе
сдѣлано лишь для мѣстечекъ Монлюэля (Montluel) и
Сенъ-Піеръ-де-Шандье (Saint Pierre de Chantdieu), но
все таки жителямъ тѣхъ мѣстечекъ дозволялось при-
носить хлѣбъ лишь три раза въ недѣлю съ обязатель-
ствомъ уносить каждый разъ непроданный хлѣбъ
обратно.

Замѣчательно, что этотъ регламентъ былъ изданъ по
просьбѣ городскихъ мастеровъ-булочниковъ, тогда какъ,
по словамъ Тюрго, цеховыя учрежденія (*jurandes, mai-
trises et communautés*) были уничтожены въ Ліонѣ
законами 1606, 1641, 1661 и 1717 года. Такъ
быстро исполнялись законы стараго времени! Это
обстоятельство служило для Тюрго лишнимъ основа-
ніемъ для уничтоженія всѣхъ описанныхъ стѣсненій.
Постановленіе совѣта 6 ноября 1775 года разрѣшило
всѣмъ приносить въ Ліонѣ печеный хлѣбъ и прода-
вать его, гдѣ угодно, по таксѣ, назначенной прево и
эшевенами ⁹⁹).

Последнимъ изъ торговыхъ регламентовъ, унич-
тоженныхъ Тюрго, былъ парижскій регламентъ. Вѣрнѣе
говоря, однако, это былъ цѣлый рядъ регламентовъ,
изданныхъ въ разное время; но сохранившихъ свою
силу на долго, не смотря на взаимныя проти-
ворѣчія. Это былъ такой лабиринтъ залутанныхъ
и сбивчивыхъ постановленій, разобраться въ которомъ
было не легко, а потому понятно то промедленіе въ
уничтоженіи парижскихъ регламентовъ, которое мы
видимъ. Познакомившись съ ними, Тюрго изумился
ихъ нецѣлостности. Онъ увидѣлъ, что они, нисколько не
обеспечивая народнаго продовольствія, служатъ лишь

орудіемъ. «которымъ судьи по своему произволу, могутъ поразить, разорить, обвѣстить всякаго негодяя, который имъ не понравился». Съ другой стороны они служили средствомъ для судей «во время го-
лода парадировать отеческою заботливостью о народѣ и, выдавая себя за его покровителей, врываться съ обыскомъ въ дома землевладѣльцевъ и коммерсантовъ; наконецъ, эта отрасль власти очень дорога (была) для тѣхъ, кто ею пользуется».

Вотъ почему регламенты, продолжаетъ Тюрго, не смотря на свою нелѣпность и не смотря на то, что они обыкновенно не исполняются, такъ дороги главнымъ судебскимъ чиновникамъ и парламенту¹⁰⁰). Вотъ почему ихъ и защищали горячо, какъ продуктъ ума предковъ, умудренныхъ опытною.

Очеркъ ихъ содержанія, сдѣланный Тюрго въ введеніи къ деклараціи, показываетъ, что трудно представить себѣ что либо противорѣчивѣе. Начиная съ среднихъ вѣковъ накопились регламенты, громоздились другъ на друга и образовали зданіе, причудливѣе и уродливѣе котораго трудно что нибудь вообразить. Не трудно догадаться о мотивахъ, диктовавшихъ тотъ или другой регламентъ. По большей части мотивомъ служило желаніе устранить вывозъ хлѣба, парализовать дѣйствіе прасоловъ и вообще спекуляторовъ. Но узость воззрѣній, непониманіе экономическихъ явленій, незнакомство съ отношеніемъ интересовъ потребителей и продавцевъ, все это дѣлало то, что регламенты не достигали цѣли, или давали результаты совершенно противоположныя и стали временемъ, какъ справедливо говорить Тюрго, средствомъ награды для непризванныхъ и непризнанныхъ отцовъ отечества.

Ордонансъ 1415 года, подтвержденный постановленіемъ королевскаго совѣта 1661 года, запрещаетъ завязывать мѣшки съ хлѣбомъ, или спимать ихъ съ возовъ; хлѣбъ, прибывающій водою, запрещается выгружать, складывать въ магазины, или даже просто подъ навѣсъ. Словомъ предписывается предоставить хлѣбъ всѣмъ невзгодамъ съ очевидной цѣлью заставить владѣльцевъ живѣе продавать его. Предполагая однако, что эти причины не окажутся достаточно сильными, чтобы побудить владѣльца хлѣба поспѣшить продажей его, тотъ же ордонансъ предписываетъ привезшему хлѣбъ продать его раньше третьяго базара, т. е. въ теченіи одиннадцати дней, угрожая въ противномъ случаѣ принудительной продажей по цѣнѣ ниже рыночной.

Не напоминаютъ ли всѣ эти предписанія цеховыхъ порядковъ, не сквозитъ ли въ нихъ тотъ же духъ эгоизма, тоже стремленіе къ привилегіямъ, которыми заисчатыльны вообще всѣ феодальныя порядки? Создавъ изъ себя силу, городъ старается лишить земледѣльца всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя могли быть извлечены послѣднимъ изъ его сношеній съ первымъ.

Помянутое постановленіе 1661 года запрещаетъ дѣлать какіе бы то ни было склады хлѣба (*amas de grains*), или оставлять его на мѣстѣ покупки, или на пристани, или на дорогѣ, по которой онъ долженъ прибыть въ городъ. Повидимому этимъ распоряженіемъ стараются устранить прасоловъ.

Тоже самое имѣется въ виду и распоряженіями 19 августа 1661 года и 31 марта 1635 года, которыми запрещается купцамъ покупать хлѣбъ въ Парижѣ и самимъ булочникамъ не дозволяется покупать больше 2 *muils* въ теченіи одного базарнаго дня.

Такимъ образомъ съ одной стороны предписываетъ

ся продавать какъ можно скорѣе, а съ другою запрещается покупать.

Но привезшій хлѣбъ можетъ увезти его? Это вѣроятно и практиковалось до 1565 года, когда постановленіемъ парламента запрещено было вывозить хлѣбъ изъ Парижа подѣ страхомъ тѣлеснаго наказанія; два полицейскихъ ордонанса 1622 и 1632 г. распространили это запрещеніе на все пространство въ 10 лье вокругъ города.

Такимъ образомъ, если кто либо съ хлѣбомъ попадалъ въ этотъ заколдованный кругъ (около Парижа) очерченный радіусомъ въ 10 лье (около 40 верстъ), то долженъ былъ отказаться отъ надежды двигаться дальше или свободно распоряжаться своимъ товаромъ. Даже развизывать своихъ мѣшковъ въ дорогѣ онъ не имѣлъ права, а ужъ о продажѣ хлѣба внѣ парижскаго рынка нечего было и думать. (Постановленіе совѣта 1661 г.) Запрещеніе вывоза хлѣба изъ Парижа и изъ его округа имѣло значеніе для сосѣднихъ областей, такъ какъ Сена съ своими притоками не только открывалъ доступъ изъ заграницы въ среднія и восточныя провинціи, но каналами Бриарскимъ и Орлеанскимъ притягивалъ къ этимъ сношеніямъ провинціи по Луарѣ. Всѣ эти провинціи причислялись къ наиболее плодороднымъ ¹⁰¹). Такимъ образомъ регламенты уничтожали всѣ эти выгоды географическаго положенія какъ для заграничныхъ, такъ и для внутреннихъ сношеній. Послѣ уничтоженія привилегій по хлѣбной торговлѣ въ Руанѣ регламенты Парижа все таки стояли непреодолимой стѣной для свободы торговаго движенія.

Но это еще не все. Хлѣбъ въ Парижѣ долженъ былъ продавать непременно самъ хозяинъ или кто либо изъ его семьи, но отнюдь не приказчикъ или другое постороннее лицо.

По прибытіи хлѣба фактуры должны быть представлены нотаріусамъ и чиновникамъ по хлѣбной торговлѣ. Разъ начата продажа хлѣба на данной лодкѣ, цѣна его не можетъ быть поднимается, пока вся партія хлѣба на данной лодкѣ не будетъ продана ¹⁰²).

Всѣ стѣсненія и запрещенія, которыми были наполнены регламенты Парижа, не приносили ни мало пользы городу. Въ теченіе восьмидесяти лѣтъ (съ 1660 по 1741 годъ) Парижъ 12 разъ подвергался сильной дороговизнѣ хлѣба, тогда какъ въ то же время цѣна хлѣба въ сосѣднихъ провинціяхъ вовсе не была высока ¹⁰³). Занукаемые коммерсанты не рѣшались братья за хлѣбныя операціи, и правительство волеиневолей должно было взять на себя хлопоты о снабженіи столицы продовольствіемъ. Эти хлопоты сопряжены были съ большими расходами, злоупотребленіями, доставляли большія выгоды бывшему министру финансовъ, его сотоварищамъ, придворнымъ, даже самому королю; но пользы народу никакой не приносили. Цѣна на хлѣбъ въ послѣдніе годы, не смотря на нѣсколько хорошихъ урожаевъ, все время стояла выше, чѣмъ въ 1775 году послѣ плохого урожая 1774 г.

Оставшись въ силѣ, регламенты сдѣлали мертвой буквой декларацію 25 мая 1763 года, а постановленіемъ совѣта 1770 года запретительный режимъ былъ возстановленъ совершенно. Такимъ образомъ періодъ времени съ 1763 по 1770 годъ и еще болѣе слѣдующіе за тѣмъ пять лѣтъ можно назвать періодомъ весьма не искусно произведеннаго опыта свободы хлѣбной торговли. Оставаясь послѣдовательнымъ, нельзя было оставлять въ силѣ нелѣпыя и иногда неисполнимыя парижскіе регламенты, которые не наносили всего возможнаго вреда только потому, что не исполнялись. Распоряженіе, нацѣмѣръ, обязывавшее привозителя продать хлѣбъ въ теченіе 11 дней и запрещающее булочникамъ дѣлать

запасы не исполнялось, а оно осуждало столицу имѣть въ запасѣ хлѣба не болѣе какъ на 11 дней. Въ случаѣ распутицы, непогоды, столица легко могла остаться совсѣмъ безъ хлѣба.

Серьезное отношеніе къ дѣлу побудило Тюрго не руководиться лишь принципіознымъ предпочтеніемъ свободы хлѣбной торговли, а заставило подробно изучить зло, которое нужно было устранить: можетъ быть въ этой грудѣ регламентовъ найдутся такіе, которыхъ существованіе желательно? Можетъ быть уничтоженіе нѣкоторыхъ повлечетъ за собою такія жертвы, предъ которыми можно и остановиться? Тюрго, какъ видно, изучилъ дѣло основательно, шагъ за шагомъ прослѣдилъ за издававшимися регламентами и убѣдился самъ, и могъ убѣдить другихъ въ полной ихъ несостоятельности. Сами противники его не находили возможности защищать эти остатки старины. По поводу мемуара Тюрго объ этомъ дѣлѣ. Мнѣніемъ сдѣлано только одно замѣчаніе, и то не важное ⁽¹⁾ тогда какъ другіе проекты онъ щедро снабдилъ своими замѣчаніями. Во время *lit de justice* Сэръе гораздо слабѣе защищалъ регламентъ, чѣмъ цехи и натуральныя повинности. Онъ указывалъ, что главныя заботы направлены были къ тому, чтобы хлѣбъ былъ всегда на виду у народа, такъ какъ это имѣетъ большое значеніе для предупрежденія безпорядковъ. Доводъ негодный, ибо, какъ говорится въ баснѣ: «видитъ око, да зубъ неймасть». Затѣмъ онъ заявляетъ, что столица не испытывала дороговизны, умалчивая о тѣхъ годахъ, которые перечислены Тюрго въ деклараціи. Между тѣмъ время свободы (?), съ тѣхъ поръ, какъ посажденія установлена, видѣло не разъ, говоритъ Сэръе, какъ хлѣбъ становился такъ дорогъ, что былъ недоступенъ бѣдному человеку. Если подѣ временемъ свободы под-разумѣвать эпоху дѣятельности «*Pacte de Famine*»,

то замѣчаніе Сэге справедливо. По всей его рѣчи можно замѣтить, что противъ отмѣны регламентовъ онъ не могъ сказать многого и самъ чувствовалъ слабость своей позиціи. Парламентъ однако отказалъ въ регистраціи деклараціи объ отмѣнѣ регламентовъ наравнѣ съ эдиктами объ уничтоженіи цеховъ и дорожной повинности. Поэтому декларація вступила въ силу лишь въ *lit de justice* 12 марта.

Первыми семью параграфами ея отмѣнялись всѣ тѣ запрещенія и стѣсненія, которыми обставлена была хлѣбная торговля въ Парижѣ и его окрестностяхъ и о которыхъ говорилось выше ¹⁰³).

Это былъ заключительный актъ дѣятельности Тюрго, послѣдняя побѣда его надъ противниками прогресса и гуманности. Послѣ знаменитаго засѣданія 12-го марта нападки на него его враговъ усилились, пока не привели наконецъ къ его паденію.

Очеркъ исторіи хлѣбной торговли, не смотря на свою краткость, даетъ понять, что поворотъ въ пользу свободы хлѣбной торговли начался раньше Тюрго; но только первые шаги въ этомъ смыслѣ были не удачны, потому что положеніе торговли хлѣбомъ внутри страны не было изучено въ подробностяхъ. Между тѣмъ безъ освобожденія внутренней торговли нечего было и думать о хорошихъ результатахъ свободы хлѣбной торговли. Недостаточно, по удачному выраженію Гальяни, рекомендовать устранить препятствія для свободы, но надо сдѣлать это.

Описаніе препятствій показываетъ до очевидности, что они давно отжили свое время и держались только либо силою привычки, либо требованіями частной выгоды. Несомнѣнно также, что вся мыслящая часть общества не стояла за эти стѣсненія. Даже противники безусловной свободы вывоза хлѣба какъ Неккерь и от-

части Галлии, не отстаивали запретительной системы ни во внешней, ни во внутренней торговле. Все же такъ называемые экзоты и либералы, съ Вольтером во главѣ, стояли въ однихъ рядахъ съ Тюрго по вопросу о хлѣбной торговлѣ.

Такимъ образомъ значеніе всѣхъ мѣръ Тюрго относительно хлѣбной торговли заключается въ томъ, что онъ далъ рѣшительное направленіе тому повороту, который начался ранѣе его, причемъ не ограничился провозглашеніемъ свободы, хотя бы самымъ громкимъ; но на дѣлѣ опровернулъ все препятствіе, стоявшія на дорогѣ и такимъ образомъ сдѣлалъ свободу хлѣбной торговли не только желательною, но и возможною.

Обвиненія въ неосторожности и въ увлеченіи теоріей, направленные противъ него, лишены всякаго основанія. Хотя работы наглядно показываютъ, съ какою осторожностью разбирался онъ въ старомъ хламѣ, прежде чѣмъ уничтожить его; о томъ, что онъ дѣйствительно какъ практикъ, а не только какъ теорикъ, свидетельствуютъ, во-первыхъ, близкое знакомство его съ мелочами дѣйствительности, а во-вторыхъ, то обстоятельство, что онъ не нашелъ возможнымъ допустить вывозъ хлѣба, признавая обстоятельства къ тому неблагоприятными. Таково отношеніе Тюрго къ прошедшему и настоящему.

Что касается отношенія его къ будущему, то связь между его программой и будущей политикой, когда общество само получило возможность направлять себя, заключается въ работѣ по этому вопросу Учредительнаго собранія. § 2 закона 28 сент. 1791 года гласитъ: «Собственники земли въ усмотрѣніи государства имѣть обработку своихъ продуктовъ и животныхъ или сохранять по своему усмотрѣнію свои земли и расплачивать такимъ продуктамъ, своимъ скотомъ и животнымъ коровъ, овецъ и т. п. по назначенной государствомъ цѣнѣ».

да другимъ и соображаясь съ законами». Не забудемъ, говоритъ L. de Lavergne, приведа эту выписку, отнести славу закона 1791 года его настоящему автору. — Тюрго Принципы этого закона уже давно выражены въ знаменитыхъ эдиктахъ 1774, 1775 и 1776 гг. ¹⁰⁰). Этимъ опредѣляется отношеніе Тюрго къ будущему. Какъ и въ другихъ своихъ мѣропріятіяхъ, въ дѣлѣ хлѣбной торговли онъ дѣйствовалъ въ согласіи съ дѣйствительными потребностями страны; его предпріятія, поэтому задержанныя реакціонерами, стали программой будущаго.

облегчалъ возможность перваго, съ одной стороны рас-
чиная дорогу и дѣлая его практически неизбѣжнымъ,
съ другой стороны подготавливая умы (частичными мѣро-
пріятіями) къ рѣшенію коренной задачи посредствомъ
постепенной демонстраціи помянутыхъ началъ.

Мы видѣли, что ключъ къ рѣшенію вопроса нахо-
дился въ положеніи финансовъ. Безъ рѣшенія финан-
соваго вопроса нельзя было разсчитывать имѣть время
для преобразованій, ибо дѣло шло къ близкому банк-
ротству. Равнымъ образомъ, однако, безъ коренныхъ
преобразованій печего было и думать о серьезномъ
поправленіи финансовъ. Положеніе было таково: пуж-
но задержать ухудшеніе финансовъ при помощи пал-
ліативовъ, чтобы успѣть произвести преобразованія
до наступленія банкротства. Въ рѣшеніи этой диллемы
было спасеніе старой монархіи.

Тотчасъ послѣ вступленія своего въ управленіе
министерствомъ, Тюрго поручилъ составить бюджетъ на
1775 годъ, такъ какъ онъ имѣлъ основаніе не довѣ-
рять цифрамъ аббата Терре. По провѣркѣ показаній
этого министра оказалось, что за 1774 годъ дефицитъ
составлялъ 48.574.000 фр., тогда какъ бывший ми-
нистръ увѣрялъ, то онъ почти погасилъ его, исклю-
чая 5 милліоновъ, а его счета указывали (тоже не-
пѣрно) на 27 милліоновъ.

По провѣркѣ бюджета на 1775 годъ оказалось, что
аббатъ Терре показалъ доходовъ меньше на 9 207,758
фр. (366.879.746 фр. вмѣсто 377.287.637 фр.), а
расходы тоже выставилъ меньше на 32.169.957 фр.
(382.275.206 франк. вмѣсто 414.445.163 франк.).
Такая разницца конечно, трудно объяснима простой
ошибкой.

Бюджетъ, составленный по смѣтнымъ предположе-
ніямъ Терре, представлялъ слѣдующіе итоги: расходы
399.445.163 фр. ¹⁷⁷), доходы 377.287.637 фр., дефи-

цить 22.157.526 франковъ, а съ 15 милліонами, предназначенными на погашеніе просроченнаго долга — 37 милліоновъ. При этомъ надо замѣтить, что доходы, забраанные впередъ, составляли 782.500.000 фр., о которыхъ Террэ умолчалъ, и срочный долгъ 235.261.360 франковъ.

Тюрго не оставилъ этого бюджета безъ измѣненія. Онъ уменьшилъ предположеніе доходовъ на 7.120,000 фр. для того, чтобы сохранить за собою свободу для нѣкоторыхъ облегченій податныхъ сословій. Расходъ также сокращенъ былъ на 7.689,055 фр. Значеніе этого сокращенія будетъ ясно изъ слѣдующихъ замѣчаній: расходъ по военному вѣдомству; благодаря сочувствію военного министра экономіи, сокращенъ былъ на 9 милліоновъ, эта сумма упала главнымъ образомъ на многихъ придворныхъ и представителей высшей аристократіи, числившихся (ничего не дѣлая) въ такъ назыв. *Maison militaire de Roi*. Затѣмъ значительное сокращеніе (12 м.) коснулось общихъ расходовъ по министерству финансовъ, въ каковой статьѣ значительную часть составляли жалованье высшихъ сановниковъ и суммы, получаемыя припѣцами крови.

Съ другой стороны, нѣкоторыя статьи были увеличены. Такъ статья пенсій была увеличена, причемъ Тюрго устроилъ возможность тотчасъ уплатить недоданное за два года всѣмъ пенсіонерамъ, получающимъ не свыше 400 ливровъ. Прежде обыкновенно экономіи дѣлались на счетъ этихъ несчастныхъ.

Засимъ значительно увеличена была статья расхода, извѣстная подъ именемъ *Déductions*. Въ этой статьѣ значились обыкновенно проценты на суммы, выданныя впередъ откупщиками государственныхъ налоговъ (*Fermiers généraux*), а также и погашеніе этихъ авансовъ, погашеніе и проценты на суммы, за-

иятия у «Pays d'états», также расходы по взиманию податей, а также и некоторые королевские расходы. Вообще эта статья была очень неопредѣленная. По ней Тюрго произвелъ увеличеніе на 18 961.337 фр. (онъ ее увеличилъ съ 137.742.015 франк. до 156.703.352 франк.). Но такъ какъ онъ не имѣлъ въ виду и не могъ увеличить расходовъ, то означенная сумма (18 мил.) предназначалась, очевидно, на погашеніе займовъ, сдѣланныхъ государствомъ у откупщиковъ и у «pays d'états». Такимъ образомъ тенденція Тюрго была: сокращеніе расходовъ непроизводительныхъ, увеличеніе расходовъ, влекущихъ за собою улучшеніе финансового положенія, и увеличеніе расходовъ, требуемыхъ справедливостію. Дефицитъ опредѣляется бюджетомъ Тюрго въ 36.498.710 франковъ, меньше противъ прежняго на 658.816 франковъ. Но этой маленькой суммой не опредѣляется улучшеніе финансового положенія.

Для выясненія послѣдняго мы должны вспомнить, что сокращеніе доходовъ предполагалось въ 7.120.000 франковъ, такъ какъ это сокращеніе предполагалось произвести въ счетъ некоторыхъ налоговъ на предметы первой потребности, то оно представляетъ облегченіе, — прибавивъ сюда сокращеніе расходовъ на 7.689.055 фр., а также и 18.961.337 фр., употребленныхъ на погашеніе займовъ, и сокращеніе дефицита на 658.816 фр., мы получимъ цифру въ 34.429.447 фр. каковая и представитъ намъ улучшеніе финансового положенія страны, сравнительно съ дѣйствительными, не ложными, смѣтными предположеніями бывшаго министра ¹⁰⁸).

Для большей ясности финансовой картины, обозображенной туснеядствомъ и хипченіемъ, Тюрго приказалъ составить списокъ откупщиковъ государствен-

ныхъ налоговъ, *scoupiers* и пенсіонеровъ съ указаніемъ суммъ, или получаемыхъ ¹⁰⁹). Онъ имѣлъ пламенное желаніе избавится отъ всей системы откупа государственныхъ налоговъ, но это было невозможно въ данное время. Также невозможнымъ оказалось освободить откупъ отъ многихъ крупье и пенсіонеровъ, хотя бы потому, что не было средствъ для вознагражденія истинныхъ крупье, или потому, что воля покойнаго короля прерывала фиктивныхъ крупье и такихъ же пенсіонеровъ.

Изъ списка крупье и пенсіонеровъ оказалось, что 60 мѣстъ откупщиковъ были оцѣнены въ 6 м. франковъ, а *scouper* и пенсіи уменьшали эту сумму на 1.980,000 фр., т. е. 33 проц., что, такъ сказать, составляло расходъ по взиманію податей и относилось въ *déductions*.

Списокъ пенсіонеровъ былъ столько же разнообразенъ, сколько скандаленъ. Въ немъ значились: Марія Антуанетта и дочери Людовика XV, получавшія по 6000 франковъ каждая, аббатъ Террэ—20,000 франковъ, г-жа Жіанбонъ, бывшая обитательница *Parc aux cerfs*, въ данный моментъ супруга банкира, г-жа Каванакъ, любовница Людовика XV и, наконецъ, самъ король.

Тюрго не рѣшился предложить Людовику XVI нарушить волю недавно умершаго короля, хотя этотъ послѣдній не постыдился поставить въ этомъ списокѣ своихъ дочерей рядомъ съ госпожами изъ Оленьяго парка (*Parc aux cerfs*). Зато онъ взялъ съ короля обѣщаніе не назначать ни новыхъ крупье, ни новыхъ пенсіонеровъ на счетъ откупа, не допускать назначенія кого-либо на синекуру по управленію откупомъ. Получивъ обѣщаніе короля, Тюрго написалъ въ этомъ смыслѣ всѣмъ откупщикамъ и при этомъ предупредо-

няя, что за всѣ суммы, не внесенныя во время въ казну, они будутъ лишены извѣстныхъ процентовъ, соразмѣрно недоимкѣ, и что онъ не будетъ допускать примѣненія *extention*, т. е. правила, по которому всѣ неясности законовъ толковались въ пользу откупа, во время столкновенія его съ плательщиками. Тюрго принялъ за правило дѣйствовать совершенно наоборотъ: во всякомъ сомнительномъ случаѣ рѣшать дѣло въ пользу плательщика налога.

Обращаясь такимъ образомъ съ откупомъ, министръ далъ сейчасъ и доказательство своего безкорыстія: онъ отказался отъ полученія 450,000 фр., которые составляли *pot-de-vin* (наводка) по заключенію контракта съ откупщиками. Онъ не подарилъ этой суммы откупщикамъ, а приказалъ внести ее въ казну въ фондъ для бѣдныхъ. Свое жалованье, значившееся въ бюджетѣ въ суммѣ 142 т. фр., онъ сократилъ до 80 т. Но это безкорыстіе только раздражало откупщиковъ, которые видѣли въ немъ доказательство невозможности обдѣлывать свободно различныя злоупотребленія. Только Вердье, Ожаръ и Лавуазье стали на его сторону, всѣ остальные—противъ. Практика, между тѣмъ, показала, что твердость и честность правительства, укрѣпляя кредитъ, развивая обороты, что отражается на усиленіи поступленій косвенныхъ налоговъ. По показаніямъ Дюпонтъ де-Немура съ 10.550.000 фр. они достигли 60.000.000 фр. Какъ ни преувеличены эти цифры, надо допустить, что значительное увеличеніе дѣйствительно было.

Такимъ образомъ, Тюрго въ то время еще догадался, что усиленіе продуктивности налоговъ обратно пропорціонально ихъ обременительности, что и до сихъ поръ признается далеко не всѣми практикаами финансоваго міра, особенно въ нашемъ отечествѣ¹¹⁾).

Кратковременность дѣятельности Тюрго не дала возможности преобразовать систему налоговъ. Мы знаемъ только, что онъ хотѣлъ уничтожить существующіе налоги, какъ косвенные, такъ и прямые, и замѣнить ихъ однимъ поземельнымъ налогомъ. Трудно сказать, привелъ ли бы онъ въ исполненіе этотъ планъ, приложеніе котораго онъ рассчитывалъ совершить при участіи представителей землевладѣнія, какъ сельскаго, такъ и городскаго. Въ періодъ своей недолговременной дѣятельности, ему удалось только отыѣнить круговую поруку сельчанъ за исправность платежей въ счетъ «taille». Ему не удалось даже передѣлать эту подать такимъ образомъ, чтобы она взыскивалась не съ лица, а съ имущества, какъ это сдѣлано было имъ въ Лиможѣ и нѣкоторыми другими интендантами въ ихъ областяхъ.

Но за то, не имѣя возможности отыѣнить привилегіи въ податной системѣ, Тюрго старался возможно строже относиться къ привилегированнымъ въ томъ случаѣ, когда они обязаны были платить.

Вышніе саповники; придворные, князья, графы и даже откупщики платили поголовную подать «capitation» не общимъ сторищикамъ *taille*, какъ это должны были дѣлать обыкновенные «благородные», а своему спеціальному сборщику. Последний такъ усердно собиралъ съ нихъ то, что слѣдовало, что многіе знатные были въ недоимкѣ за девять лѣтъ (съ 1767 г.) Тюрго отыѣнилъ особаго сборщика, предписалъ взыскать недоимки и объявилъ, что для упрощенія и большей аккуратности въ поступленіи платежей, послѣдніе будутъ удерживаться изъ жалованья или всякихъ другихъ полученныхъ слѣдующихъ изъ казны высокопоставленнымъ плательщикамъ. Понятно, что такіа неслыханныя строгости не понравились придворнымъ ¹¹¹).

Нѣсколько болѣе удалось сдѣлать для реформы косвенныхъ налоговъ. Съ отмѣной многихъ обычаевъ, установленій, существовавшихъ по хлѣбной торговлѣ, пали или уменьшились и тѣ налоги, которые съ ними были связаны. Кромѣ того, въ теченіе 1775 года понижены были, а мѣстами и отмѣнены ввозныя городскія пошлины (octroi). Практика блестящимъ образомъ оправдала начинанія Тюрго: тамъ, гдѣ пошлина была убавлена на половину, общій доходъ ся не уменьшился ¹¹²).

Конецъ 1775 года показывалъ улучшение финансовъ. Мы упоминали о значительномъ успѣхѣ поступленія косвенныхъ налоговъ. Наоборотъ, сумма антисипаций (налоговъ, забранныхъ впередъ) уменьшилось на 27.700.000 фр., въ публикѣ это уменьшеніе считали еще болѣешимъ, а имело въ 37 м. ¹¹³).

Изъ отчета, представленнаго королю въ декабрѣ 1775 г., по словамъ Д. де-Немура оказались значительныя улучшения финансовъ:

1) Оказалось улучшение въ доходъ, не считая доходовъ по управленію транспортами (Regie de Mes-sageries)	2.982.967 frs.
2) Экономія на различнаго рода финансовыхъ операціяхъ и, главнымъ образомъ, въ платежѣ куртажныхъ коммиссіонныхъ и такъ далѣе (эти послѣдніе составляютъ 5.754.600 frs.)	6.075.747 frs.
3) Выигрышъ на процентахъ, вслѣдствіе погашенія антисипаций и части консолидированнаго долга	2.431.453 frs.
Всего.	11.490.167 frs.

Если сюда прибавить доходъ отъ управленія транспортными, который составлялъ полтора мил., то мы увидимъ, что выигрышъ составлялъ около 13 милліоновъ, изъ которыхъ 7 м. реализованныхъ въ 1775 году, приходились на уменьшеніе дефицита этого года и на разнаго рода погашенія, а остальная часть могла оказаться въ наличности лишь въ слѣдующемъ году. Не слѣдуетъ, однако, въ этомъ счетѣ забывать упомянутого выше погашенія антисипацій (27.770.000) и уплаты части консолидированнаго долга 20.233.081 фр. и погашенія на 3.600.000 фр. билетовъ откупщиковъ, которое эти послѣдніе обязаны были дѣлать ежегодно, по условію контракта.

Такимъ образомъ, если мы примемъ еще, что по бюджету на 1775 годъ предположено было погасить 15 милл. просроченнаго долга (погашено было всего 14.559.000 frs.) и если примемъ въ расчетъ, что произведено было чрезвычайныхъ, непредвидѣнныхъ расходовъ на 506.844 фр., то всѣхъ расходовъ, сверхъ обыкновенныхъ, окажется :

1) Консолидированный долгъ и билеты откупщиковъ	23.833.081 фр.
2) Въ счетъ просроченнаго долга	14.559.000 "
3) Непредвидѣнныхъ расходовъ	506.844 "
4) Погашенія антисипацій	27.770.000 "
Итого	66.668.925 фр.

На эти расходы Тюргю получили разныхъ чрезвычайныхъ доходовъ на 66.213.418 фр., но по этому счету у него состояло свободныхъ къ 1 января 1776 года 12.510.000 фр., слѣдовательно только 53.703.418 фр., чрезвычайныхъ расходовъ покрыто чрезвычайными

доходами, а 12.965.507 фр. покрыто изъ обыкновенныхъ доходовъ. Значить, еслибы не было надобности производить въ 1775 году этихъ погашеній, то изъ средствъ, бывшихъ въ распоряженіи министра въ теченіи года, оказался бы излишекъ въ 12.965.507 фр. Въ началѣ года этого излишка предвидѣть было нельзя, потому что часть его, а именно 7.819.418 фр. были результатомъ улучшеній, происшедшихъ въ теченіи года. Когда роспись была заключена, то оказывался излишекъ (не считая погашеній) въ 5.146,089 фр.; но такъ какъ условлено было произвести еще погашеніе консолидированнаго долга и билетовъ откупщиковъ, всего на 23.833,081 фр., то излишекъ этотъ превратился въ дефицитъ въ 18.686.922 фр. ¹¹⁴⁾.

Бюджетъ, составленный на 1776 годъ, по словамъ Дюпонъ де - Немура , представлялъ дефицитъ въ обыкновенныхъ расходахъ. 14.459.739 фр.
но такъ какъ Тюрго хотѣлъ уплатить долга 9.733.843 фр.
то общій дефицитъ составлялъ .. 24.193.582 фр.

Такъ какъ Тюрго ошибся въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ статей доходовъ и статей расходовъ на 6.194.000 фр., то дефицитъ уменьшился на 7.259.000 фр., т. е. составлялъ 16.934.582 фр.

Но эта сумма могла бы быть уменьшена до 7.200.739 фр. ¹¹⁵⁾, еслибы Тюрго не желалъ платить погашенія въ счетъ просроченнаго долга въ размѣрѣ 9.733.843 фр. Но если и оставить дефицитъ такъ какъ есть въ 16.934.000 фр., то для покрытія его оставалось 12.510.000 фр. чрезвычайныхъ доходовъ отъ 1775 года, а для покрытія остальныхъ 4.424.000 франковъ, и даже болѣе, Тюрго наислѣ средства.

Во-первыхъ, устроенная имъ учетная касса обѣщала ему 10 милл. по 4 проц., а во вторыхъ, крупнейшія голландскія фирмы обѣщали ему по 4 проц. и частію по 8 проц. 60.000.000 фр.

Что въ главномъ своемъ показаніи, относительно цифры дефицита 1776 года, Дюпонъ-де-Немуръ правъ, слѣдуетъ изъ того, что въ отчетахъ Матонъ ла Кура (*comptes rendus de Mathon le Cour*) бюджетъ 1776 г. показанъ съ дефицитомъ въ 23.696,354 фр., значить съ цифрою меньшею, чѣмъ у Дюпонъ де-Немура (24.193.582 фр. ¹¹⁶).

Это свидѣтельствуетъ, что если у Дюпонъ де-Немура встрѣчаются ошибки, то именно ошибки, а не искаженія, сдѣланныя изъ желанія обѣзидить своего друга и учителя. На его цифры положиться можно. Но нѣтъ основанія признать его выводы правильными, что дефицитъ былъ меньше 16 милл., ибо уплата просроченнаго долга такъ же обязательна, какъ и уплата жалованья и другіе расходы, а потому нѣтъ основанія снимать ее съ кэстей для уменьшенія дефицита. Конечно, слѣдуй Тюрго примѣру Террэ, онъ еще съ большою легкостью могъ бы дать на бумагѣ излишекъ доходовъ, вмѣсто дефицита; слѣдуй онъ примѣру этого финансиста, признававшагося собственными устами въ грабежъ, онъ могъ бы не платить долговъ и процентовъ, но тогда онъ не былъ бы Тюрго.

Онъ понимаетъ, что не было надобности прятать дефицита, такъ какъ только глупцы и личные враги могли ставить ему въ вину, что онъ въ 20 мѣсяцевъ не успѣлъ уничтожить это, почти вѣковое явленіе финансовой исторіи Франціи. Что же касается улучшенія финансовъ, то оно было несомнѣнно, такъ какъ оно сказалося оживленіемъ государственнаго кредита. Если и допустить, что акціонеры «Учетной кассы» соза-

платить дать государству 10 м. по 4 проц., въ разсчётъ на будущіе барыши устранившаго предпріятія, то ничто не обязывало голландцевъ давать 60 милліоновъ.

Такого рода заемъ свидѣтельствуесть о довѣріи къ государству, довѣріи, давно небываломъ. А оно было вызвано системою Тюрго. Тотчасъ послѣ его отставки голландскіе банкиры и акціонеры «Учетной кассы» отказались дать обѣщанныя суммы ¹¹⁷).

Упомянутая выше «Учетная касса» (Caisse d'escompte) была послѣднимъ дѣломъ финансовыхъ мѣропріятій Тюрго. Она была учреждена 24 марта 1776 г. Подъ скромнымъ названіемъ этого учрежденія скрывался банкъ съ капиталомъ въ 15 милл., раздѣленныхъ на 5,000 акцій. Этому банку разрѣшались всѣ банковыя операціи, за исключеніемъ права выпуска билетовъ. Замѣчательно, что учетный процентъ ограниченъ былъ уставомъ 4 процентами и что банкъ обязанъ былъ принимать безвозмездно на храненіе деньги частныхъ лицъ ¹¹⁸). Назначеніе низкаго учетнаго процента въ «Учетной кассѣ» гораздо вѣрнѣе могло повліять на пониженіе учетнаго процента вообще, чѣмъ всѣ законы противъ ростовщичества, несостоятельность которыхъ Тюрго доказывалъ рѣшительно и убѣдительно.

«Учетная касса» была сильнымъ шагомъ противъ предубѣжденій относительно кредитныхъ учреждений, еще очень сильныхъ во Франціи послѣ погрома банка Ло. Силою этихъ предубѣжденій объясняется умолчаніе въ ея статутѣ о правѣ выпуска билетовъ и запрещеніе всякихъ займовъ. Открытіе ея назначено было на 1-го іюня 1776 года; оно состоялось послѣ Тюрго, но въ нѣсколько иномъ видѣ. Акціонеры не дали правительству 10 милл. и отказались отъ всякихъ сношеній съ государственной казною, — отчего, конечно,

листовъ «совѣтниковъ-вассировъ». На продажѣ 90,000 головъ скота на рынкахъ Со и Пуасси они выигрывали 92 проц. на свой оборотный капиталъ ¹²²).

Отмена ихъ привилегій, съ сохраненіемъ небольшого налога на скотъ на упомянутыхъ рынкахъ, съ цѣлью вознагражденія монополистовъ за уничтоженіе привилегій, была сущимъ благодѣяніемъ, но понятно, что потерявшіе надежду вознегодовали и, какъ привилегированные, нашли себѣ защиту въ парламентѣ. Понятно также, какъ вознегодовали они на аббата Бодо, разоблачившаго ихъ скромные барышни и разныя злоупотребленія. Парламентъ усердно началъ судебныя преслѣдованія противъ этого зловреднаго автора.

Но защита аббата была его торжествомъ. Публики была масса. Защищался онъ самъ. Онъ неопровержимо доказалъ вѣрность своихъ выводовъ. Рѣши его, полныя страстныхъ нападокъ на монополистовъ, вызвали бурю рукоплесканій. Его обвинители были осмистипы. Судъ не рѣшился вынести обвинительнаго приговора.

Еще въ декабрѣ 1774 года Тюрго занялся вопросомъ о другой монополіи на мясную торговлю. Предполагалось, что въ теченіи поста благочестивые люди не ѣдятъ мяса, поэтому обыкновенная мясная торговля запрещалась; но такъ какъ мясо нужно для больныхъ, то «Hôtel Dieu» было предоставлено исключительное право продажи мяса въ теченіе великаго поста. Мясо продавалось въ тридорога и прескверное. Тюрго отменилъ эту монополію; такъ что постомъ 1775 года больные и скоромники могли ѣсть дешевое и хорошее мясо. Духовенство разсердилось на Тюрго за такое покровительство безбожникамъ.

Лѣтомъ 1775 года онъ еще болѣе возбудилъ противъ себя его ненависть. Дѣло шло о королевской ко-

ронаціи. Тюрго возставаъ, между прочимъ, противъ коронаціи въ Реймсѣ, выставя на видъ значительныя расходы, которые связаны съ королевскимъ путешествіемъ въ этотъ древній городъ.

Но такое предложеніе было отклонено, какъ нарушение монархической традиціи. Другое предложеніе, которое Тюрго поддерживаъ съ гораздо большею настоячивостью, касалось королевской присяги. Король даваъ торжественное обѣщаніе истреблять еретиковъ. Такое обѣщаніе казалось Тюрго отвратительнымъ, а дача клятвеннаго обѣщанія безъ серьезной рѣшимости исполнить его казалась ему нечестною. Онъ предложилъ королю новый текстъ присяги, гласившей слѣдующее: «Всѣ церкви моего королевства могутъ разсчитывать на мое покровительство и справедливость». Это значило воротиться къ полной вѣротерпимости, что, конечно, было согласно съ духомъ XVIII вѣка. Чтобы убѣдить короля, Тюрго написалъ ему мемуаръ о вѣротерпимости, въ которомъ доказываъ согласие съ духомъ христіанства и съ началами мудрой политики. Но его желанія слишкомъ пахли XVIII вѣкомъ, чтобы не встрѣтить самаго рѣшительнаго сопротивленія. Епископы выставили его угнетателемъ религіи. Морепа не желалъ навлекать на себя ихъ неудовольствія, поддерживая Тюрго. Король, отождествлявшій церковь съ религіей, колебался и кончилъ тѣмъ, что уступилъ. Онъ отиравился въ Реймсъ, и полиція распорядилась, чтобы во всѣхъ городахъ «короля встрѣчали колокольнымъ звономъ, пушечными выстрѣлами и восторженными криками народа» (aux acclamations des peuples).

Онъ думалъ избѣгнуть срама давать фанатическую клятву тѣмъ, что во время произнесенія ея пробормоталъ какія то невнятные слова. Противники Тюрго

восторжествовали. Духовенство, однако, не могло простить ему попытки эмансипировать государство от церкви.

7 августа 1775 года Тюрго реформирует почтовые сообщения. До него перевозка пассажиров, почты и товаров (*messageries*) находилась на откуп, дававшее государству далеко не то, что оно могло бы выручить, взявшись само за эту операцию; публикѣ приходилось терпѣть разныя неудобства сообщенія и платить за нихъ очень дорого. Медленность почтовыхъ каретъ была изумительна. Путь изъ Парижа въ Руанъ онѣ дѣлали въ 32 часа, въ Орлеанъ — два дня, въ Бордо — 14 дней, въ Лионъ — 5 и 6 дней. При этомъ надо замѣтить, что на ночь diligences останавливались, когда путь предстоялъ длинный — и эти остановки были часто очень длинны, болѣе, чѣмъ нужно для отдыха.

Тюрго не рѣшился предоставить свободной конкуренціи дѣло почтовой перевозки пассажировъ и грузовъ, не рассчитывая на частную предприимчивость среди французовъ, которая была тогда ничтожна ¹²³). Но онъ не желалъ и монополіи частныхъ лицъ; онъ рѣшился вмѣсто нея поставить монополію государства. Онъ отдѣлилъ собственно почтовое дѣло отъ перевозки пассажировъ и грузовъ и, оставивъ первое на прежнихъ основаніяхъ, преобразовалъ послѣднюю. Онъ устроилъ новыя восьмипѣстные кареты, въ которыя запрягалось отъ 6 до 8 лошадей; смотря по вѣсу груза. Лошади для экипажей брались почтовые, и скорость движенія для дорогъ, наиболѣе плохихъ, была установлена не менѣе 4 лье. Насколько скорѣе пассажиры совершали свой путь въ этихъ новыхъ экипажахъ, такъ и прозванныхъ тюрготинами, видно изъ того, что теперь до Бордо можно было доѣхать въ 5 дней.

respondance secrète des citoyens au nombre des choses sacrées). отъ которыхъ суды, также какъ и частныя лица, должны отвращать свои взоры, и что такимъ образомъ Высшій Совѣтъ Капа долженъ былъ воздержаться принимать доносъ, который ему сдѣлали, Его Величество, присутствуя въ своемъ совѣтѣ, каспируетъ и уничтожаетъ постановленіе Высшаго Совѣта Капа отъ 27 минушаго марта»... Кроме того предписано было начать преслѣдованіе противъ дѣятелей, подстрекателей и соучастниковъ, виновныхъ въ перехватываніи писемъ.

Конечно, послѣ такого торжественнаго заявленія о святости тайны частной корреспонденціи и практическаго доказательства серьезности этого заявленія, многимъ стало неовладно совать носъ въ чужія письма; но Тюрго не добился уничтоженія учрежденія, служившаго живымъ протестомъ противъ провозглашеннаго принципа. Почтенный начальникъ его, какъ увидимъ, отмстилъ самому Тюрго за обзываніе, вскрыванія писемъ дѣломъ «постыднымъ» ¹¹⁷).

Полагаемъ, нѣтъ надобности говорить, что перечисленные акты составляютъ только часть той многосторонней дѣятельности, которую развивалъ Тюрго на своемъ министерскомъ посту. Мы знаемъ, что эдикты о хлѣбной торговлѣ, цеховой вопросъ со всѣми его мелочами, вопросъ о переложеніи натуральной повинности въ денежную занимали его въ то же время. Борьба съ чумой рогатаго скота, опустошавшей преимущественно югъ и юго-западъ Франціи, тоже отвлекала вниманіе министра, тѣмъ болѣе, что приходилось бороться не только съ болѣзнію, но и съ невѣжествомъ народа, благопріятствовавшимъ распространенію болѣзни. Нерадивость и злоупотребленія чиновниковъ тоже съ своей стороны этому содѣй-

ествовали. Энергія и умъ министра восторжествовали. Въ началѣ 1776 года падежъ скота въ нѣсколькихъ мѣстахъ прекратился вовсе, въ другихъ значительно ослабѣлъ.

Въ то же время, начиная съ мая 1775 года, Тюрго принялся за изученіе винной торговли, которая послѣ хлѣбной занимала первое мѣсто. Затрудненія, встрѣчавшіяся на пути развитія винодѣлія, были не менѣе серьезны и были такого характера, какъ и тѣ, которыя мы видѣли въ очеркѣ хлѣбной торговли.

Главнымъ городомъ по размѣрамъ виннаго рынка былъ Бордо; онъ же былъ главнымъ и по многочисленности регламентовъ по винной торговлѣ, носившихъ вкупѣ названіе «Винной полиціи». (Police de vins). Акты эти начинаются съ XV вѣка и размножаются вплоть до министерства Тюрго, дополняя и разъясняя другъ друга. Всѣ они основаны на феодалномъ принципѣ, на которомъ были основаны *banalités* разнаго рода. Исходя изъ него, горожане Бордо создали себѣ право продавать свои вина раньше иногороднихъ и поэтому запрещали послѣднимъ въ извѣстное время доступъ въ городъ. Трактирщики и виноторговцы не имѣли права продавать какое либо другое вино, пока въ городѣ есть вино изъ виноградниковъ гражданъ (эдиктъ 3 марта 1422 года). Законодательные акты XVI, XVII и XVIII столѣтій подтверждали и развивали это правило, грозя за нарушеніе его драконовскими наказаніями¹²⁸).

Для достиженія той же цѣли, вина Лангедока не пропускались винъ по Гароннѣ ранѣе дня Св. Мартина; вина изъ Перигора, Керси и В. Гіени — ранѣе Рождества. Кромѣ того они могли лежать на складѣ въ Бордо не далѣе 8 сентября, т. е. до времени появленія новаго вина.

Въ Марсели съ 1257 года существовало запрещеніе продавать какое бы то ни было чужое вино. Регламентъ 1610 года грозилъ кнутомъ извозчикамъ, которые привезутъ такое вино. Въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ были тѣ же порядки, и, напримѣръ, парламентъ Бордо признавалъ общимъ правомъ каждого города устанавливать запретительныя мѣры ¹²⁹). Тѣ самые города, которые жаловались на стѣпенія для себя въ Бордо, у себя дома устанавливали такіе же правила. Мотивы вездѣ тѣ же. Въ 1756 году городокъ де Венъ (de Veines), въ Дофинѣ, ходатайствуя объ утвержденіи своихъ привилегій, наивно мотивировалъ свое ходатайство тѣмъ, что, безъ запрещенія чужаго вина, горожане не стануть потреблять свое, потому что оно скверно ¹³⁰). Благодаря стѣпеніямъ, торговля въ Бордо шла вяло. Жители Марсели пили дрянное и очень дорогое вино, а бѣдные жители вовсе должны были бы отказаться отъ него, если бы не совершалась открытая контрабанда, не смотря на установленныя наказанія ¹³¹). Въ Бордо тоже сами граждане нарушали правила, созданныя «въ ихъ же интересахъ», какъ выражаются присяжные (jurats) составители регламента 1760 года.

Тѣмъ не менѣе стѣпенія для торговли были очень велики: рабонъ вліянія бордоскихъ регламентовъ былъ особенно великъ, и стѣпенительность ихъ особенно чувствительна, благодаря географическому положенію этого города, служащему ключемъ цѣлой водной системы. Въ послѣдніе три года до Тюрго, требованія объ отміаніи ихъ стали особенно настоятельны. Когда только пришелъ слухъ о томъ, что Тюрго намѣренъ отменить ихъ, виноделы Голли приваили слухъ за совершившимся фактъ и отирали свои вина въ Бордо и оставили ихъ тамъ на складахъ, не взирая на регламенты. Безъ заступничества Тюрго они по-

платились бы своими товарами. Всѣ нетерпѣливо ждали эдикта о свободѣ торговли. Въ февралѣ епископъ Кагора спрашивалъ Тюрго отъ имени своей паствы, скоро-ли ли появится эдиктъ, и выражалъ безпокойство по поводу промедленія ¹³²). Однако, только 6-го апрѣля появился эдиктъ. Перечисливъ стѣсненія винной торговли и практическія ихъ послѣдствія, онъ говоритъ въ заключеніе: «Но эти вопросы (о стѣсненіяхъ) относятся къ вопросамъ высшаго порядка. Они связаны съ основными началами естественнаго права и правъ нашихъ провинцій по отношенію другъ къ другу. Мы должны имѣть въ виду интересы всего королевства, интересы *всѣхъ* нашихъ подданныхъ, которые, какъ покупатели и продавцы, имѣютъ равное право продавать свои продукты или пріобрѣтать предметы потребленія способомъ наиболѣе для себя удобнымъ, наконецъ, интересы государства цѣликомъ, богатство котораго зависить отъ наиболѣе широкаго сбыта произведеній земли и промышленности и отъ увеличенія дохода, которое есть результатъ перваго. Никогда не могло быть такого времени и никогда его не будетъ, когда такія важныя и справедливыя основанія (*considérations*) могли бы быть поставлены на одну доску съ частными интересами нѣкоторыхъ городовъ, или, лучше сказать, съ интересами нѣкоторыхъ богатыхъ жителей этихъ городовъ. Если когда либо власть могла колебаться между такими неравными другъ другу предметами, то это могло быть только по явному недоразумѣнію (*surprise manifeste*), по поводу котораго провинціи, народъ, наконецъ все государство, оскорбленное въ своихъ правахъ, могутъ всегда протестовать. Результаты его, во всякомъ случаѣ, мы можемъ и хотимъ исправить, возвращая актомъ нашей законодательной власти всѣмъ нашимъ подданнымъ свободу, которой они не должны были быть лиша-

смы ³³³)». Эдиктъ отмѣняетъ всѣ регламенты и устанавливаетъ полную свободу торговли виномъ и водкой.

По поводу этого эдикта Вольтеръ писалъ: «Я прочиталъ брошюру, которая отбила у меня вкусъ ко всѣмъ другимъ. Это эдиктъ о свободѣ вишной торговли. Онъ дѣлаетъ прекрасное дополненіе къ эдикту 14 сентября въ пользу хлѣба. Я понимаю, что есть люди, которые очень удивлены, видя трактаты политики и нравственности подъ формулой «*car tel est notre bon plaisir*» ¹³⁴), но я не понимаю, чтобы люди солидные (*qui ont de la barbe au menton*) разсердились за истины, которыя имъ разъясняютъ. Мнѣ кажется, что я вижу Молюеровскихъ медиковъ, возстающихъ противъ кровообращенія. Невозможно, чтобы партія людей, закрывающая глаза, отъ свѣта, продержалась долго. Непріятно возвращаться въ школу, когда считаешь себя уже докторомъ, *et quae imberbes didicere senes perdenda fateri*». Наконецъ, милостивый государь, мнѣ кажется, вино пріобрѣло новый букетъ и новую крѣпость. Я совѣтую господамъ (членамъ парламента) побольше пить его и поменьше злосудить. Эти добрыя вина г. Тюрго способны меня оживить. Мое несчастье, что мнѣ уже не долго придется ихъ пить» ¹³⁵).

Но радость Вольтера и друзей Тюрго и благодарность со стороны Лангедока были преждевременны. Эдиктъ былъ регистрованъ безъ затрудненій въ парламентахъ Тулузы и Дофинъ и въ высшемъ совѣтѣ въ Руссельонѣ. Онъ не былъ еще регистрованъ въ парламентахъ Прованса и Бордо, когда Тюрго вналь въ немилость. Не смотря на то, что король справедливо придавалъ ему большое значеніе, онъ былъ регистрованъ въ Бордо только въ силу соглашенія съ

нѣкоторыми ограниченіями ¹³⁶). Самая регистрація не послужила ни къ чему. Какъ только Тюрго палъ, эдиктъ былъ отмѣненъ ¹³⁷). Такимъ образомъ эдиктъ 6 марта 1776 года постигла участь, общая большей части нововведеній Тюрго. Нарушивъ нѣсколько хронологическій порядокъ, мы оставили пока въ сторонѣ двѣ важнѣйшихъ реформы Тюрго, которыя затрагивали интересы наибольшей части населенія. Я говорю о реформѣ цеховъ и уничтоженіи натуральной повинности. Къ нимъ мы теперь и обратимся, чтобы затѣмъ закончить очеркъ о дѣятельности великаго министра реформатора и сдѣлать оцѣнку его дѣятельности.

Цехи и ихъ паденіе.

Коммунальное и консульское движеніе, которое охватило Францію въ XII вѣкѣ, впервые выдвинуло на политическую сцену средній классъ. Это былъ новый общественный слой, который предъявилъ феодаламъ требованіе на определенное и до известной степени самостоятельное положеніе въ государствѣ.

Не слѣдуетъ однако думать, что это движеніе, направленное противъ феодализма, качественно отличалось отъ послѣдняго по своему принципу. Освобождающіяся коммуны не считали приобрѣтаемыя права принадлежащими всѣмъ въ равной степени. Напротивъ, они считали ихъ такою же своею исключительною привилегіею, какою феодалы считали свои. Горожане враждебно относятся къ стремленіямъ крестьянъ приобрѣсти подобныя же права и отказываютъ имъ въ своей помощи ¹³⁸). Неудивительно поэтому, что горожане усвоили тѣ же самыя феодальныя начала, противъ господства которыхъ надъ собою они боролись.

Но всей вѣроятности еще раньше коммунальнаго и консульскаго движеній началось другое движеніе, которое имѣло въ виду обезпеченіе исключительно экономическихъ интересовъ промышленниковъ и торговцовъ ¹³⁹). Мы говоримъ объ образованіи цеховъ.

Для нашей цѣли не важно разъясненіе вопроса, были ли цехи возрожденіемъ римской промышленной корпора-

раціи. нѣкогда существовавшей въ Галліи, или пре-
образованіемъ германскаго военнаго товарищества
(*ghilde*). Важно для насъ только то, что цехи вызва-
ны были сознанныю необходимостью защитить трудъ
промышленника отъ произвола феодаловъ. Средствомъ
для этого явились союзы промышленниковъ, давшихъ
себѣ опредѣленную организацію. Лишь только, однако,
являются на свѣтъ эти союзы, какъ мы замѣчаемъ
въ ихъ жизни проявленіе феодальнаго принципа. Они
стараются защитить себя отъ сеньоровъ, это правда,
но въ тоже время они защищаются отъ всякой кон-
куренціи со стороны лицъ не принадлежащихъ къ
союзу, и даже затрудняютъ доступъ въ свою среду
новыхъ членовъ, ограничивая иногда число мастеровъ,
всегда опредѣляя число учениковъ. Если съ начала
появленія цеховъ не все они преслѣдуютъ подобную
цѣль, то это нисколько не мѣшаетъ имъ спѣться въ
этомъ отношеніи къ концу XIII вѣка, и въ XIV все
они похожи другъ на друга по своему стремленію
къ исключительному пользованію тѣми удобствами
труда, которыя ими были отвоеваны у феодаловъ ¹⁴⁰).

Иного результата нельзя было бы ожидать въ то
время. Общая сумма идей времени не могла привести
къ созданію дѣйствительнаго демократическаго прин-
ципа, съ другой стороны у освобождавшихся промыш-
ленниковъ не было и интересовъ, которые натолкнули
бы ихъ на осуществленіе его. Положивъ аристокра-
тическій принципъ въ основаніе своего существова-
нія, промышленники построили на немъ и подробно-
сти своей организаціи.

Значительной разницы даже и въ этихъ деталяхъ
не было между цехами различныхъ мѣстностей
Франціи.

Все ремесленники корпораціи подчинены были
строгой дисциплинѣ, которая поддерживала прочность

союза и давала ему силы для самозащиты, а также и для сохранения своей монополии. Но не все члены корпорации поставлены были въ одинаковое положеніе. Какъ и во многихъ средневѣковыхъ корпорацияхъ, мы встрѣчаемъ въ цехахъ три степени: ученика, подмастерья и мастера. Только послѣдніе могутъ быть названы полноправными гражданами цеха; они одни могли работать за свой счетъ и отъ своего имени, они одни, за весьма немногими исключеніями, составляли администрацію цеха, а также принимали участіе въ городскомъ управленіи. Они только могли сообщать тайны ремесла другимъ, принимая къ себѣ «учениковъ». Въ этомъ отношеніи, однако, право ихъ было ограничено. Въ то время, какъ одни уставы разрѣшаютъ нить одного ученика, другіе разрѣшаютъ принять трехъ, не считая сына самого мастера. За то были корпорации, которыя позволяли нить учениковъ только изъ дѣтей мастеровъ, и такимъ образомъ составляли касту въ самомъ строгомъ смыслѣ.

Мастеръ, принимавшій ученика, долженъ былъ заключить контрактъ съ его родителями. Уставъ цеха обыкновенно не опредѣляетъ подробностей контракта, но предупреждаетъ возможность быстрого и дешеваго обученія. Онъ опредѣляетъ минимумъ срока и минимумъ платы, не заботясь о максимумѣ, а нѣкоторые, наиримѣръ уставы парижскихъ суконщиковъ, право разрѣшающаго брать ученика на болѣе длинный срокъ и взимать болѣе высокую плату за обученіе; но строго запрещаютъ брать меньше, чѣмъ постановлено въ уставѣ, и сокращать срокъ обученія. Обыкновенно срокъ назначался торжественно публично, а самъ былъ вѣчно вѣдомъ для выучки ремеслу.

Окончивъ срокъ обученія и достигвъ совершеннолѣтія, мальчикъ получалъ отъ нанимателя (мастера) Мастеръ, принимавшій подмастерья, долженъ былъ

предварительно убѣдиться, удовлетворяетъ ли послѣдній требованіямъ статута. Затѣмъ онъ долженъ былъ заключить съ нимъ контрактъ. Подмастерье получало вознагражденіе, хозяинъ не можетъ его удалить до окончанія срока найма безъ законной причины. Мастеръ не имѣетъ права нанять подмастерья изъ другой корпораціи, если есть свободные въ своей, даже помогать другъ другу мастера не имѣютъ права въ такой работѣ, которую могутъ исполнять подмастерья. Такимъ образомъ, если ученики находились въ полномъ произволѣ мастеровъ, если корпорація старалась поставить преграды ихъ приливу, то та же корпорація, образовавъ работника, ставила его въ болѣе самостоятельное положеніе и обезпечивала за нимъ монополію труда въ опредѣленныхъ границахъ. Но эта монополія все таки была не болѣе какъ правомъ быть занесеннымъ работникомъ, такъ какъ онъ не могъ работать за собственный счетъ и отъ своего имени. Такимъ правомъ пользовались только мастера, которые составляли третій, высшій разрядъ членовъ корпораціи. Для полученія этого званія требовалось предварительно пребыть ученикомъ и работникомъ, дабы получить знаніе ремесла. Затѣмъ статуты требовали еще, чтобы желающій сдѣлаться мастеромъ имѣлъ капиталъ, достаточный для веденія дѣла. Это требованіе встрѣчается въ очень многихъ статутахъ. При поступленіи требовалась, бромъ того, уплата разныхъ пошлинъ въ кассу корпораціи, снору, даже каждому мастеру корпораціи. Въ Парижѣ приходилось платить и королю, такъ какъ нѣкоторые роды промышленности составляли его феодъ: онъ отъ себя и продавалъ право заниматься тѣмъ или другимъ мастерствомъ¹¹¹⁾

За уплатою всѣхъ этихъ пошлинъ окончательный вѣрсеъ аспиранта въ число мастеровъ замедлялся экза-

меновъ. Форма этого испытанія не была еще опредѣлена въ XIII в., и только въ уставѣ одной корпорации, а именно *charpiseurs* (производители монашескихъ канъ) мы встрѣчаемъ постановленіе о *chef d'oeuvre*, какъ способъ доказательства знанія ремесла. Послѣ произведеннаго испытанія, продолжавшагося даже цѣлый годъ, производился пріемъ. Онъ совершался въ торжественномъ собраніи мастеровъ. Вступающій произносилъ клятву на мощахъ въ томъ, что онъ будетъ свято исполнять статуты и добросовѣстно вести свое дѣло. Послѣ того отъ него принималась вступительная плата ¹⁴²).

Эгоистическое начало въ устройствѣ цеховъ бесспорно. Но рѣзче всего проявляется оно въ регламентахъ промышленныхъ процессовъ и торговли. Они носятъ двойственный характеръ: съ одной стороны мотивомъ ихъ служить общественная польза, съ другой стремленіе къ монополіи. Въ первомъ случаѣ регламенты стремятся гарантировать потребителя отъ обмана и съ этою цѣлью предписываютъ, чтобы за работою слѣдили особые чиновники, такъ назыв. *gardes et prud'hommes*. Всѣ регламенты доходятъ до мелочности, проникнуты недовѣріемъ къ добросовѣстности промышленниковъ; они неумолимо преслѣдуютъ общую имъ всею цѣль «*faire l'oeuvre bonne et loyale*», но повидимому никогда не достигаютъ ея вполне.

Эта цѣль объявлялась гласно; но часто въ регламентахъ мы встрѣчаемъ такіа предписанія, которыя, хотя прикрываются тою же цѣлью, но не оправдываются ею. Такія запрещенія стремятся предупредить возможность развитія мастерской какого либо члена цеха до большихъ размѣровъ, или же стараются сохранить за цехомъ монополію производства, устраняя конкуренцію лицъ къ нему не принадлежащихъ. Такія постановленія еще не достигли въ XIII вѣкѣ полнаго

своего развитія, они рѣже встрѣчаются на югѣ Франціи, чѣмъ на сѣверѣ, но уже то обстоятельство важно, для характеристики цеха, что они являются чуть не съ самаго начала его существованія¹⁴³) Необходимымъ слѣдствіемъ стремленія къ монополіи были постоянныя столкновенія между цехами по поводу нарушенийъ исключительнаго права производить предметы извѣстнаго рода Эти столкновенія начались уже въ XIII вѣкѣ. Мы впоследствии скажемъ о нихъ подробно. Исторія цеховъ до столѣтней войны представляетъ намъ уже готовыми всѣ характерные признаки этой организаціи. Какихъ либо новыхъ принциповъ въ жизни этого учрежденія мы не увидимъ; тотъ же эгоизмъ, тѣже аристократическія стремленія.

Отличіе послѣдующаго періода отъ предыдущаго заключается только въ томъ, что все то, что мы видимъ въ послѣднемъ, неопредѣленно, не полно, есть только эмбрионъ по отношенію ко всему тому, что совершилось впоследствии. Въ началѣ столѣтней войны въ политической жизни средняго класса наступаетъ кризисъ. Древній союзъ, существовавшій между нимъ и королевскою властью замѣнился враждою. Столкновение, какъ извѣстно, произведено стремленіемъ средняго класса ограничить королевскую власть. Попытка эта не удалась. Напротивъ, мы видимъ, что лишь только королевская власть оправилась отъ бѣдствій войны, начинается уничтоженіе политической самостоятельности городовъ. Въ XV вѣкѣ уничтожается городская милиція, въ XVI вѣкѣ самостоятельность въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ. Далѣе и городскіе финансы стали подъ строгій контроль правительства¹⁴⁴). Столкновенія съ королевскою властью ограничились однако политическою сферою. Мы далѣе увидимъ отношеніе королевской власти къ жизни цеховъ, теперь скажемъ только, что цехи пережили сто-

лѣтнюю войну со всѣми ея бѣдствіями. Самыя бѣдствія, постигшія горожанъ, какъ и всю Францію, имѣли на жизнь цеховъ сдѣлающее дѣйствіе. Какъ бѣдствія отъ феодальныхъ притѣсненій прежняго времени произвели союзы промышленниковъ, такъ точно и теперь бѣдствія другого рода побудили цеховыхъ промышленниковъ еще болѣе сомкнуть свои ряды, еще болѣе замкнуться отъ всего остальнаго общества. Прежнія затрудненія къ достиженію самостоятельнаго положенія въ цехъ увеличены еще введеніемъ *chef d'oeuvre* ¹²⁾

Chief d'oeuvre встрѣчается уже въ XIII вѣкѣ, но только въ одной корпораціи. Починъ былъ сдѣланъ и это установленіе скоро введено было въ уставы рѣшительно всѣхъ корпорацій. Официальный мотивъ *chef d'oeuvre* заключался въ томъ, чтобы желающіе получить степень мастера фактически могли доказать свою способность производить предметы своей специальности. (Однако, во 1) предметъ *chef d'oeuvre* обыкновенно былъ вещь, давно вышедшая изъ употребленія, во 2) условія, соединенныя съ исполненіемъ *chef d'oeuvre*, дѣлали это учрежденіе крайне стѣснительнымъ. Требовались денежныя взносы въ пользу братства, въ пользу часовни, въ пользу присяжныхъ и въ пользу мастера, въ мастерской котораго производилась работа.

Кромѣ того, уставомъ часто опредѣлялось число и качество вещей, которыми долженъ былъ удостовѣрить своихъ будущихъ товарищей. Уставъ напрасно казался эта суровымъ, если думали гарантировать противъ отъ измѣнчивыхъ притѣсненій послѣднихъ. Обычай востигъ былъ до того, чѣмъ предѣлялъ уставъ, кромѣ установленныхъ вещей, востигъ былъ до того, что измѣнчивые притѣсненія дѣлались на основаніи въ рукахъ администраціи, потому что административный

d'oeuvre'a вполне зависѣла отъ присяжныхъ. Скупиться на покупку ихъ безпристрастія было рискованно. Одинъ сѣдельникъ Perrinot Auguier пожелалъ сдѣлать chef d'oeuvre; ему дали сдѣлать выючное сѣдло, стоившее дорого и не имѣвшее сбыта въ томъ городѣ (Амьенѣ); тѣмъ не менѣе онъ его сдѣлалъ. Освидѣтельствовавъ работу, присяжные признали ее негодною; онъ апеллировалъ къ эшесенамъ; эти послѣдніе выбрали арбитровъ между мастерами; но такъ какъ послѣдніе не могли придти къ соглашенію, то эшесены рѣшились судить дѣло сами. Они велѣли принести еще два выючныхъ сѣдла, которые прежде были приняты за chef d'oeuvre. Изъ сравненія оказалось, что сѣдло Перрино сдѣлано гораздо лучше. Тогда эшесены признали его достойнымъ степени мастера (XV в.). А вотъ и другой случай, бывшій позже (XVII в.). Одинъ подмастерье кожевникъ Бодекенъ (Boudequin) обратился съ просьбою, чтобы его допустили къ экзамену на степень мастера. Послѣ долгихъ проволочекъ присяжные уступили его настояніямъ; но назначили ему chef d'oeuvre очень сложный предметъ изъ кожи, металлическая отдѣлка котораго должна была быть со-робренная. Такъ какъ Бодекенъ не былъ богатъ, то не могъ исполнить назначенную работу и требовалъ назначенія другой. Его просьба не была уважена и онъ апеллировалъ къ прево. Когда же на судѣ у послѣдняго нѣкоторые подмастерья, богатые, заявили, что они согласны исполнить заданную Бодекену работу, то ему было въ апелляціи отказано. Бодекенъ былъ не единственный подмастерье, которому было не подъ силу исполненіе chef d'oeuvre'a. Потерять иногда годъ на производство работы, истратиться на дорогіе матеріалы, накормить обѣдами и ублажить подарками присяжныхъ, уплатить всѣ установленные взносы, — все это могли сдѣлать весьма немногіе ¹⁴⁶⁾ Въ XVII вѣкѣ

во многихъ цехахъ *chef d'oeuvre* прямо былъ замѣненъ двойнымъ денежнымъ взносомъ, даже не требовалось быть ученикомъ, за все платились деньги. Цѣнность *chef d'oeuvre'a* простиралась отъ 300 L. до 3000 L. ¹¹⁷⁾. Сыновья мастеровъ въ особенности пользовались преимуществами. Въ некоторыхъ цехахъ только они могли сдѣлаться мастерами, во многихъ другихъ было опредѣлено число мастеровъ, и поэтому можно было экзаменоваться только при открытіи вакансін; некоторые, если получали разрѣшеніе отъ короля, совсѣмъ не принимали новыхъ мастеровъ въ теченіи извѣстнаго времени. Такия мѣры мотивировались необходимостью охраны отъ разоренія существующихъ мастеровъ. Всѣ указанныя условія, вмѣстѣ взятыя, привели наконецъ къ тому, что мастера въ цехѣ совершенно обособились въ отдѣльное сословіе, едва доступное для всѣхъ перодственниковъ ихъ. Такое обособленіе было развитіемъ аристократическаго принципа, лежащаго съ самаго начала въ основаніи цеховой организаціи. Въ теченіи всего долгаго періода съ XIII по XVIII ст. высшее сословіе цеха являлось выдѣлившимся изъ общей массы; съ этимъ вмѣстѣ и присутствіе аристократическаго принципа стало осязательнѣе. Дифференцірованіе цеха на основаніи аристократическаго принципа не остановилось на выдѣленіи и строгомъ обособленіи сословія мастеровъ. Въ XVI вѣкѣ замѣчается дробленіе самаго класса мастеровъ на три разряда: молодыхъ, новыхъ и старыхъ. Для перехода изъ одного разряда въ другой требуется извѣстное время.

Только старые и отчасти новые (*maîtres*) пользуются правомъ занимать должность присяжнаго. Самый способъ выбора въ некоторыхъ корпораціяхъ измѣняется. Право избранія, принятое раньше вслѣдствіе передается нѣсколькимъ тузамъ и такимъ образомъ устанавливается олигархическая избирательная система.

ма ¹⁴⁵). Кромѣ должностей присяжныхъ въ XVIII вѣкѣ является нѣсколько другихъ, которые не были такъ доходны, какъ должность присяжнаго, но соединены были съ различными почестями. Въ нѣкоторыхъ корпораціяхъ развилось до 10 категорій различныхъ должностныхъ лицъ ¹⁴⁶). Выявленное дифференцированіе цеховыхъ сословій, развитіе замкнутости высшаго сословія, размноженіе почетныхъ должностей, все это находилось въ полной гармоніи со всѣмъ, что дѣлалось въ другихъ слояхъ феодалнаго общества. То же множество титуловъ, привилегій, то же разнообразіе самыхъ тонкихъ и безсмысленныхъ отлщій между правами членовъ одного и того же общества.

Цехъ обнималъ человѣка, какъ промышленника и гражданина; но была другая еще организація, которая включала его какъ человѣка и христіанина, — это братство. Братствами назывались союзы ремесленниковъ, существовавшіе независимо отъ цеха. Иногда они сливались съ нимъ въ объемъ, иногда существовало нѣсколько братствъ въ одномъ и томъ же цехѣ.

Они порождаются развившеюся потребностью нныхъ, не цеховыхъ связей, потребностью пріятельскихъ, веселыхъ собраній, наконецъ развившимся въ XIV в. обрядовымъ направленіемъ, которое увлекало человѣка процессіями, церемоніями и другими религіозными обрядами. Братства встрѣчаются въ XIII вѣкѣ только какъ исключеніе. На югѣ Франціи ихъ было больше, чѣмъ на сѣверѣ. Тамъ даже цехи организовались сначала въ формѣ братства и носили названіе «благотвореніе» (*charité, caritat*). Въ XIV же вѣкѣ братства являются всюду. Между югомъ и сѣверомъ Франціи произошелъ обмѣнъ: организація цеха была заимствована югомъ, братства — сѣверомъ. Въ это время они окончательно слагаются въ форму религіозно-благотво-

рительныхъ и увеселительныхъ сообществъ¹⁵⁰). Каждое братство избирало себѣ патрона изъ числа святыхъ, посвящало ему часовню, которую содержало на свой счетъ. Въ этой часовнѣ совершалось въ торжественныя дни богослуженіе, на которомъ присутствовали члены братства. Передъ изображеніемъ патрона горѣла свѣча братства, служившая символомъ союза. Величиной ея хвастались братства. Въ торжественныя дни всѣ члены братства собиравлись и отправлялись процессіей въ часовню, а потомъ собиравлись на пиръ. Торжества были экстренныя и опредѣленныя. Къ числу экстренныхъ торжествъ принадлежали: свадьба членовъ братства, похороны умершихъ, торжественныя вѣзды членовъ королевской фамиліи. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ процессіи являлись или всѣ члены цѣликомъ или только делегаты со всѣми своими знаменами и знаменами, на которыхъ были изображены гербы братства. (Это особенно цѣнили братчики, ибо гербы ставили ихъ на одну доску съ дворянствомъ).

Даже печальныя торжества превращались въ веселыя. Такъ, у такъ называемыхъ «виновыхъ глашатаевъ» (*seigneurs de vin*) похороны происходили слѣдующимъ образомъ: всѣ члены братства должны были провожать гробъ усопшаго отъ дому до могилы. Каждый изъ провожающихъ нѣлъ въ рукахъ колокольчики, которыми онъ звонилъ во все время пути. Около гроба шли два человека, одинъ со жбаномъ, другой съ кружкой; они угощали виномъ всѣхъ провожающихъ; на сѣтебюргяхъ, они останавливались, ставили гробъ на землю и тутъ угощали виномъ всѣхъ и каждому, позволяя пить сколько душе угодно. Такимъ образомъ печальная процессія превращалась въ карнавалъ. Обыкновенныя празднества, т. е. отправлявшіяся въ опредѣленные дни, были:

праздникъ освященія хлѣба и праздникъ патрона братства. Во время этихъ праздниковъ устраивались самыя торжественныя процессіи. Нерѣдко вся процессія представляла собою маскарадъ и въ такомъ видѣ направлялась въ церковь, а потомъ въ кабакъ, гдѣ соборно устраивалось пиршество, продолжавшееся иногда до слѣдующаго утра. Всѣ подобныя празднества и процессіи отнимали много времени и брали много денегъ. На нихъ жаловались мастера, видѣвшіе въ нихъ причины многихъ безпорядковъ; но у нихъ не хватало силы отказаться отъ случая явиться торжественно на общій парадъ. Подмастерья же рады были случаю покинуть мастерскую своего хозяина и усердно исполняли свои обязанности въ отношеніи посѣщенія процессій и торжествъ братства.

Мы не должны забывать, однако, что братство было обществомъ не только религіозно-увеселительнымъ, но и благотворительнымъ. Въ расходахъ братства всегда фигурируетъ болѣе или менѣе значительная сумма на раздачу милостыни. Но эти хорошія стороны братства не удержались, онѣ отошли на второй планъ, а на первомъ мѣстѣ остались одни обряды. Самоо слово «братство» становилось все болѣе и болѣе пустымъ звукомъ.

Въ XVI вѣкѣ мы видимъ братства, отчаянно преслѣдуемые всѣхъ, кто не принадлежалъ къ цеху и однако осмѣливался заняться какимъ-либо ремесломъ. Отдѣльныя братства враждуютъ другъ съ другомъ и эти ссоры, кончавшіяся почти всегда дракою, наполняютъ собою весь XVI вѣкъ ¹³¹⁾ Религіозныя разногласія были только лишнимъ поводомъ для этихъ столкновеній и безпорядковъ. Особенно сильною была вражда между братствами мастеровъ и братствами подмастерій. Въ это время они составляли большую часть отдѣльных братствъ. Мастера замкнулись, какъ

мы знаемъ, въ привилегированное сословіе, смотрѣвшее ревниво на всякаго конкурента, окружавшее себя все большими заставами. Понятно, что прежнія семейныя отношенія между мастеромъ и его рабочимъ рушились, замѣнились завистью, враждою. Братства подмастерьевъ причиняли не мало хлопотъ мастерамъ не только своими праздниками среди недѣль и шумными торжествами, но главнымъ образомъ, стачками, не обходившимися безъ насилія. Они подчинялись строго одному начальнику, прекращали работу, расхаживали по улицамъ, вооруженные палками и шпагами, силой заставляли учениковъ и не согласившихся подмастерьевъ приступить къ стачкѣ, нападали на самихъ мастеровъ и такимъ образомъ добивались исполненія своихъ требованій¹³²). Правительство издавало указы противъ братствъ подмастерьевъ, но указы не исполнялись и въ первой половинѣ XVI в., а тѣмъ менѣе было возможности заставить исполнять ихъ во время религіозныхъ войнъ. Только по окончаніи ихъ, королевская власть успѣла справиться съ братствами и въ большинствѣ случаевъ уничтожила ихъ. Они потеряли силу, и тогда только, во второй половинѣ XVII вѣка они получаютъ санкцію закона и начинаютъ существовать съизнова, но уже только въ формѣ религіозныхъ обществъ съ годичными церемоніями, свадьбами, похоронами, со всѣми прежними средневѣковыми формами. Прежняго содержанія не было уже, и они строго подчинялись королевской власти¹³³). Въ очеркъ исторіи братствъ нельзя пропустить аналогіи съ исторіею цеховъ. Какъ тамъ, такъ и тутъ сначала является союзъ, имѣющій свой *gaisop d'élite* въ окружающихъ обстоятельствахъ. Члены союза воодушевлены наилучшими намѣреніями; организація представляетъ видимо прогрессивное явленіе. Затѣмъ, по мѣрѣ измѣненія обстоятельствъ, по мѣрѣ изчезно-

венія надобности защиты, по мѣрѣ уничтоженія въ-
шней необходимости замкнутости общественныхъ группъ,
на сцену выступаютъ исключительно эгоистическіе
интересы и стремленіе къ монополіи; мы видимъ преиму-
щественно ссоры и взаимныя преслѣдованія во имя не-
сущестующей опасности. Очевидно и братство, хотя
и воодушевляемое религіознымъ духомъ, выродилось
въ ту же средневѣковую корпорацію и своею судь-
бою даетъ лишнее доказательство невозможности обра-
зованія въ то время демократическихъ учрежденій.
Демократія непримирима съ эгоизмомъ, она есть отрече-
ніе отъ него.

Братства были формой организаціи, годной для
осѣдлыхъ промышленниковъ. Они годны были для под-
мастерьевъ до тѣхъ поръ, пока они легко могли дѣ-
латься мастерами, когда, по выраженію большинства
статутовъ, всякій, окончившій ученіе, могъ сдѣлаться
мастеромъ «*S'il avait de quoi*», если у него были
средства. Но съ введеніемъ опредѣленнаго срока, въ
теченіи котораго ученикъ долженъ былъ оставаться
подмастерьемъ, съ введеніемъ *chef d'oeuvre'a*, вообще
съ усиленіемъ демаркаціонной линіи между мастерами
и подмастерьями, съ выдѣленіемъ первыхъ въ особую
группу, болѣе и болѣе замыкающуюся, положеніе ра-
бочаго въ цехѣ все болѣе измѣнялось. Все менѣе
оставалось связей, которыя его привязывали къ одной
и той же корпораціи. Политическое объединеніе Фран-
ціи, значительно подвинувшееся впередъ въ XIV в.,
облегчало переходы изъ одной мѣстности въ другую.
Но какъ перебираться въ другой городъ, въ другой цехъ
(хотя и однородный), гдѣ встрѣтятся люди, враждеб-
но, злобно встрѣчающіе каждого пришельца? Они ему
и шагу ступить не дадутъ, и на одинъ день работы
не уступятъ. Ослабленіе осѣдлости и надежды на свой
цехъ, потребность искать счастья въ другомъ мѣстѣ,

вотъ, слѣдовательно, тѣ интересы, которые сблизили между собою подмастерій различныхъ цеховъ, произвели между ними организацію совершенно отличную отъ цеха и отъ братства. Организація эта была «Товарищество», или «compagnage» (подмастеріе въ XIV вѣкѣ сталъ называться не *valet*, а *compagnon*), Оно начало свое существованіе въ XIV вѣкѣ, и является развившимся въ XV вѣкѣ Общество это было тайное, а потому нѣтъ возможности прослѣдить шагъ за шагомъ его исторію и приходится ограничиться только общою характеристикой. Товарищество по объему было гораздо шире цеха и братства; оно обнимало собою рабочихъ нѣсколькихъ цеховъ, если не всѣхъ цеховъ одной и той же специальности. По составу товарищество тоже отличается отъ цеха. Оно заключаетъ въ себѣ только подмастерій, составляетъ исключительно рабочій союзъ. Цѣль товарищества — взаимная помощь рабочихъ, въ особенности при переселеніи въ другой городъ. Если рабочій отправлялся въ городъ, его снабжали всѣмъ необходимымъ. Являясь туда, онъ заходилъ въ тотъ трактиръ, который былъ мѣстомъ собранія товарищества. Ему стоило произнести пароль, какъ его принимали съ радостью. У него не было денегъ, ему давали займы, устраивали ему квартиру и столъ въ кредитъ, пока онъ не найдетъ работы. Мало того, развился обычай, по которому, если не было свободнаго мѣста, самый давній членъ товарищества въ данномъ городѣ долженъ былъ уступить свое мѣсто пришельцу, а самъ отправляться въ другой городъ. Мотивъ этого обычая былъ, между прочимъ, тотъ, что путешествіе доставляетъ возможность повидать Божій свѣтъ, поучиться различнымъ способамъ промысла. Давній обитатель города успѣлъ уже узнать все, что можно узнать на мѣстѣ; ему даже полезно отправиться въ другой городъ ¹³⁴). Если

вѣѣ, столкновенія съ мастерами либо по поводу пониженія заработной платы, либо по поводу пріема на службу чужаковъ, т. е. лицъ, не принадлежащихъ къ товариществу. Чѣмъ сильнѣе шло обособленіе мастеровъ, тѣмъ сильнѣе становилась вражда. Развитіе мануфактурной дѣятельности, притягивавшей въ города лишнее населеніе, содѣйствовало тому, что драки стали принимать болѣе грандіозный характеръ¹⁵⁸). Вслѣдствіе развившейся сражды къ мастерамъ, малѣйшіе поводы оказывались достаточными для образованія стачекъ. Стачки по поводу найма такъ называемыхъ «чужихъ» рабочихъ принимали грандіозныя размѣры, а это дало понять, что съ теченіемъ времени товарищества значительно потеряли характеръ общества взаимной помощи и на первомъ планѣ поставили борьбу съ мастерами и защиту монополіи труда.

Такъ какъ именно защита монополіи труда выступаетъ на видное мѣсто, то о товариществахъ можно высказать то заключеніе, что въ развитіи ихъ замѣчаются тѣ же явленія, которыя встрѣчались и въ развитіи цеховъ, хотя и въ слабѣйшей степени. Они безспорно демократичнѣе цеховъ, но стремленіе къ монополіи было и въ нихъ. Исторія товариществъ весьма важна для разъясненія вопроса, какія измѣненія происходили въ положеніи рабочаго класса вслѣдъ за измѣненіями въ организаціи цеха и въ какое отношеніе къ послѣднему становилась масса рабочихъ.

Монополія ремесленного труда естественно приводила къ его регламентаціи. За отсутствіемъ конкуренціи регламентъ являлся единственнымъ средствомъ гарантіи доброкачественности продукта. Дѣйствительно, всѣ цеховые регламенты ставятъ главнымъ обязательствомъ своихъ членовъ «faire l'ouvrage bien et loyalement»¹⁵⁹) и съ различными варіаціями развиваютъ это положеніе. Регламентациа доходитъ до малѣй-

щается продавать свинину изъ опасенія, что они будутъ откармливать свиней человѣчьею кровью ¹⁶⁰). Таковы регламенты относительно цеховыхъ торговцевъ. Они несравненно суровѣе относительно такъ называемыхъ «виѣшнихъ» (forains) конкурентовъ. Въ однихъ городахъ, какъ Паризъ, Руанъ, почти совершенно запрещалась торговля негражданамъ этого города. Последніе должны были сдать свои товары городскимъ купцамъ еще за городомъ. Въ другихъ городахъ, гдѣ допускались на городской рынокъ виѣшніе торговцы, дѣятельность ихъ подвергалась самой эгоистической, стѣснительной регламентаціи и частенько цеховыя силы стремились вытѣснить ихъ совсѣмъ съ рынка.

Всѣ регламенты — продуктъ того времени, когда городская жизнь была совершенно самостоятельной, — когда королевская власть еще не имѣла силы вѣѣшиваться въ дѣла городовъ, а ссориться съ горожанами короли не находили выгоднымъ, такъ какъ въ союзѣ съ ними они боролись противъ общаго врага. Королевская власть старается только увеличить число цеховъ, собрать ихъ уставы въ одное цѣлое ¹⁶¹), но не касается ихъ организаціи. Эти отношенія видоизмѣняются въ XIV вѣкѣ, во время династіи Валуа.

Существенныя условія и случайныя обстоятельства произвели это измѣненіе. Ослабленіе феодализма и развитіе безопасности, усиленіе среднего класса и расширеніе промышленности, все это дѣлало излишнюю монопольную организацію цеха; промышленность меньше нуждалась въ этихъ укрѣпленіяхъ, — не нуждалась и въ постоянной защитѣ королей. Врагъ былъ настолько слабъ, что не могъ уже нанесть въ чистомъ полѣ. Вместе съ тѣмъ и для королей миновала необходимость въ союзѣ съ среднимъ классомъ. Къ тому же эгоистъ союзникъ сталъ предъявлять власти «неумѣренныя» требованія. Случайнымъ обстоя-

тельствомъ, вызвавшимъ измѣненіе отношеній,—была, такъ называемая, Флорентійская чума 1348 года. Она унесла много народу. Отсюда вздорожаніе рабочихъ рукъ, сокращеніе производства, возвышеніе цѣнъ на весьма многіе продукты. Эти слѣдствія были приняты монопольной организаціи цеховъ. Король Карлъ V отзывался о цеховыхъ статутахъ, что «они сдѣланы скорѣе для выгоды ремесленниковъ, чѣмъ на пользу общую». Такой же взглядъ побудилъ его отца ордонансомъ 1351 года объявить промысловый трудъ и рынокъ свободными. Этотъ указъ былъ равносильнъ уничтоженію цеховъ, хотя и не уничтожилъ ихъ. Онъ остался безъ послѣдствій. Цехи оказались слишкомъ крѣпкими учрежденіями, а королевская власть слишкомъ слабою для предпринятаго дѣла. Къ тому же наступила столѣтняя война, ослабившая монархію и раззорившая средній классъ. По окончаніи ея короли снова съ ними сближаются. Они оставляютъ неприкосновенными цехи, но, сохраняя ихъ, подчиняютъ своей верховной власти ¹⁶²).

Съ этого времени, т. е. съ половины XV вѣка, вліяніе государства въ цеховой жизни становится ощутительнымъ. То движеніе, которое видоизмѣнило устройство провинціальныхъ цеховъ по образцу парижскихъ, продолжается въ этомъ періодѣ.

Короли поддерживали это объединеніе въ видахъ политическаго единства. Въ видахъ полученія доходовъ при Людовикѣ XI вводится новое право, якобы существовавшее давно, на основаніи котораго король въ извѣстныхъ случаяхъ могъ назначать отъ себя по одному мастеру въ каждой корпораціи. Король въ такихъ случаяхъ получалъ деньги за дипломъ. Впослѣдствіи увеличилось какъ число такихъ извѣстныхъ случаевъ, такъ и число назначаемыхъ мастеровъ въ каждой корпораціи. Точно также источникомъ до-

многіе дипломы, назначенные въ продажу въ 1558 году. Для избѣжанія такого уклоненія столько же, сколько для увеличенія этой статьи дохода, указомъ 1581 года устанавливался налогъ въ суммѣ отъ 3 до 30 экю на новыхъ мастеровъ ¹⁶⁵). Упомянутые нами указы 1581 и 1597 гг. имѣютъ весьма важное значеніе въ жизни цеховъ. Первый указъ принадлежитъ Генриху III. Указъ имѣлъ цѣлью: 1) организовать въ цехи ремесленниковъ-всѣхъ городовъ и деревень королевства, 2) сдѣлать менѣе исключительною систему цеховъ, 3) ограничить злоупотребленія присяжныхъ (*jurandes*) и мастеровъ, ставя ихъ подъ болѣе надзоръ королевской власти, 4) взимать налоги съ промышленнаго труда. Для достиженія этихъ цѣлей постановлялось, чтобы всѣ ремесленники образовали цехи и написали статуты ихъ, чтобы мастера одного города могли переходить въ цехъ другого города того же судебного (парламентскаго) округа безъ новыхъ экзаменовъ и формальностей ¹⁶⁶); предмѣстія приравнивались къ городамъ, опредѣлены были сроки и предметъ *chef d'oeuvre*, а также учреждены, кромѣ комисіи присяжныхъ еще двѣ комисіи, по назначенію королевскаго судьи, которыя послѣдовательно одна за другой разсматривали *chef d'oeuvre*, и только единогласный приговоръ всѣхъ трехъ комисій рѣшалъ отказъ въ дипломѣ. Въ противномъ случаѣ предпочтеніе давалось благопріятному приговору. Указъ 1581 года не былъ приведенъ въ исполненіе во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которые были неблагопріятны для эгоизма цеховъ. Времена же были вообще не совсѣмъ удобны для безусловнаго исполненія королевскихъ повелѣній. Въ 1597 году Генрихъ IV подтвердилъ указъ 1581 года съ тою разницею, что въ корпораціи зачислены были и купцы. Этотъ указъ лучше исполнялся, чѣмъ предыдущій, хотя все таки не всѣ ремесленники вошли въ цехи.

Направленіе политики этихъ указовъ очевидно отличается отъ указа 1351 года. Они признають монополию за принципъ промышленной жизни, но только дѣлають короля участникомъ выгодъ этой монополіи. Они подчиняють цехи вполне власти правительства. Съ этими вѣстѣ окончательно исчезаетъ *raison d'être* цеха, такъ какъ существованіе его оправдывалось необходимостью защитить промышленника отъ произвольныхъ поборовъ. Это полное подчиненіе цеховъ опекѣ правительства есть главный результатъ конца XVI вѣка въ ихъ исторіи, въ немъ же главное значеніе указовъ 1581 и 97 года. Все остальное въ нихъ не имѣетъ важнаго значенія. Ослабленіе отдѣльности однихъ городовъ отъ другихъ было ничтожно. Указы все таки оставляли провинціи совершенно отдѣленными другъ отъ друга. Дороговизна *chef d'oeuvre's* увеличилась, потому что къ прежней его цѣнности прибавился сборъ въ пользу короля. Обѣды и банкеты остались, хотя король и льстилъ себя увѣренностью, что уничтожилъ ихъ. Иныхъ результатовъ и нельзя было ожидать отъ этихъ указовъ. Королевская власть того времени, — продуктъ феодальной эпохи, — не могла вырваться отъ понятія привилегіи къ понятію о правѣ. Она не столько заботится о гарантіи всеобщаго права, сколько ревниво оберегаетъ свою абсолютную власть. Она уничтожаетъ могущество феодаловъ, но не уничтожаетъ феодальныхъ учрежденій, которыя не опасны для королевскаго абсолютизма, хотя и вредны для общественнаго развитія. По той же причинѣ она уничтожаетъ политическую силу горожанъ, но признаетъ неприкосновеннымъ основной принципъ цеховъ; а сдѣлавъ это, она тѣмъ самымъ обрекаетъ себя на немощъ въ дѣлѣ общественной пользы. Всѣ ея указы получаютъ значеніе плохаго пластыря на серьезной ранѣ.

Дальнѣйшая политика королевской власти не уклонялась отъ указаннаго пути. Пропуская время Генриха IV и Ричелье, важное только въ отношеніи появленія новыхъ родовъ промышленности, обратимся къ эпохѣ Людовика XIV. Его время, по справедливости, считается кулминаціоннымъ пунктомъ абсолютизма. Промышленность съ ея цеховою организаціею должна была также подчиниться королевской опеке. Осуществленіе этого дѣла выпало на долю Кольбера. Трудно подыскать другую личность, которая бы такъ всецѣло посвятила свою дѣятельность на увеличеніе благосостоянія своей страны. Онъ постоянно требовалъ отъ интендантовъ, чтобы они сообщали ему, «поправляются ли крестьяне, какъ они одѣты, какова у нихъ мебель, веселятся ли они больше во время праздниковъ и свадебъ, чѣмъ прежде»? Едва ли другой министръ столько сдѣлалъ для своей страны. Возстановленіе коммерческаго флота, избавленіе каботажа отъ монополіи голландцевъ, развитіе внутреннихъ водяныхъ сообщеній посредствомъ постройки каналовъ, обезпеченіе многоводности рѣкъ и матерьяла для судостроенія посредствомъ эдикта о водахъ и лѣсахъ, введеніе новыхъ родовъ промышленности и усовершенствованіе прежнихъ посредствомъ учрежденія образцовыхъ мануфактуръ, вызова мастеровъ и выдачи субсидій, защита посредствомъ тарифа національной промышленности отъ подавленія ея иностранной конкуренціей, — вотъ главные моменты дѣятельности Кольбера. Но защищая свою промышленность отъ иностранной конкуренціи, Кольберъ желалъ обезпечить за нею не только внутренний, но и иностранный рынокъ. Совершенствованіе производства было лишено своего стимула — конкуренціи: отсюда необходимость опеки правительства. Соотвѣтственно всеобщему убѣжденію, Кольберъ считалъ несовершенство цеховыхъ регламентовъ и не-

исполненіе ихъ главною причиною упадка промышленности ¹⁶⁷⁾), самые цехи онъ считалъ оплотомъ промышленности противъ участія въ ней невѣждъ.

Соотвѣственно этому убѣжденію, онъ рѣшился регламентировать снова промышленность. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ съ 1662 года имъ было издано около 150 регламентовъ, которые были не менѣе мелочны, чѣмъ прежніе цеховые.

На ряду съ этими частными регламентами были изданы четыре большихъ, дѣйствіе которыхъ распространялось на все государство (1669 г.). Это были регламенты, опредѣлявшіе юрисдикцію по промышленнымъ дѣламъ, регулировавшіе производство тканей, окрашиваніе ихъ и окрашиваніе пряжи. Къ нимъ чрезъ два года присоединенъ новый регламентъ окрашиванія шерсти во все цвѣта и о составленіи красокъ. Это цѣлое руководство красильнаго производства. Во всехъ этихъ регламентахъ точнымъ образомъ опредѣляется качество матеріаловъ, инструментовъ и требующіяся качества окончательнаго продукта. Регламентъ входитъ въ мельчайшія подробности. Для надзора за выполненіемъ регламентовъ назначены были инспектора мануфактуръ, которые должны были постоянно объѣзжать ввѣренные имъ округа. Мэры и эшеваны каждого города должны были вѣдать процессы промышленниковъ. За неисполненіе регламентовъ назначены были строгія наказанія. За первый проступокъ хозяинъ лишался негоднаго товара, который, кромѣ того, привязывался къ позорному столбу на 48 часовъ; въ случаѣ рецидива, кромѣ этого, хозяинъ и его работники подвергались публичному порицанію; въ случаѣ же новаго повторенія проступка хозяинъ выставлялся вмѣстѣ съ своимъ товаромъ къ позорному столбу на два часа. Издавая свои регламенты, Кольбертъ имѣлъ основаніе предполагать, что дѣйствуетъ въ со-

только тормазомъ. Расширять эту систему значило усиливать существующую тягость, идти противъ потребностей времени. Регламентация производства, доведенная Кольберомъ до послѣдней степени полноты принесла и пользу, и вредъ. (Замѣтимъ, что она не связана по существу своему съ существованіемъ цеховъ). Польза регламентовъ цеховыхъ заключается въ томъ, что они дисциплинировали ремесленника. Польза регламентовъ Кольбера такова-же, только въ болѣе-шей степени, потому что его регламенты отличались болѣею систематичностью и раціональностью. Они приучили рабочаго *faire l'oeuvre loyale*, какъ и теперь говорятъ французы, замѣняя этимъ выраженіемъ наше: «добросовѣстная работа».

Кромѣ того, они усвоили рабочему классу лучшіе современные способы производства въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, а это обезпечивало при всѣхъ равныхъ условіяхъ будущій прогрессъ этихъ отраслей въ той-же степени. Весьма вѣроятно, что бросающееся въ глаза въ настоящее время развитіе у французовъ шерстоткацкаго производства и красиваго дѣла объясняется регламентами Кольбера¹⁶⁹).

Не смотря на это полное, можетъ быть даже преувеличенное признаніе пользы цеховой регламентации, а также и регламентовъ Кольбера, мы не можемъ не обратить вниманія и на ихъ вредъ. Мы уже выше вскользь указывали на рутину, къ которой были склонны цеховые регламенты. Это была ихъ общая черта съ самаго начала и до конца. Цеховые мастера хвастались привязанностью къ старинѣ. Парижскіе сукопники временъ Людовика IX хвастались тѣмъ, что они употребляютъ ту же самую желѣзную мѣрку для опредѣленія законно-сообразной ширины сукна, которую употребляли при Филиппѣ Августѣ. Такая привязанность, оставаясь совершенно невинною по отно-

шенію къ желѣзной палкѣ, становилась тормазомъ всякихъ изобрѣтеній, коль скоро переносилась въ область способовъ производства. Регламентъ не возбуждаетъ способности къ изобрѣтенію, онъ, напротивъ, парализуетъ его. Мало того, онъ служилъ источникомъ безчисленныхъ процессовъ, по поводу изобрѣтеній — нарушенийъ регламентовъ — источникомъ страданій для изобрѣтателей. Въ XIV вѣкѣ старые мастера подняли процессъ по поводу того, что нѣкоторые мастера дѣлаютъ брюки со шпурками, при помощи которыхъ они прикрѣпляются къ полубафтану, — тогда какъ прежде они дѣлались просто съ веревочкой, которой завязывались около пояса. Королевскимъ эдиктомъ запрещено было такое нарушеніе регламента. Но спросъ на новомодные брюки былъ такъ великъ, что мастера продолжали ихъ дѣлать, рискуя большими штрафами, и конфискаціей. Наконецъ, въ 1398 г., они выхлопотали право дѣлать подобные брюки¹⁷⁰). Такихъ процессовъ было всегда множество. Такое-же значеніе получили вносѣдствіи и регламенты Кольбера. Самъ онъ не считалъ свои мѣры постоянными, а только временными, предназначенными для младенческаго возраста промышленности; но это служить только къ его личному оправданію, а не измѣняетъ сущности дѣла. Регламенты Кольбера стали сильнѣйшимъ тормазомъ, потому что нарушать ихъ было труднѣе, чѣмъ прежніе цеховые регламенты.

Регламенты стремятся естественно къ единообразію. Регламенты Кольбера грѣшили этимъ въ наибольшей степени, чѣмъ, конечно, тормазили прогрессъ производства. Хотя его регламентъ производства сукна и саржи обнималъ 29 различныхъ процессовъ, все таки онъ не могъ охватить всѣ существующіе и возможные. Это сказалось сейчасъ-же. Жалобы жителей Оверни, дѣлавшихъ матеріи въ $\frac{1}{2}$ аршина шириною, просьба

жителей Альби въ томъ-же родѣ, петпція шелковыхъ фабрикантовъ Тура, приписывавшихъ упадокъ своей промышленности регламентамъ, служатъ доказательствомъ односторонности регламента. Хорошо, если нѣкоторые изъ этихъ жалобъ удовлетворялись; большинство оставлялось безъ послѣдствій. Такимъ образомъ, регламенты Кольбера, принеся нѣкоторую пользу, заключали въ себѣ въ высшемъ градусѣ вредъ всякой регламентаціи, превосходящей требованія необходимости. Слѣдствія сказались при его преемникахъ, которые пошли по его пути, не имѣя ни его талантовъ, ни его преданности общественному благу.

Послѣ смерти Кольбера и потомъ при Людовикѣ XV регламентація труда развилась до невозможныхъ размѣровъ. Стараясь предупредить уклоненія отъ исполненія существующихъ регламентовъ, издавали новыя правила; стараясь уничтожить обманъ, уничтожали всякую свободу промысла. Промышленное законодательство разрослось настолько и стало такимъ сложнымъ и запутаннымъ, что каждый ремесленникъ долженъ былъ быть хорошимъ юристомъ, чтобы не потеряться во множествѣ регламентовъ, которыми онъ былъ подчиненъ. Нечего и говорить, что подъ прессомъ регламентовъ и невѣжества инспекторовъ промышленникъ не могъ развивать своей изобрѣтательности ¹⁷¹). Одинъ изъ инспекторовъ XVIII вѣка помѣстилъ въ своемъ донесеніи, что онъ видѣлъ въ Сенсѣ (Senez) («такого имени нѣтъ», говоритъ Ш. де-Рибъ) фабрику англійскаго калмыка (fabrik de calmour d'Angleterre). Образчикъ былъ приложенъ тутъ же; это былъ cadis, матерія, носившаяся крестьянамъ.

Преслѣдованія нововводителей стали чуть ли не болѣе частыми, чѣмъ прежде. Касторовыя шляпы стали очень дороги;—стали дѣлать полу-касторовыя, которыя понравились публикѣ своею дешевизною. Правительство

запретило ихъ; потомъ, увидя, что запрещеніе не исполняется, назначило послѣдовательно слѣдующія наказанія: лишеніе диплома мастера, затѣмъ лишеніе диплома мастера и 2.000 ливр. штрафа, наконецъ штрафъ былъ увеличенъ до 3 000 ливровъ и назначено тюремное заключеніе въ случаѣ рецидива. Когда и эти средства не помогли, правительство прибѣгло къ монополіи, оно предоставило обществу 16 шляпочниковъ исключительное право производства и продажи касторовыхъ шляпъ. Наконецъ, когда эта компанія лопнула, то въ XVIII вѣкѣ правительство разрѣшило производство полу-касторовыхъ шляпъ. 70 лѣтъ продолжалась эта борьба изъ за полукасторовыхъ шляпъ¹⁷²). Цехъ шмуклеровъ-пуговичниковъ имѣлъ право дѣлать пуговицы, обтянутыя матерією. Эта работа была ручная. И вотъ явились въ обращеніи пуговицы, гораздо болѣе дешевыя, но сдѣланныя на станкѣ. По просьбѣ шмуклеровъ правительство запретило дѣлать пуговицы не ручной работы и велѣло конфисковать и сжечь всѣ такія пуговицы, находящіяся въ продажѣ. Эти факты XVII вѣка, а вотъ и изъ XVIII. Красильщикъ Бедемъ получилъ отъ самаго короля разрѣшеніе (1756 года) красить бумажныя матеріи въ голубой цвѣтъ съ бѣлыми разводами. Но присяжные цеха красильщиковъ пришли къ нему и запечатали его чаны съ находившимися тамъ матеріями и только черезъ четыре мѣсяца онъ выхлопоталъ отъ государственнаго совѣта освобожденіе отъ ареста своего товара; но за это время все сгнило. Подобнымъ же преслѣдованіямъ подвергался и шляпочникъ Лепрево (Leprevost), который вздумалъ дѣлать шерстяныя шляпы съ прибавкою небольшого количества шелка. Эти шляпы очень нравились, но они, казалось, нарушали регламентъ. Четырехлѣтній процессъ понадобился на пріобрѣтеніе права дѣлать то, что на самомъ дѣлѣ разрѣшалось регламен-

ти; но выкупъ ихъ не состоялся и всѣ они воскресли послѣ паденія его банка и продолжали существовать до конца жизни цеховъ.

Другой старый способъ извлеченія доходовъ тоже практиковался въ большихъ размѣрахъ въ XV^{III} вѣкѣ. Начали продавать дипломы мастера съ 1722 года по поводу благополучнаго восшествія на престолъ, потомъ продавали ихъ по случаю свадьбы и рожденія высочайшихъ особъ. Всѣ эти дипломы цехамъ позволяли покупать, но запрещалось принимать новыхъ мастеровъ посредствомъ экзамена и представленія *chef d'oeuvre*. Наконецъ министръ Лаверди «для того, чтобы доставить сразу многимъ возможность дешево вступить въ мастера», учредилъ сразу по 12 дипломовъ мастера для каждой корпораціи Парижа и отъ 2 до 8 для каждой провинціальной корпораціи. Учрежденіе должностей, назначеніе мастеровъ отъ правительства и всѣ другія фискальныя мѣры стоили цехамъ большихъ суммъ ¹⁷⁶). Они дѣлали займы, лѣзли въ долги. Финансовое положеніе ихъ было настолько безнадежно, что мастера стали покидать цехи. Въ 1696 г. вышелъ указъ, объявлявшій недействительнымъ всякое удаленіе изъ цеха послѣ 1694 года. Это было равносильно прикрѣпленію къ цеху. Чтобы покрывать свои расходы, цехи необходимо должны были увеличить разные сборы. Шмуклеры увеличили налогъ за избраніе въ присяжные съ 120 на 150 ливровъ, налогъ на пріемъ ученика увеличили вдвое (съ 30 на 60), золотыхъ дѣлъ мастера увеличили до 1000 ливровъ налогъ на дипломъ мастера ¹⁷⁷).

Въ то же время цеховые ремесленники старались усилить доходность своего труда ослабленіемъ конкуренціи. Нѣкоторыя корпораціи выхлопотали себѣ право въ теченіи тридцати или сорока лѣтъ не допускать новыхъ мастеровъ, другія постановляли не имѣть

болѣе одного подмастерья въ каждой мастерской и запрещали починую работу; эти запрещенія дѣлались съ цѣлью возвышенія цѣнности труда. Вообще естественнымъ результатомъ фискальной политики королевской власти въ отношеніи цеховъ было не ослабленіе ихъ эгоизма, которымъ они отличались съ самаго начала своего существованія, а напротивъ его усиленіе, такъ что мы видимъ не пониженіе преградъ, загораживающихъ доступы къ промышленному труду, а напротивъ, стремленіе къ ихъ повышенію.

Для полной характеристики жизни цеховъ, мы не должны упускать изъ виду между-цеховыхъ отношеній; въ нихъ ярче всего проявлялся принципъ монополіи, лежавшій въ основаніи всей цеховой организаціи. Соотвѣтственно этому принципу ни одинъ цехъ не могъ допустить, чтобы ремесленники другого цеха исполняли работы, которыя онъ считалъ своей монополіей. Ремесла же различнаго рода такъ тѣсно сближаются, что при всей доброй волѣ часто невозможно опредѣлить границы, гдѣ кончается одно ремесло и начинается другое, отсюда необходимость постоянныхъ столкновеній между цехами, постоянныхъ процессовъ съ цѣлью опредѣлить взаимныя права на ту или другую работу и съ цѣлью преслѣдованія правонарушеній.

Поэтому ссоры и процессы между цехами начинаются чуть ли не съ самаго начала ихъ существованія. Уже въ XIII-мъ вѣкѣ мы видимъ ихъ, и затѣмъ ими сопровождается исторія цеховъ вплоть до самаго конца. Всѣ рѣшительно корпораціи ссорились между собою по поводу взаимныхъ правонарушеній; но больше всего процессовъ имѣли родственники.

Въ XIII вѣкѣ часто ссорились между собою портные брюкъ (chaussiers) и лоскутники изъ за того, что

последніе дѣлали слишкомъ большую реставрацію панталонъ, прессовали ихъ, давая имъ видъ новыхъ. Судебнымъ приговоромъ постановлено было, чтобы лоскутники не смѣли складывать панталонъ, а должны ихъ вѣшать на гвоздѣ.

Дѣлатели мелкихъ желѣзныхъ вещей (*lormiers*), шорники, сѣдельники тоже ссорились между собою. Первыя преслѣдовали вторыхъ судебнымъ порядкомъ за то, что они покупали старые мундштуки и уздечки, шлифовали ихъ и пришивали къ сбруѣ. Судъ удовлетворилъ *lormiers*. Вслѣдъ за тѣмъ они начали процессъ съ сѣдѣльниками за то, что послѣдніе позволяли себѣ дѣлать стремена, шпоры, мундштуки и другія металлическіе приборы кавалерійской сбруи. *Lormiers* были удовлетворены. Подобный же процессъ былъ между шпажниками (*fourbisseurs*) и нѣкоторыми дѣлателями ефесовъ (*garnisseurs de pommeaux*). Трое изъ цеха дѣлателей ефесовъ *Glissi*, *Henri de St. Richard* и *Thomas de Boissy*, имѣли право дѣлать нагрудники, набедренники, кольца, каски и другія вещи, стали дѣлать портупеи и ножны. Шпажники судебнымъ порядкомъ заставили ихъ отказаться отъ этого промысла. Тогда они перенесли его въ С. Дени, оставаясь, однако, парижскими ремесленниками. Когда же имъ и это было запрещено, они окончательно перенеслись въ С. Дени, а свои издѣлія продолжали продавать въ Парижѣ. Напрасно жаловались на это шпажники; парламентъ не считъ себя въ правѣ удовлетворить ихъ претензіи, потому что на продажу этихъ вещей въ Парижъ вѣвшими купцами (*foirains*) запрещенія не было.

Шерстобиты, суконщики и красильщики такъ близко стояли другъ къ другу, что между ними не могло обойтись безъ драки. Суконщики уже давно присвоили себѣ право красить сукно во всѣ цвѣта, исклю-

чая голубаго а во время составленія свода Бѣало, они внесли въ свой регламентъ право употреблять и голубую краску.

Съ другой стороны красильщики внесли въ тотъ же сводъ нарочитое запрещеніе всякому ткачу красить свои матеріи голубою или какою либо краскою. Это противорѣчіе въ первомъ промышленномъ кодексѣ было источникомъ нѣсколькихъ процессовъ. Шерстобитамъ принадлежало право давать сукну окончательную отдѣлку; это служило для нихъ основаніемъ для споровъ съ суконщиками, а также и для претензій быть исключительными судьями доброкачественности сукна. Парламентъ не признавъ этой претензій, и постановленіемъ своимъ 1270 г. предписалъ производить освидѣтельство сукна смѣшанною комиссіею, состоящею изъ равнаго числа представителей обоихъ цеховъ. Это, однако, не уничтожило спора, такъ какъ суконщики пользовались своей силой и богатствами для притѣсненій красильщиковъ и шерстобитовъ¹⁷⁸).

Въ послѣдующихъ столѣтіяхъ споры между цехами усиливались. Чѣмъ незначительнѣе становилась общественная польза, оказываемая цехами, тѣмъ крѣпче приходилось имъ держаться за свои привилегіи; монополія труда съ теченіемъ времени пріобрѣла право неприкосновенности съдой старины. Всѣ цехи стремились поддержать свои статуты и свои исключительныя права. Съ этою цѣлью они представляли свои статуты на вторичное утвержденіе королевской власти. Усиливая законность своихъ правъ, они энергично преслѣдовали всякаго противника, даже и въ томъ случаѣ, когда сами не могли производить той работы, на которую, какъ имъ казалось, они имѣли исключительное право.

Такъ, цирюльники считали себя и хирургами,—но они только умѣли дѣлать кровопусканіе и перевязывать незначительныя раны. Тѣмъ не менѣе въ XVI сто-

Подъ конецъ пира, подъ вліяніемъ выпитаго вина, начали распѣвать пѣсни и тѣмъ привлекли вниманіе сосѣдей. Какъ только о пирушкѣ стало извѣстно поварами, они ворвались въ залу. Но блюда уже исчезли, и они не могли захватить никакого лишняго. Сконфуженные неудачею, они уже собирались уходить, какъ одинъ изъ нихъ замѣтилъ подъ концомъ плохо свернутой салфетки остатки курицы. Этотъ предметъ былъ достаточнымъ вещественнымъ доказательствомъ, чтобы начать въ парламентѣ процессъ противъ Ланглау¹⁸¹⁾.

Довольно продолжительнымъ и сложнымъ былъ процессъ галантерейщиковъ съ другими цехами. Ихъ торговля была весьма разнообразна, таковы же были и столкновенія. Съ ними спорили перчаточники. Последніе запрещали имъ шить перчатки, а въ 1578 г. добились рѣшенія парламента, запрещавшаго галантерейщикамъ имѣть на выставкѣ въ окнѣ болѣе 4-хъ паръ перчатокъ и въ витринѣ, въ лавкѣ болѣе 3-хъ паръ, по дюжинѣ въ каждой.

Послѣ того, однако, потребовалось еще 16 рѣшеній парламента, чтобы разграничить розничную торговлю перчатками отъ гуртовой и еще въ 1666 году парламентъ подтверждалъ указъ 1579 г.

Шапочники-шляпочники (*bonnetiers - chapeliers*) тоже тягались съ галантерейщиками изъ за того, что последніе осмѣливались сами пришивать къ шляпамъ шелковыя кисточки и изъ за того, что они выставяли на окнѣ слишкомъ много шляпъ. Судебнымъ порядкомъ они заставили ихъ отказаться отъ отдѣлки шляпъ и запретили имъ имѣть на выставкѣ въ окнѣ болѣе шести шляпъ пуховыхъ, одной бархатной, одной сатиновой и одной изъ тафты и, кромѣ того, дозволялось выставять шесть шляпъ иностраннаго производства.

Къ этому прибавлено было, что эти шляпы должны быть положены въ кучу, а не развѣшаны на столбикахъ, какъ это бываетъ у шляпочниковъ. Болѣе столѣтія прошло, а эти два цеха не могли помириться. Еще въ 1685 году шляпочникамъ понадобилось подтвержденіе со стороны парламента ихъ права навѣщать галантерейщиковъ съ цѣлью удостовѣриться, что у нихъ нѣтъ шліиныхъ столбикѣвъ. Въ теченіе только 50 лѣтъ XVII вѣка издано было парламентомъ не менѣе 72 регламентовъ, разграничивающихъ права галантерейщиковъ относительно другихъ корпорацій. Наибольшую продолжительность, однако, отличался цитируемый всюду процессъ портныхъ и старьевщиковъ. Онъ начался, повидимому, въ 1427 году и длился до конца существованія цеховъ. Портные требовали, чтобы старьевщикъ не смѣлъ ничего пришивать къ старому платью; старьевщики же, подъ видомъ починки, совершенно его передѣлывали. Начальникъ полиціи и парламентъ одинъ разъ опредѣляли, что матерія, употребляемая для починки, не должна быть дороже 8 L., другой разъ, — что не дороже 15. Въ теченіи этого длиннѣйшаго процесса состоялось 1.500 судебныхъ рѣшеній съ цѣлью точно разграничить старое платье отъ новаго; но они все въкупѣ не могли сдѣлать невозможнаго¹⁸²). До какой степени придирчивости доходили цехи во взаимныхъ преслѣдованіяхъ, укажутъ слѣдующіе случаи. Одинъ старьевщикъ имѣлъ старые полукафтаны краснаго сукна и штаны яркаго цвѣта, къ которымъ онъ пришилъ пуговицы, покрытыя матеріею подходящаго цвѣта. Безъ этого нельзя было продать этихъ вещей. Его сейчасъ же привлекли къ суду присяжные шмуклеры. Начальникъ полиціи (Lieutenant de police) велѣлъ отрѣзать и сжечь пуговицы, а виновнаго, въ видѣ снисхожденія, присудить къ 20 L. штрафу, вмѣсто 500, которымъ онъ могъ бытъ подвергнутъ¹⁸³).

Тогда, забывшись въ памяти все, видѣнное нами, и под-
винувъ этотъ цехъ. Цехи являются на свѣтъ, какъ орудіе
сраженія: «concordia parvae res crescunt». Таковъ девизъ
этихъ цеховъ. Но эта цитадель не есть общее
дѣло, ею не могутъ пользоваться все желающіе
поддерживать и защищать ея существованіе. пользо-
ваться благами цеха есть привилегія, а не право. До-
ступъ до этой привилегіи нельзя сразу. Но сначала
это было легче, чѣмъ впоследствии. Развѣтіе цеха со-
стояло именно въ увеличеніи этихъ затрудненій и все
болѣе и болѣе разграниченіи привилегирован-
ныхъ отъ обыкновенныхъ смертныхъ.

Стремленіе къ разграниченію проникаетъ и вънутрь
привилегированныхъ, раздѣляя ихъ на болѣе привиле-
гированныхъ и менѣе привилегированныхъ. Это
дальнѣйшее движеніе совпадаетъ съ уменьшеніемъ
внѣшнихъ опасностей для промышленности, съ ослаб-
леніемъ феодализма. Начинается глухая борьба менѣе
привилегированныхъ съ болѣе привилегированными,
но послѣдніе тѣснятъ первыхъ. Образуются, помимо
цеха, отдѣльныя общественныя группы и въ нихъ то
и отражается эта борьба.

Братства борются между собою, а также и това-
рищества. Но не нужно себя обманывать относитель-
но этой борьбы. Въ ней не участвуетъ демократиче-
ская идея. Тутъ идетъ дѣло о привилегіи, а не о
правѣ. Новыя общественныя группы оцѣнены тою же
краской феодальнаго эгоизма, какъ и цехъ. Внутрен-
няя борьба въ цехѣ осложняется борьбою цеха съ це-
хомъ, которая становится все значительнѣе вмѣстѣ съ
возрастомъ борцовъ. Чѣмъ далѣе развивается промыш-
ленность, тѣмъ болѣе развѣтвляется и шире стано-
вится сотрудничество въ формѣ раздѣленія труда,
тѣмъ болѣе поводовъ для столкновеній. Внешняя сила
была способна, повидимому, измѣнить исторію промыш-

иленного класса. Королевская власть въ самомъ дѣлѣ въ XIV вѣкѣ, какъ будто, хочетъ уничтожить цехи; но только вотъ что слѣдуетъ различать въ этомъ дѣлѣ. Королевская власть нападаетъ на цехи, какъ на своего врага, а не вредное учрежденіе въ общественномъ смыслѣ. Обстоятельства ослабили этого врага, цехи преклонились предъ монархіей. Этого только и требовалось. Они остались цѣлы. Монархія даже развиваетъ ихъ, дѣлаетъ ихъ крѣпче. И такъ королевская власть только, повидному, была способна уничтожить цехи; на самомъ дѣлѣ у нея этой способности не было, ибо она сама была феодальнымъ учрежденіемъ и не могла скоро возвыситься до идеи общечеловѣческаго права. Поэтому и роль ея въ исторіи цеховъ была такова: она доканчиваетъ единообразіе цеховаго устройства, распространяетъ его всюду, эксплуатируетъ его въ свою пользу, усиливаетъ регламентацію труда и вмѣстѣ съ нею и рутину. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, цехи въ XVIII вѣкѣ пришли къ такому положенію: выгода ихъ доставалась небольшому числу людей, мастерамъ, которые и завѣдывали управленіемъ цеха; подмастерья и ученики находились въ полной зависимости отъ первыхъ. Зависимость эта была и экономическою и юридическою. Выйти изъ нея было мало надеждъ. Улучшить свое положеніе они пытались, но безъ опредѣленнаго плана, путемъ протестовъ. Это не вело ни къ чему.

Потребители не получали выгодъ отъ цеховъ; они должны были потреблять товары не по своему вкусу, а по вкусу регламента, должны были переплачивать за товары, благодаря существованію такихъ способовъ производства, которые поддерживались только рутинною.

Да даже и самимъ мастерамъ, этимъ *patres* цеховъ, выгода доставалась весьма сомнительная; они,

...много, толкували бы гораздо больше, не имѣя на себѣ тяжести процессовъ, содержанія выдуман- ныхъ обязанностей, всевозможныхъ долговъ (до 40 милліоновъ), сдѣланныхъ на цеховые рас- числа и т. д. Не приходилось бы прикрѣплять мастеровъ къ цеху, если бы ихъ положеніе было такъ хорошо, какъ кажется. Если кому было выгодно существованіе цеховъ съ ихъ регламентами, такъ это инсепкторамъ. Но вотъ что, между прочимъ, рассказываетъ одинъ изъ современниковъ, весьма свѣдущій въ торговлѣ и занимающій высокій постъ: онъ не понимаетъ, какъ могутъ два инсепктора встрѣчаться безъ смѣха ¹⁸³). (*Quidam augures videns ridet*). Но что всего важнѣе, то то, что при существованіи цеховъ, промышленность не могла воспользоваться всеми выгодами сочетанія труда. Развившіяся потребности требовали большей интенсивности производства; теперь прошла та пора, когда медленная, простая работа могла удовлетворить спросъ. Учрежденіемъ, способнымъ на это, была бы мануфактура, а она была невозможна при цеховомъ устройствѣ. Всѣ появившіяся при Кольберѣ мануфак- туры поставлены были внѣ цеховъ. Соединенныя съ мануфактурой выгоды производства въ большихъ раз- мѣрахъ, конечно, громко гогорили противъ цеховъ, необходимо влекши къ ихъ упраздненію.

Кому могъ быть слышенъ съ отъ голосъ? масте- рамъ? Но развѣ они не были привилегированными, чтобы оставаться глухими? Съ ихъ стороны инициа- тива была невозможна, тѣмъ болѣе, что они уже дав- но лишены были политической автономіи. Подмастерамъ и ученикамъ? Да, но они могли понять этотъ голосъ только съ комментаріями. Только люди мысли, не при- вязанные узкими интересами къ той или другой об- щественной формѣ, только они одни могли подняться до идеи общечеловѣческихъ правъ, съ высоты этой

бы *raison d'être* ихъ существованія. 2) Изъ указаній ихъ недостатковъ видно основательное знакомство съ дѣломъ и вѣрное пониманіе существенныхъ недостатковъ. 3) Требования относительно будущаго поставлены ясно и точно. Авторъ уничтожаетъ цехи, это ясно. Неясно, однако, что именно хочетъ онъ оставить отъ нихъ, послѣ исполненія всѣхъ своихъ требований. Останется списокъ рабочихъ данной категоріи; что будетъ основаніемъ ассоціаціи, не ясно? Но это впрочемъ не имѣло практическаго значенія; вся суть дѣла заключалась въ необходимости упраздненія принципа цеха. Мысли неизвѣстнаго автора, изложенныя нами вкратцѣ, были раздѣляемы всѣми людьми движенія въ большей или меньшей степени.

Ихъ раздѣляли послѣдователи Гурнэ; физиократы чистокровныя тоже были врагами цеховъ и вообще торговыхъ стѣненій. Такимъ образомъ были на лицо всѣ главнѣйшія условія для устраненія цеховаго порядка: 1) неудовлетворительность этого режима, 2) ощущеніе массою неудовлетворительности положенія и 3) образованіе въ общественномъ сознаніи опредѣленныхъ воззрѣній на выходъ изъ даннаго положенія.

Существованіе этихъ трехъ условій дѣлаетъ реформу необходимой и игра случая можетъ только задержать ее и то весьма не надолго.

Правительство Людовика XVI могло слѣдовательно выбирать одно изъ двухъ: или произвести реформу, или предоставить ей произойти путемъ общественнаго движенія, путемъ революціи.

Тюрго очень хорошо понималъ, что именно такова постановка вопроса не только по отношенію организаціи торгово-промышленнаго населенія, но и по отношенію ко всей государственной жизни.

татомъ которыхъ является искусственное возвышеніе цѣнъ на всѣ продукты первой необходимости. Такъ какъ хлѣбъ стоитъ отъ 20 до 26 ливровъ сѣтье, то народъ могъ бы имѣть фунтъ прекраснаго хлѣба за 2 су 2 денье, а онъ стоитъ 2 су 9 денье, благодаря существованію цеха булочниковъ ¹⁹⁰). Нѣтъ основанія опасаться за доброкачественность труда и его продуктовъ, такъ какъ въ этомъ собственный интересъ предпринимателей; нечего опасаться и за разореніе теперешнихъ мастеровъ, потому что ихъ знаніе, опытность и капиталъ даютъ имъ большія преимущества надъ ихъ будущими конкурентами, бывшими подмастерьями. Наконецъ, ко всѣмъ указаннымъ соображеніямъ нужно прибавить одно обстоятельство, побуждающее уничтожить цехи, именно въ теперешнее время. Это обстоятельство—«настоящее положеніе англійскихъ фабрикъ вслѣдствіе прекращенія торговли съ американскими колоніями».

Если есть моментъ, когда можно надѣяться привлечь во Францію много англійскихъ рабочихъ, а выйдѣ съ ними переселити къ намъ множество способовъ производства, неизвѣстныхъ на нашихъ фабрикахъ,—такъ это теперешній моментъ. Сохраненіе цеховъ, закрывающихъ входъ каждому рабочему, не прошедшему тяжелыхъ испытаній, и вообще всѣмъ иностранцамъ, заставить королевство потерять всѣ тѣ выгоды, которыя оно могло бы извлечь изъ этого обстоятельства, единственнаго въ своемъ родѣ. Это соображеніе кажется мнѣ имѣющимъ большое значеніе ¹⁹¹).

Въ силу высказанныхъ мотивовъ эдиктъ объ уничтоженіи цеховъ объявлялъ свободными всѣ ремесла даже для натурализованныхъ иностранцевъ. За уничтоженіемъ цеховъ съ ихъ администраціей и

были известны въ виду наступленія эпохи машин-
наго производства. Эта мѣра Тюрго можетъ быть объ-
яснена не только воспитаніемъ противъ братствъ и товари-
ществъ, но и воспитано было ихъ недостатками,
и не только не въ противъ сообществъ всякаго рода,
но и въ противъ изъ наблюденій существующихъ формъ
ихъ. Было важно было замѣтить, что анонимный ав-
торъ "Lettres" чуждъ этого предразсудка, хотя
онъ и не былъ новизмою, не ясно, для чего могутъ
быть корпорации. За то большинство противни-
ковъ раздѣляли предразсудокъ Тюрго. Учреди-
тели "Lettres", уничтожая въ 1791 году цехи, по-
сле этого воспроизвело запрещеніе всякихъ ассо-
циаций и не ограничило его торгово-промышлен-
нымъ сферамъ.

Корпорации Тюрго, за исключеніемъ Мальзербъ, не
исключали его мѣропріятій. Теперь они все
еще не едины о цехахъ въ государственномъ
дѣлѣ. Иная вообще нерасположеніе къ автору эдик-
та, или боялись, или показывали видъ, что боятся смѣло-
сти Мальзербъ. Это опасеніе казалось тѣмъ болѣе
важнымъ, что рядомъ съ эдиктами о цехахъ
былъ вопросъ о натуральныхъ повинностяхъ.
Мальзербъ, хранитель печатей, вошелъ въ соглаше-
ніе съ членами парламента относительно возраженій
къ эдикту. Сартинъ доказывалъ, что Тюрго обма-
нута англичанами, желающими погубить французскую
промышленность. Верженъ не скрывалъ своей анти-
патіи къ реформамъ Парижскій парламентъ въ своей
демонстраціи сводилъ возраженія къ слѣдующимъ пун-
ктамъ: 1) полицейскій порядокъ сдѣлается невозмож-
нымъ, потому что общая полиція слишкомъ слаба для того,
чтобы слѣдить за домашнею жизнью ремесленниковъ и
такимъ образомъ не можетъ замѣнить собою цеховую полицію.
Скоры изъ за права работы не исчезнутъ, потому

что многіе могутъ быть не занесены въ полицейскій списокъ, другіе будутъ занесены, но полиція покажется, что они не занесены, и вотъ причина спора. 2) Производство пойдетъ хуже, потому, что не будетъ достаточнаго надзора за способами его, не будетъ достаточной подготовки мастеровъ и не будетъ возможности усовершенствованій и изобрѣтеній, ибо разъ они сдѣланы, имъ сейчасъ начать подражать и такимъ образомъ изобрѣтатель будетъ лишень плодовъ своего изобрѣтенія. Мотивъ послѣднихъ, слѣдовательно, исчезаетъ. 3) Мастера совершенно будутъ задавлены конкуренціей своихъ бывшихъ работниковъ. 4) Они совершенно несправедливо лишатся своихъ капиталовъ, потраченныхъ на пріобрѣтеніе дипломовъ. 5) Бакалейщиковъ и вообще продавцевъ съѣстныхъ припасовъ нельзя не приравнивать къ аптекарямъ, потому что они также могутъ продавать яды или отравленные предметы. 6) Наконецъ, смѣшеніе разрядовъ, нынѣ существующихъ въ цехахъ, поведетъ къ крайнему безпорядку и анархіи¹⁹⁷⁾.

Всѣ усилія противниковъ Тюрго были пока напрасны. Людовикъ XVI былъ убѣжденъ въ правотѣ его воззрѣній и рѣшилъ послѣ вторичной демонстраціи парламента созвать на 12-е марта *lit de justice*. Особенно энергично протестовалъ противъ этого и поощрялъ сопротивленія эдиктамъ принцъ Конти. Но главнымъ адвокатомъ стараго порядка и оппонентомъ Тюрго во время королевскаго засѣданія былъ королевскій адвокатъ Антуанъ Сегье. Рѣчь его заключаетъ въ себѣ все, что только могли сказать въ защиту цеховъ приверженцы стараго порядка. Ораторъ приписываетъ происхожденіе цеховъ дѣятельности правительства, хотя и расходится съ авторомъ «*Considerations*» въ томъ, что, по его мнѣнію, правительство дѣйствовало не во имя интере-

совъ торговли и промышленности, а ради интересовъ государственнаго управленія. По мнѣнію оратора Людовикъ IX съ этою цѣлью устроить цехи, а потомъ, по тому же плану, устроены были и другія корпораціи и учрежденія. «Всѣ ваши подданные, Государь, говоритъ ораторъ далѣе, раздѣлены на столько отдѣльныхъ сословій, сколько существуетъ различныхъ состояній въ королевствѣ.

Духовенство, дворянство, высшія и низшія суднища, чиновники при нихъ состоящіе, университеты, академіи, компаніи финансистовъ (банкировъ *les compagnies de finances*), компаніи купцовъ, — все это и во всѣхъ частяхъ государства представляетъ отдѣльныя корпораціи, которыя можно разсматривать, какъ звѣнья одной большой цѣпи, первое кольцо которой находится въ рукахъ Вашего Величества, какъ главы и главнаго распорядителя всего того, что составляетъ національное тѣло.

Ужасна сама мысль разрушить эту драгоценную цѣпь. Цехи составляютъ часть этого нераздѣльнаго цѣлага, часть, которая служить общему благоустройству королевства. Они стали необходимы и законъ устроить ихъ, учредить присяжныхъ (*jurandes*), досмотрщиковъ, учредить регламенты, такъ какъ несправедливость есть зло государственнаго устройства, ибо человѣкъ всегда стремится злоупотреблять свободою. Законъ одинаково стоитъ на стражѣ интересовъ того, кто продаетъ, какъ и того, кто покупаетъ. Онъ поддерживаетъ взаимное довѣріе между тѣми и другими; тутъ, такъ сказать, подъ клеймомъ общественнаго довѣрія, купецъ выставляетъ свой товаръ на глаза покупателей и покупатель совѣсмѣл безбоязненно беретъ его изъ рукъ продавца».

Съ уничтоженіемъ цеховъ рушится эта связь, каждый ремесленникъ будетъ преслѣдовать только свои

выгоды и обманъ дойдетъ до того, что не станеть ни мѣръ, ни вѣсовъ.

«Цѣль, которую представили Вашему Величеству, заключается въ расширеніи и увеличеніи торговли посредствомъ освобожденія ся отъ стѣсненій и пренятствій, введенныхъ, говорятъ, регламентами. Мы осмѣливаемся представить Вашему Величеству предположеніе діаметрально противоположное: именно эти стѣсненія, эти пренятствія, эти запрещенія производятъ славу, прочность и громадность французской промышленности». Доказательство этого заключается въ цвѣтущемъ состояніи нашей промышленности, въ ея превосходствѣ надъ иностранною.

Безграничная свобода скоро уничтожитъ эту степень совершенства, которая одна есть причина преимуществъ пріобрѣтеннаго нами надъ иностранцами. Эта толпа мастеровыхъ и рабочихъ, которая переполнитъ нашъ рынокъ, не только не увеличитъ нашихъ богатствъ, но весьма вѣроятно, уменьшитъ дажѣ, идущую къ намъ съ обоихъ полушарій. Иностранцы, обманутые ихъ коммисіонерами, которые свою очередь обмануты производителями, при пріобрѣтеніи товаровъ въ столицѣ, не будутъ находить болѣе тѣхъ достоинствъ, которыя заставляли ихъ гоняться за нашими товарами. Что за удовольствіе имъ будетъ перевозить къ себѣ съ большимъ рискомъ и издержками предметы, похожіе на тѣ, которые есть у нихъ одна».

Нынѣшніе мастера прекратятъ свои промыслы, подавляемые конкуренціей новыхъ, да и послѣдніе не въ состояніи будутъ вести дѣло по причинѣ слишкомъ малой прибыли.

Возвѣстивъ гибель французской промышленности, ораторъ переходитъ далѣе къ пророчеству паденія и земледѣлія отъ уничтоженія цеховъ.

«Не все сдѣлано, говоритъ ораторъ далѣе, если представлена Вашему Величеству, какъ неизбѣжно

практические противные гуманности и доброй прав-
ды. Между тѣмъ, государь, большинство ихъ
выработано королевскими указами Вашихъ августѣй-
шихъ предшественниковъ; они выработаны тѣми, кто
добровольно подчинился, они плодъ опытности;
они въ одно и тоже время оплотъ противъ мошенни-
чества, какъ и противъ недостатка доброй воли. Ис-
кусство и ремесла сами существуютъ только благо-
даря снисходительнымъ предостереженіямъ, введеннымъ
такими регламентами; наконецъ, это Ваши предки, го-
сударь, понудили различныя сословія соединиться въ
цехи. Эти учрежденія созданы были не по просьбѣ
судцовъ и ремесленниковъ, а по просьбѣ жителей го-
родовъ, которые были обогащены промышленностью.
Генрихъ IV, этотъ король, который останется на
вѣки утѣхою французовъ, этотъ король, который толь-
ко и занять былъ счастьемъ своего народа, этотъ ко-
роль, котораго Ваше Величество сдѣлалъ своимъ образ-
цомъ; да, государь, этотъ идолъ Франціи, по заявле-
нію принцевъ крови, государственныхъ совѣтниковъ,
самыхъ почетныхъ лицъ и важѣйшихъ чиновниковъ,
собранныхъ въ Руанѣ для блага королевства, прика-
зала, чтобы каждое сословіе (т. е. родъ промышлен-
никовъ) было бы отдѣлено, классифицировано выбор-
ными присяжными общины и подчинено было регла-
ментамъ, особымъ для каждаго отдѣльнаго ремесла.
Генрихъ IV остановился на такомъ общемъ законѣ
не такъ, какъ его предшественникъ, искавшіе лишь
временной выгоды отъ созданія такихъ учреждений,
а чтобы предупредить слѣдствія невѣжества и неспо-
собности, прекратить безпорядки, обезпечить посту-
пленіе налоговъ, которыми можно было бы воспользо-
ваться, смотря по обстоятельствамъ. Отсюда слѣдуетъ,
что общественная польза побуждала къ учрежденію
цеховъ, что сама нація ходатайствовала объ этихъ

въ искренность оратора. Убѣдиться силою
логикѣ нельзя. Противорѣчія и софизмы на
шагу. Въ одномъ мѣстѣ утверждается что
не покупаютъ товары во Франціи, потому
что производители не искусны, а далѣе говорится, что
работники (работающіе плохо?) идутъ на лучшую
плату за границу. Съ одной стороны въ
всѣмъ рабочаго люда безъ работы, туда же
идутъ въ деревни, а въ деревняхъ нѣтъ рабочихъ.
Народъ не возвращается въ деревни вслѣд-
ствіе стремленія къ легкой работѣ, ко-
торой нѣтъ. Цѣна на земледѣльческіе продук-
ты считается условіемъ наденія сельскаго

въ мѣстѣ ораторъ отрицаетъ возможность
существованія мастера, такъ какъ это было бы
нарушеніе права собственности, а нѣсколькими стро-
ками далѣе самъ, хотя и съ ограниченіемъ, до-
пускаетъ уничтоженіе. Прослушавъ такую аргу-
ментацию, можно только въ безнадежности того
чего онъ говоритъ, нельзя сказать ничего лучшаго. Сег-
де изъ талантливыхъ адвокатовъ парла-

ментовъ до конца его рѣчи, прочтень
защиту королевскаго достоинства и въ
испину противъ автора закона, ува-
ратору рушится, неблаговидность пріема
въ его искренность.

не смотря на все, не смотря на предвѣщанія ги-
стеріи, не смотря на пламенную защиту пони-
женія справедливости и нарушаемаго права собствен-
ности были зарегистрированы и цехи присуждены
закрытію. Извѣстіе объ этомъ произвело сильное

впечатлѣніе въ Парижѣ. Мастера, конечно, не могли быть довольны. О ихъ чувствованіяхъ можно судить по рѣчи Сегье. Ихъ чувства были одинаковы съ чувствами всѣхъ привилегированныхъ, въ виду опасности, грозившей существованію ихъ привилегій. Но за то масса рабочаго населенія пришла въ восторгъ при вступленіи въ законную силу эдикта о цехахъ. Рассказываютъ, что какъ только пришло изъ Версаля радостное извѣстіе, чрезвычайный восторгъ охватилъ парижанъ. Подмастерья толпами бросали мастерскія своихъ хозяевъ. Многіе, какъ угорѣлые, бѣжали по улицамъ, разглашая общую радость, другіе катались съ триумфомъ въ каретахъ съ крикомъ *vive Turgot*; между тѣмъ нѣкоторые, собравшись по ресторанамъ и увеселительнымъ заведеніямъ, веселымъ пиромъ прославляли совершившуюся эмансипацію и шумно провозглашали столь дорогое и пріятное для всѣхъ слово «la liberté» ¹⁹⁹).

Назначеніе Тюрго министромъ не произвело, за исключеніемъ Лиможа, ни малѣйшаго впечатлѣнія на массу. Личность его была извѣстна небольшому числу лицъ; теперь онъ сталъ однимъ изъ популярнѣйшихъ людей въ массѣ парижскаго населенія. Но именно то, что дѣлало его популярнымъ, что заставляло народъ любить его, можетъ быть, въ первый разъ относиться сочувственно къ министру, — это самое дѣлало его положеніе непрочнымъ, а съ нимъ и самое его дѣло.

Съ отставкою Тюрго не только остановились реформы; съ нею начинается реакція сдѣланному. Вѣдь онъ самъ палъ подъ ударами реакціонеровъ. Новый министръ финансовъ Клюньи (Clugny) былъ орудіемъ реакціи. Это было ничтожество, напоминавшее времена куртизановъ Людовика XV. Человѣкъ безпринципный, безъ всякихъ принциповъ, онъ превратилъ домъ

... в увеселительное мѣсто; рас-
... оплачивались государственной

... поставилъ его въ прямую отъ
... предоставивъ себѣ должность глав-
... финансового совѣта («Chef du con-
... Премьеромъ Мальзербъ назначенъ
... Амело, сынъ друга Морена. Про
... говорилъ: «on ne m'accusera pas
... la pour son esprit».

... министру финансовъ дали ясно понять, че-
... Во время принесенія имъ прися-
... членъ послѣдняго Николай (Nicolaï)
... оставилъ ему, какъ примѣръ, тѣхъ
... которые не имѣли иного честолюбія, какъ
... дѣлали добро безъ блеска, не стара-
... были идти и не наводи ужаса (alarme)
... (сравнително 201).

... хорошо понималъ, что отъ него хотѣли и
... мѣсяцъ того же 76 года изготовили
... цеховъ. Король тою же ру-
... этотъ эдиктъ, которою нѣтъ мѣсяцевъ
... подписывалъ проектъ Тюрго. Благо для
... предлогъ: во время засѣданія 12 марта
... что конечно измѣнитъ свои распоря-
... онитъ укажетъ ихъ неудовлетворитель-
... Парламентъ, понятно, безъ слова регист-
... новый эдиктъ.

... законъ ничѣмъ не мотивированъ. Мо-
... только его появленіе, такъ какъ оно не
... удивить публику.

... эти выражены глухо. Ссылаются на каран-
... составленія парламента и, какъ кажется, мемуа-

ры частныхъ лицъ. Въ чемъ заключалась сущность этихъ представленій и мемуаровъ, въ чемъ сказались гибельныя послѣдствія уничтоженія цеховъ, указанныя ими, — мы не знаемъ. Въ введеніи къ эдикту только излагается его содержаніе. Нечего приводить многихъ доказательствъ, что этимъ эдиктомъ исполнялись желанія Сегье. Портные и лоскутники соединены были въ одну корпорацию ²⁰²⁾, невинное занятіе цвѣточницъ ²⁰³⁾ оставленъ свободнымъ, самыя вопіющія злоупотребленія уничтожаются. О реакціонномъ характерѣ этого эдикта нечего говорить много: Хотя онъ и не восстанавливаетъ цеховъ въ ихъ прежнемъ видѣ, но принципъ, что ремесло есть привиллегія, восстанавливается. Въ IX § хотя и объявляется, что каждый можетъ занятіемъ нѣсколькими ремеслами, но далѣе объясняется, что для этого требуется: во 1) разрѣшеніе полиціи, 2) приобрѣтеніе степени мастера по каждому изъ избираемыхъ ремеселъ и 3) уплата установленной пошлины въ каждую изъ корпораций, къ которымъ относятся избираемыя ремесла. Пошлина эта была довольно велика, для сюрз отъ 600 до 1000 L., а для communauté отъ 200 до 800 L. Подобно прежнимъ мѣрамъ правительства относительно цеховъ, настоящий эдиктъ соединяетъ стремленіе ослабить монопольный характеръ цеховъ съ стремленіемъ сдѣлать право на поступленіе въ цехъ источникомъ государственнаго дохода.

Этимъ объясняется § XXVII настоящаго эдикта, присваивающій казнѣ $\frac{3}{4}$ доходовъ съ пріемныхъ пошлинъ.

По параграфу XI подмастерья ставятся въ довольно значительную зависимость отъ мастера: безъ свидѣтельства послѣдняго объ увольненіи (сообразно Lettres patentes 2 января 1749 года), они не могли быть принимаемы на службу другими мастерами. Это

свидѣтельство могло быть неодобрительнымъ по капризу мастера. Сроки учения и пребыванія въ званіи подмастерья возстановляются въ § XXXIX, который общаетъ подробное опредѣленіе ихъ особыми регламентами. Таковъ въ главныхъ чертахъ эдиктъ, возстановляющей цехи, всюду, за исключеніемъ шести городовъ съ ихъ округами: Бордо, Тулузы, Экса (Aix). Безансона, Ренна и Дижона, гдѣ старые цехи противостояли Тюрго, благодаря защитѣ парламентовъ, во всѣхъ другихъ городахъ Франціи введены были цехи новаго образца. Оставлены были въ покоѣ только деревни.

Каково-же было ближайшее слѣдствіе августовскаго закона для французскихъ промышленниковъ и каково его впечатлѣніе на публику?

Его благія начинанія уничтожить злоупотребленія уже потому не могли осуществиться, что сами цехи были однимъ громаднымъ злоупотребленіемъ. Соединеніе нѣсколькихъ ремеселъ оставалось фиктивнымъ, споры между цехами возникли вновь, и даже съ большей силою, ибо полное разграниченіе достигнуто не было. Если трудно было разграничить права портныхъ и старьевщиковъ, то несравненно было труднѣе положить границу между такъ называемыми старьевщиками бочующими и осѣдлыми. Послѣдніе были присоединены къ портнымъ, а первые остались отдѣльною корпораціею. Отсюда возникновеніе новыхъ процессовъ. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ понадобилось новое опредѣленіе правъ тѣхъ и другихъ. Положеніе подмастерій не улучшалось; они естественно были недовольны возвращеніемъ къ прежнему положенію гораздо болѣе, чѣмъ были недовольны имъ до его уничтоженія.

Новыя отношенія ихъ къ мастерамъ стали неопредѣленны и принудительны. Ремесленникъ не зналъ,

какъ смотрѣть на государство, какъ на своего покровителя, или притѣснителя. Это состояніе безпокойства и анархіи, въ которое поставили однимъ ударомъ весь низшій слой городского населенія, имѣло важныя послѣдствія съ тѣхъ поръ, какъ народъ сталъ выходить на политическое поприще ²⁰⁴).

Сами мастера были недовольны возстановленіемъ цеховъ. Ихъ заставляли теперь съизнова платить за тѣ дипломы, значеніе которыхъ такъ недавно было уничтожено и которое теперь возстановлялось снова. Вслѣдствіе этого, они съ крайнею неохотою платили новыя налоги, такъ что пужно было издавать эдиктъ за эдиктомъ, чтобы побуждать дѣлать эти взносы. Въ цехахъ образовалась цѣлая фракція людей, не заплатившихъ установленныхъ взносовъ, которые извѣстны были подъ именемъ *agregés* и не участвовали ни въ собраніяхъ, ни въ торжествахъ цеха ²⁰⁵). Нечего говорить, что либеральная партія была въ конецъ разочарована августовскимъ эдиктомъ.

Эдикту Тюрго о цехахъ придавали такое значеніе, что даже рассказывали, будто въ Англіи онъ, также какъ и другіе февральскіе эдикты, былъ переведенъ на англійскій языкъ и что въ большихъ городахъ устроены были банкеты, на которыхъ провозглашались тосты въ честь Людовика XVI и его министра ²⁰⁶).

Кондорсе думалъ, что до августовскаго эдикта можно было разсчитывать только на нѣкоторую временную задержку прогресса, что дальнѣйшее развитіе просвѣщенія все таки приведетъ къ желаннымъ результатамъ, хотя, конечно, нѣсколько медленнѣе. Но при видѣ возвратившихся прежнихъ народныхъ тягостей остается только безнадежно горевать ²⁰⁷). Обсуждая значеніе реформы Тюрго вмѣстѣ съ послѣдовавшею за нею реакціею, прежде всего слѣдуетъ имѣть

въ виду, что она касалась существенныхъ интересовъ городского сословія; кто не знаетъ того живаго участія, какое принимало городское сословіе во французской революціи, кто не помнитъ ту поддержку, которую оно оказало національному собранію въ первые моменты его жизни, зѣтомъ и осенью 89 г.

То или другое отношеніе къ государству этой массы имѣло весьма важное значеніе для силы послѣдняго. Поэтому то цеховая реформа имѣла, какъ мы сказали, важное политическое значеніе.

Но реформа не удалась. Она просуществовала только нѣсколько мѣсяцевъ. Въ нѣкоторыхъ, хотя немногихъ, частяхъ Франціи она проведена не была. Поэтому то устраненіе недовольства городского населенія, о которомъ говорилось выше, практически не состоялось. Все это безспорно вѣрно. Но обратимъ вниманіе на другую сторону вопроса.

Осуществленіе реформъ хотя на нѣсколько дней *ipso facto* доказывало массѣ городского населенія возможность устраненія старіаго порядка. Разъ цехи были отменены, они теряли характеръ неприкосновеннаго учрежденія. Все то въ промышленномъ классѣ, что радовалось ихъ отмене, вдвое болѣе стало недовольно ими послѣ ихъ возстановленія, вдвое энергичнѣе стало желать ихъ отмены. То, что возможно, желается сильнѣе. Такимъ образомъ выходитъ, что городское населеніе реформою и послѣдовавшей за нею реакціей сдѣлано было, такъ сказать, болѣе способнымъ къ революціи. Другая сторона дѣла имѣетъ не меньшее значеніе: вопросъ о цехахъ былъ вопросомъ принципиальнымъ. Въ немъ заинтересована была лучшая часть интеллигенціи, т. е. общественная сила. Эта часть была довольно значительна. Къ ней принадлежали не одни филократы. Вольтеръ къ послѣднимъ не принадлежалъ, но онъ энергично высказался въ пользу

гая опасности существованія всего зданія. Поэтому то практическое осуществленіе уничтоженія цеховъ (предположимъ, что оно состоялось) облегчало уничтоженіе другихъ привилегій, а въ послѣднемъ вѣдь и состояла существенная часть дѣла революціи. Особенную важность приобрѣтаетъ эта сторона вопроса потому, что въ самой дѣятельности Тюрго промышленная реформа была не первою, не стояла изолировано и что съ нею рядомъ шла другая, которая въ глазахъ современниковъ и съ точки зрѣнія научной занимаетъ не менѣе важное мѣсто. Я говорю объ уничтоженіи натуральных повинностей.

выхъ. Они все считали даровою постройку дорогъ посредствомъ натуральной повинности. Генеральные контролеры утверждали распоряженія интендантовъ: «По она (дорожная натуральная повинность) дѣйствительно была учреждена лишь въ 1737 году, когда генераль-контролеръ Орри разослалъ на этотъ счетъ инструкцію къ интендантамъ» ²⁰⁹).

Въ Remontrances Парижскаго парламента противъ эдикта Тюрго говорится, что согуеъ введена въ 1726 году ²¹⁰). Наконецъ въ позднѣйшей брошюрѣ, озаглавленной «Memoire sur les согуеъ» ²¹¹) обстоятельства введенія согуеъ рассказываются сходственно съ изложеніемъ Тюрго. Дорожная повинность, по мнѣнію автора брошюры, впервые введена была во времена регентства, въ Лотарингіи, во время Леопольда I герцога Лотарингскаго (1697 — 1729 г.), потомъ въ Эльзасѣ, затѣмъ въ Шампани и мало по малу въ другихъ областяхъ. Въ виду этого авторъ основательно замѣчаетъ, что уничтоженіе дорожной повинности не представляетъ затрудненій, съ формальной стороны, ибо существованіе ея не основывалось на положительномъ законѣ.

Изъ всѣхъ приводимыхъ свидѣтельствъ оказывается, что дорожная повинность была введена постановленіемъ и не на основаніи закона, а на основаніи престоной министерской инструкціи. Въ этомъ имѣтъ разногласія въ показаніяхъ ²¹²). Что касается времени частнаго введенія дорожной повинности, то можно принять показаніе Де-ла-Галезьера, а относительно общаго введенія и признанія ея центральною властью, — показаніе Тюрго, какъ болѣе точное.

И такъ, дорожная повинность введена была въ 1737 году и просуществовала 39 лѣтъ, какъ уже являлась попытка къ ея общему уничтоженію. И не да

лась раньше, пока не соберутся все въ отрядъ. «Какъ же можно начинать работу не вмѣстѣ». На этомъ основаніи ждутъ послѣдняго опоздаващаго. Достаточно, чтобы кто либо прѣхалъ и прошелъ, чтобы работа пріостановилась и работающіе начали глазѣть по сторонамъ. Находясь въ нѣсколькихъ лье отъ деревни, эти подневольные работники бѣли плаху; негдѣ было сготовить хорошую пищу; къ тому же это были бѣдняки. Они терпѣли все дурныя вліянія погоды. Рабочій скотъ оставался голоднымъ, ибо пастищныя не было, а купить сѣна не на что. Оттого на барщинѣ погибало скота довольно. Все эти тягости, притѣсненія и убытки приводили въ результатъ къ постройкѣ участка плохой дороги. Во что обходилась эта работа?

Все предыдущія свѣдѣнія мы нашли у Мирабо въ цитированной выше брошюрѣ. Тоже самое можно встрѣтить у другихъ современниковъ. Въ этой же брошюрѣ есть расчетъ стоимости барщиннаго труда. Обыкновенно въ Généralité, состоящемъ изъ 900 общинъ, по 500 душъ въ каждой, участвуетъ, говоритъ авторъ этой брошюры, въ отбываніи дорожной повинности $\frac{1}{10}$ часть жителей половины общинъ, т. е. 22.500 человекъ. Половина этого числа употребляется на поправку дорогъ, каковая работа продолжается 6 дней, а другая половина, на постройку новыхъ дорогъ, для чего положимъ 12 дней (авторъ беретъ меньшую норму продолжительности работъ. Отбываятъ тѣ и другіе рабочіе дни по 10 су каждый, получимъ сумму 101250 L (у автора поставлена круглая цифра въ 101000 L): рабочаго скота потребуется при этомъ по меньшей мѣрѣ 6750 паръ. Считаю, какъ и въ предыдущемъ, что половина будетъ работать 6 дней, а другая 12 дней, получимъ 60750 дней рабочихъ для скота. Отбывая ихъ по 40 су, получимъ сумму въ 121500 L. Складывая стоимость рабочихъ дней лю-

ему вопіющею несправедливостію. Ставъ министромъ, онъ еще въ концѣ 74 года обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ и въ особомъ мемуарѣ королю изобразилъ тяжесть для народа дорожной повинности. Доброе сердце Людовика XVI было тронута картиною народныхъ бѣдствій и онъ въ принципѣ согласился на уничтоженіе этой тяжелой повинности. Слухъ объ этомъ распространился даже въ провинціи. Наконецъ, черезъ годъ эдиктъ былъ готовъ и представленъ королю въ 1776 году. Разрабатывая свой эдиктъ, Тюрго совѣтовался съ своими друзьями, а также, какъ видно изъ его же мемуара, съ нѣкоторыми членами парламента. Нѣкоторые изъ замѣчаній онъ принялъ къ свѣдѣнію при составленіи проекта эдикта ²¹⁵). Мемуаръ написанный для короля долженъ былъ дать ему руководство къ вѣрному пониманію проекта.

Тюрго старается убѣдить короля въ необходимости установленія денежнаго сбора съ собственниковъ и во вторыхъ разсѣять нѣкоторыя опасенія на счетъ правильности употребленія новаго налога. Доказывая первое положеніе, онъ выставляетъ аргументъ, что пользуются дорогами почти только одни собственники, а потому справедливость требуетъ, чтобы налогъ взимался съ нихъ. Если противъ этого будутъ возставать, то главнымъ образомъ вслѣдствіе предразсудка, которымъ одержимы привилегированные относительно платежа налоговъ. Нежеланіе платить налогъ будетъ главнымъ мотивомъ большинства возраженій. И не мудро: тѣ, кто будетъ обсуждать эдиктъ, всѣ привилегированные, и мало между ними такихъ, которыхъ общественные интересы увлекаютъ больше личныхъ.

Обращаясь ко второму вопросу, Тюрго старается разъяснить, что опасенія на счетъ правильности употребленія налога неосновательны; но все таки пред-

длинное. Въ немъ заключается подробная мотивировка предполагаемыхъ мѣропріятій.

Сначала авторъ описываетъ тяжесть дорожной повинности. Принудительность труда, потеря дорогаго времени, отнимаемаго безъ вознагражденія отъ земледѣльческихъ занятій, потеря животныхъ, погибающихъ отъ непосильной работы, болѣзни между людьми, происходящія отъ отсутствія даже крова, такъ какъ работы идутъ на три или болѣе лье отъ дому, штрафы, всевозможныя наказанія, наконецъ тѣ тайныя притѣсненія, за которыми правительству нельзя усмотрѣть при всемъ его желаніи, — все это тяжелымъ бременемъ ложится на народъ при отбываніи дорожной повинности.

«Брать насильно время у земледѣльца, даже вознаграждая его за него, значить уже брать съ него налогъ; брать же это время безвозмездно, значить взять двойной налогъ. Этотъ налогъ становится уже совершенно несоразмѣрнымъ, когда онъ ложится на простаго поденщика, имѣющаго только свой трудъ и свои руки для существованія. Пользы отъ такого налога мало. Работа изъ подъ палки медленна и небрежна; рабочіе, согнанные случайно, не подготовлены къ работѣ; невозможность собирать ихъ во всякое время и поздно заставляетъ оставлять довольно долго дороги безъ починки.

Указывая затѣмъ выгоды замѣны этой повинности денежнымъ сборомъ, авторъ, между прочимъ, указываетъ, что правительству не нужно будетъ наказывать за преступленія, вызываемыя дорожной повинностью, и можно будетъ экономизировать употребленіе власти (*autorité*), расточать которую такъ вредно (*et d'économiser l'usage de l'autorité, qu'il est si fâcheux d'avoir à prodiguer*). «Но самый сильный мотивъ (замѣна), это несправедливость, присущая дорожной повинности.

которые имѣли формальное основаніе считать себя компетентными въ дѣлѣ управленія. Именно такія замѣчанія сдѣланы были хранителемъ печатей Мироме-нилемъ²¹⁷).

Чтобы предупредить подобныя возраженія, предисловіе эдикта разбираетъ мотивы введенія дорожной повинности. Думали, что дороги могутъ быть вновь построены быстрее посредствомъ дорожной повинности. Въ этомъ ошиблись. Нельзя брать слишкомъ много народу на долгій срокъ для отбыванія повинности.

Во вторыхъ мосты и другія сооруженія, требующія специалистовъ и денежныхъ расходовъ, не могли-бы поспѣвать за строящимся дорогами, если-бы послѣднія и могли сооружаться быстро. Боялись, что новый налогъ будетъ слишкомъ тяжелъ при массѣ другихъ, а потому нашли болѣе удобнымъ брать даровой трудъ въ сравнительно свободное время. При этомъ забыли, что, вводя натуральную повинность, налагаютъ двойную тяжесть, и затѣмъ, что никогда не слѣдуетъ требовать у тѣхъ, у кого ничего нѣтъ, кромѣ собственныхъ рукъ, ни денегъ, которыхъ у нихъ нѣтъ, — ни рукъ, которыя составляютъ единственный источникъ существованія ихъ самихъ и ихъ семействъ».

На основаніи всѣхъ указанныхъ мотивовъ, эдиктъ главнѣйшими параграфами повелѣваетъ:

I. Болѣе не будетъ требоваться отъ нашихъ подданныхъ никакаго дароваго и принудительнаго труда подъ именемъ согвѣе или подъ какимъ либо другимъ наименованіемъ, будь-то для постройки дорогъ или какихъ либо другихъ общественныхъ работъ». (Слѣдуетъ исключеніе военнаго времени, при чемъ все таки будетъ вознагражденіе за трудъ).

II. Виредъ постройка дорогъ будетъ производиться на счетъ особаго сбора, которому будутъ подлежать всѣ собственники, платящіе *vingtièmes*. Королевскіе

taillables et corveables à volonté tandis que les nobles au contraire naissent exempts de toute imposition).

Представителемъ и защитникомъ такихъ устарѣлыхъ понятій въ королевскомъ совѣтѣ явился хранитель печатей Миромениль, котораго въ тайнѣ поддерживалъ и Морена. Вѣроятно по совѣту послѣдняго проэктъ эдикта объ уничтоженіи дорожной повинности передавъ на просмотръ перваго.

Думается такъ во первыхъ потому, что Морена былъ менторомъ Людовика XVI, во вторыхъ потому, что ни прежде, ни въ это время проэкты Тюрго не отдавались никому на просмотръ. Миромениль сдѣлалъ цѣлый рядъ замѣчаній, изъ которыхъ очень мало серьезныхъ, а еще менѣе вѣрныхъ. Между ними встрѣчаются и такія, которыя, повидимому, направлены на возбужденіе въ королѣ сомнѣній въ достовѣрности фактической стороны проэкта. Таковы всѣ замѣчанія, въ которыхъ высказывается вопросъ: неужели Орри и Трюдегъ не замѣтили бы бѣдствій соединенныхъ съ дорожною повинностью. Вообще надо сказать, что въ замѣчаніяхъ Миромениля сказывается человѣкъ, гораздо болѣе враждебно настроенный, чѣмъ образованный и талантливый.

Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ замѣчаній хранитель печатей высказываетъ мысль, что дороги доставляютъ выгоду не однимъ землевладѣльцамъ и собственникамъ вообще, а также и другимъ классамъ, между прочимъ и крестьянамъ, которымъ легче ходить по хорошей дорогѣ. Между тѣмъ собственники несутъ довольно значительную часть податей, тогда какъ «люди, не имѣющіе ничего, кромѣ рукъ, почти не платятъ налоговъ». Злоупотребленія, происходящія при отбываніи повинности, могутъ быть смягчены хорошими чиновниками. Первое изъ указанныхъ примѣчаній безспорно вѣрно; но не убѣдительно для Тюрго. Такъ какъ по понятіямъ

но, наконецъ онъ указываетъ, что введеніе налога лишитъ ateliers de charité части ихъ средствъ. Авторъ думаетъ, видно, задѣтъ благотворительную струну Людовика XVI. На первый вопросъ Тюрго отвѣчалъ утвердительно. Второе замѣчаніе его видимо разсердило и вызвало на саркастическій отвѣтъ: «Неудобства никакого нѣтъ въ томъ, говорить онъ, что нельзя сдѣлать невозможное. Если нѣтъ волшебнаго жезла, то все сдѣлается со временемъ. Господниъ хранитель печатей вѣроятно думаетъ, будто я ставлю въ упрекъ системѣ натуральной повинности то, что при ней не могли выстроить всѣхъ дорогъ сразу. Между тѣмъ, все то, что я сказалъ, никакъ не можетъ быть такъ истолковано».

На третье замѣчаніе Тюрго отвѣчалъ, что «пожертвованія дворянъ на ateliers de charité такъ ничтожны, что въ предстоящей потерѣ можно утѣшиться. къ этому я прибавлю, что большинство жертвователей состоитъ изъ людей, стоящихъ выше тѣхъ интересовъ, которые побудятъ нѣкоторыхъ господъ изъ дворянъ возставать противъ налога, замѣняющаго дорожную повинность».

Въ слѣдующей группѣ замѣчаній, авторъ переходитъ по обсужденію новаго налога съ политической точки зрѣнія. Тутъ защищается принципъ привилегій, какъ основа государственнаго устройства Франціи. Говоря, что необходимо уважать привилегіи, хранитель печатей заявляетъ свой либерализмъ тѣмъ, что онъ не говоритъ «о тѣхъ (привилегіяхъ), которыя связаны съ извѣстными должностями и на которыя онъ охотно смотритъ, какъ на злоупотребленія, приобретаемыя за деньги, а не какъ на дѣйствительныя привилегіи; но я не могу, говорить онъ далѣе, «не высказать, что во Франціи привилегія дворянства должна быть уважаема и, я думаю, въ интересахъ

налоги не могутъ быть тронуты, благодаря существованію привиллегій. Это замѣчаніе Тюрго было вполнѣ оправдано послѣдующею исторією. Сохраненіе привиллегій во что бы то ни стало привело Францію къ банкротству, къ революціи.

Далѣе Тюрго дѣлаетъ историческій очеркъ привиллегій дворянства и доказываетъ, какъ они потеряли свое разумное основаніе уже со времени введенія въ войско элементовъ изъ третьяго сословія, а затѣмъ разъясняетъ свою политику въ дѣлѣ реформъ, заявляя, что «лучше работать медленно, но мѣрѣ того какъ общественное мнѣніе и ходъ событій дѣлаютъ измѣненія возможными». Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Дѳра и Фонсена, которые считаютъ это замѣчаніе Тюрго лучшимъ отвѣтомъ на обвиненіе въ томъ, что онъ не имѣлъ политическаго смысла. Намъ кажется даже, что приложеніе этого правила, которое дѣлаетъ Тюрго, грѣшитъ умѣренностью. Онъ соглашается оставить неприкосновенною привиллегію дворянства относительно Taille. Принимая въ расчетъ, что эта подать была важѣйшимъ прямымъ налогомъ, едва ли было разумно оставлять изъятымъ отъ нея громадные имущества дворянства и духовенства.

Безпокойство Миромениля за воинственность французской націи, а затѣмъ и за ея независимость не оставлено безъ успокоительнаго отвѣта. «Націи, у которыхъ дворянство платитъ подати, не менѣе воинственны, чѣмъ наша. Въ нашей націи крестьяне не трусы, а въ провинціяхъ, гдѣ существуетъ *taille réelle*, въ Лангедокѣ, Дофинѣ, Провансѣ и Гіени, хотя дворяне и платятъ *taille*, они не менѣе храбры, не менѣе привязаны къ королю и не менѣе высоко стоятъ надъ крестьянствомъ различными почетными отличіями. Наконецъ, послѣдній резонъ Миромениля, именно, что привиллегіи духовенства должны быть

ніями, и не въ одномъ вопросѣ о дорожномъ налогѣ. Увы, его на это не хватало. У него не было своихъ, определенныхъ взглядовъ. Его доброе сердце склонило его въ данномъ вопросѣ на сторону Тюрго, подсказало ему фразу... «Я вижу, что только я и господинъ Тюрго любимъ народъ»; но далѣе оно его вести не могло. Убѣжденія у него не было; достаточно прочитать отвѣтъ Тюрго Мироменплю, чтобы видѣть какими элементарными аргументами нужно было убѣждать короля въ ложности воззрѣній послѣдняго. Плохо дѣятелю, когда его нужно убѣждать въ вѣрности пути, имъ избраннаго!

Вслѣдъ за замѣчаніями Мироменпли послѣдовали представленія парламента. Содержаніе ихъ было согласовано съ замѣчаніями Мироменпли. Они также доказываютъ, что дорожная повинность не представляетъ тягости для бѣдныхъ, что налогъ будетъ истиннымъ бременемъ для послѣднихъ. Они также высказываютъ опасеніе за правильное употребленіе налога.

Но главный аргументъ представленій парламента опирается на государственное право Франціи, которое гласитъ, что «духовные служатъ обществу, удовлетворяя его потребности въ образованіи и отправляя богослуженіе; благородный жертвуетъ своею кровью на защиту государства и помогаетъ своими совѣтами государю; послѣдній классъ націи, который не можетъ оказывать такихъ важныхъ услугъ, сочитывается съ государствомъ податями, промышленностью и личною работою ²²⁰).

Если благородныхъ заставляютъ платить налогъ, замѣняющій согуе, продолжаютъ доказывать члены парламента, значить признають ихъ подлежащими натуральной повинности. а если такъ, то скоро призна-

справедливости взиманія налога со всѣхъ пользующихся дорогами и 3) о постройкѣ дорогъ при помощи войска.

Касаясь перваго вопроса, онъ говорилъ то-же, что говорится теперь довольно часто о дворянствѣ: «эта подать уничтожить дворянство, которое служить наиболѣе прочною опорою престолу, — а также и сословіе духовныхъ, — этихъ священныхъ служителей алтаря, — и смѣшаетъ ихъ съ остальнымъ народомъ; послѣдній можетъ жаловаться на дорожную повинность развѣ только потому, что каждый день долженъ ему приносить плодъ его труда для пропитанія его и дѣтей».

Разбирая второй вопросъ ораторъ разъясняетъ то-же, на что указывалъ и Мпромениль, именно, что блага хорошихъ дорогъ достаются не однимъ землевладѣльцамъ, но и купцамъ и т. д., а потому ораторъ заключаетъ, что справедливо взимать налогъ со всѣхъ, по мѣрѣ пользованія каждымъ дорогами. Но такъ какъ взиманіе подобнаго налога сопровождалось бы слишкомъ большими издержками, то Сегье оставляетъ эту мысль въ сторонѣ и предлагаетъ королю употребить на постройку дорогъ войско, представляя, что трудъ солдатъ обойдется гораздо дешевле, чѣмъ трудъ наемныхъ. Повидимому, ораторъ предполагалъ вознаграждать трудъ солдатъ, хотя по меньшей таксѣ, чѣмъ вольнонаемный трудъ ²²¹).

Вотъ и вся рѣчь Сегье противъ эдикта о дорожной повинности. Она очень бѣдна содержаніемъ, фактовъ въ ней нѣтъ, или почти нѣтъ, аргументація очень слабая. Ораторъ даже настолько умѣренъ, что онъ прямо не отрицаетъ существованія дорожной повинности. Сопоставляя эту рѣчь съ рѣчью его же о цехахъ

~~Они~~ согласились на регистрацію февральскаго эдикта²²³⁾ съ оговоркою. Допустимъ, что большее число, ~~какъ~~ одинъ согласилось на регистрацію, то и тогда въ самомъ свойству дѣла практика не успѣла бы вы-
явить неудобствъ новаго порядка. Такой быстрый по-
воротъ къ старому, послѣ такихъ торжественныхъ за-
явленій февральскаго эдикта, наносилъ смертельную
рану королевскому авторитету. «Я уничтожаю дорож-
ную повинность, какъ несправедливую», говорилъ онъ
въ февраль, а въ августъ все это забыто. Въ февра-
ль на представленіи парламента и его защитниковъ
вырывается фраза: «Я вижу, что только я и
люблю народъ», а въ августъ вводится на-
всегдашняя повинность во вниманіе къ представленіямъ
парламента.

Стало ясно, что король — марионетка, ко-
торую двигаютъ закулисные актеры. Это формальная
сторона дѣла. Фактическая сторона заключается въ
томъ, что правительство, поворачивая назадъ въ дѣлѣ
дорожной повинности, еще болѣе раздражало общест-
венное мнѣніе, чѣмъ въ дѣлѣ цеховъ. Прежде всего
оно было принципиальный. Должны ли платить
подати дворяне и духовенство, или они по рожденію
отъ нихъ свободны? Этотъ вопросъ былъ поставленъ
раньше въ дѣлѣ дорожной повинности. Онъ же былъ
центральною тяжестью публицистики XVIII вѣка. Не да-
вая Вольтеръ просить, какъ доказательства прилож-
енныхъ правъ привилегированныхъ, показать ему,
что дворяне родятся со шпорами на пяткахъ, а кре-
стьяне съ сѣдлами на спинахъ.

Во вторыхъ обременительность и невыгодность
дорожной повинности были довольно обстоятельно вы-
яснены. Повидимому, объ ней писали больше, чѣмъ о
цехахъ. И замѣчательно, что гораздо больше стали
писать и полемика стала оживленнѣе со времени по-

«Les inconvenients des droits féodaux». Въ февралѣ 76 года она стала общезвѣстною, вслѣдствіе начатаго противъ нея процесса. Въ этомъ сочиненіи дорожная повинность трактуется какъ частность, такъ какъ авторъ ставитъ вопросъ гораздо шире. Авторъ сначала дѣлаетъ очеркъ происхожденія феодальныхъ правъ и затѣмъ переходитъ къ вопросу объ устраненіи ихъ. Три рода свободы нарушаются феодальными правами: 1) свобода личности, 2) пользованія землею и 3) свобода дѣйствій.

Последній родъ свободы практикуется торговлею, о которой заботится министр, управляющій нами; первый родъ свободы уже осуществленъ уничтоженіемъ личной зависимости; осуществленіе втораго рода свободы встрѣчаетъ затрудненію къ принципѣ неотчуждаемости доменовъ. Но только законы природы неизмѣнны, принципъ же неотчуждаемости доменовъ созданъ обществомъ и можетъ быть измѣненъ, если того требуетъ общественная польза. Тогда только слѣдуетъ бояться сломать старое зданіе, когда печальнѣе его замѣнить. Но вотъ вопросъ, какъ отчудить домены? Столѣтнею арендою съ опредѣленною платою? Эта мѣра не внушаетъ довѣрія²²⁷). Памбо-лѣе удобнымъ способомъ освобожденія какъ феодальной, такъ и доменіальной земли автору кажется выкупъ: необязательный для теперешнихъ владѣльцевъ, но обязательный для ихъ преемниковъ по владѣнію. Выкупная сумма должна быть опредѣлена капитализаціей дохода по извѣстному проценту. Авторъ рассчитываетъ, что и сеньорамъ выкупъ окажется выгоднѣе настоящаго положенія, а вассалы все пожелаютъ выкупиться. Ко всему этому авторъ представляетъ перечень экономическихъ невыгодъ, приносимыхъ феодальными правами производительности земли феодаловъ. Брошюра написана очень умѣренно, и

все ея преступленіе заключается въ упомянутомъ требованіи выкупа феодалныхъ правъ.

Но книга явилась во время, чтобы надѣлать шуму и вызвать преслѣдованія. Уже парламентъ былъ раздраженъ полученнымъ для регистраціи эдиктомъ о дорожной повинности. Кромѣ того, 22 февраля вышло постановленіе государственнаго совѣта, запрещавшее сочиненія враждебныя февральскимъ эдиктамъ ²²⁹). Поэтому 23 февраля въ собраніи принцевъ и епископовъ много говорили объ этой книгѣ и порѣшили притянуть къ суду ея автора ²³⁰). Начался процессъ, во время котораго особенно горячо дѣйствовалъ принцъ Конти. Онъ побуждалъ членовъ парламента хорошенечко прижать книгопродавца и ругалъ послѣдняго публично мошенникомъ. Бонсервѣ открыто призналъ себя авторомъ книги. Парламентъ постановилъ сжечь книгу, а автора ея арестовать.

Этотъ приговоръ не былъ исполненъ. Тюрго защитилъ своего друга, взявъ его подъ покровительство короля, а парламенту данъ былъ приказъ прекратить всякое преслѣдованіе. Благодаря этимъ преслѣдованіямъ, книга стала знаменита: «Она выдержала нѣсколько изданій и была переведена на всѣ языки» ²³⁰). Защитникомъ феодалныхъ правъ въ упомянутомъ процессѣ былъ извѣстный Сегье. Эта защита не обошлась ему даромъ. Дѣло заинтересовало Вольтера и онъ выѣхалъ въ него. Познакомившись съ содержаніемъ обвинительной рѣчи Сегье, онъ выпустилъ въ свѣтъ письмо, обращенное къ этому адвокату и подписанное «Преподобнымъ отцемъ Поликарпомъ». (Reverend Père Policarpe). Письмо заключаетъ въ себѣ поздравленіе съ успѣхомъ рѣчи и выраженія сочувствія.

«Я читалъ, милостивый государь, ваше краснорѣчивое слово противъ этой мерзкой и отвратительной

брошюры «о неудобствахъ феодальныхъ правъ»; я трепеталъ за одно изъ самыхъ священныхъ изъ нашихъ сеньориальныхъ правъ, — особенно приличное монахамъ, за право имѣть рабовъ». Авторъ заявляетъ дальше, что онъ успокоился, прочитавъ рѣчь Сегье, успокоился и за другіе феодальные обычаи; которые нѣкоторыми называются глупыми и варварскими. «Вы не повѣрите, милостивый государь, сколько провинцій такъ думаютъ. Какой-то родъ нестовства, — пользуясь Вашимъ выраженіемъ, — обуялъ эти безнокойные умы, которые увлекаются съ самымъ крайнимъ излишествомъ (excess) любовью къ свободѣ; послѣдняя побуждаетъ ихъ полагать счастье въ опрокидываніи всякихъ законовъ и великихъ основъ. Безумные! Они думаютъ сдѣлать счастливыми жителей деревень, предлагая администраціи освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости»...

Далѣе, цитируя Сегье, онъ продолжаетъ: «Пора уже начать свирѣствовать противъ этихъ смѣлыхъ авторовъ, подобныхъ вулканамъ, которые заявляютъ о себѣ сначала подземнымъ гуломъ и землетрясеніемъ и кончаютъ быстрымъ взрывомъ, покрывая все окружающее огненнымъ потокомъ лавы, камней и пепла, вырывающимися изъ очага, заключеннаго въ недрахъ земли»... «Какое восхитительное мѣсто!» прибавляетъ Поликарпъ. Далѣе авторъ доказываетъ, что книга Бонсерва уже потому преступна и достойна сожженія рукой палача, что она устраняетъ процессы вассаловъ съ сеньорами.

«Весь міръ знаетъ», говоритъ Поликарпъ, «что эти процессы самые сложные, темные; но они доставляютъ судьямъ самые большіе доходы. Значительная часть споровъ вертится на феодальныхъ правахъ.

Уничтожьте эти права, вы уничтожите совершенно половину этих процессов... Предлагать уничтоженіе феодальныхъ правъ, значить, нападать въ частности на права собственности господъ членовъ парламента, изъ которыхъ большая часть владѣсть феодами. Эти господа, слѣдовательно, много заинтересованы въ томъ, чтобы покровительствовать, защищать и заставлять уважать феодальныя права. Это общее дѣло церкви, дворянства и судейскаго сословія. Эти три сословія, часто враждебныя другъ къ другу, должны соединиться противъ общаго врага. Церковь будетъ проклинать авторовъ, взявшихъ на себя защиту народа, парламента, отца народа, будетъ жечь на кострѣ и авторовъ, и ихъ сочиненія. Такими средствами эти писанія будутъ побѣдною опровергнуты».

Однимъ этимъ письмомъ Вольтеръ не удовольствовался. По поводу рѣчей Сегье въ *lit de justice* 12-го марта, онъ написалъ ему еще письмо отъ имени бенедиктинскаго монаха изъ Франшъ-Конте. «Вы заслужили, милостивый государь, титулъ отца отечества, ратуя противъ эдиктовъ, которые уничтожаютъ дорожную повинность и открываютъ свободу промышленности», писалъ бенедиктинецъ.

«Вы заслуживаете еще титулъ отца монаховъ за то, что изобличили предъ вашей компаніей попомстителей крѣпостничества (*servitude*). Вамъ одному дано было (свыше) доказать, что крестьяне французскіе не созданы для обладанія собственностью²³¹».

Нападенія на господъ членовъ парламента шли и съ другой стороны. Чтобы вывести на судъ просвѣщенныхъ людей обскурантизмъ возраженій парламента противъ эдиктовъ Тюрго, эти возраженія были изданы въ томъ же году (1776) въ Голландіи, безъ всякихъ комментарій.

на нее вышла брошюра «Réponse au memoire sur le corvées» (Londres 1785), требовавшая введенія помещикаго сбора вмѣсто подати. На эту брошюру отвѣчали новою «Lettre d'un propriétaire à l'auteur de la réponse au memoire sur les corvées, 1786), въ которой настаивали на необходимости введенія подати. Достойно вниманія то обстоятельство, что въ этомъ спорѣ не встрѣчаются защитники натуральной повинности. Невозможность дальнѣйшаго существованія ея стала очевидно ²³⁸).

Уничтожая натуральную повинность, Тюрго дѣйствовалъ во имя народной потребности, которой ни одинъ просвѣщенный человѣкъ не отрицалъ. Потребность эта была признана лучшими людьми, что видно изъ появившихся книгъ. Для нихъ яснѣе былъ и тотъ путь, которымъ слѣдуетъ идти, уничтожая эту народную тягость. Тюрго шелъ этимъ путемъ. Игдѣ, можетъ быть, не совпадали такъ хорошо интересы государственные съ требованіями справедливости. И послѣ того, какъ попытка Тюрго не удалась, общественное мнѣніе осталось на его сторонѣ и продолжало поддерживать его дѣло.

Большого практическаго значенія реформа Тюрго не имѣла. Она просуществовала слишкомъ недолго и успѣла осуществиться лишь въ немногихъ мѣстахъ. Но тамъ, гдѣ она осуществилась, пришлось вполнѣ при помощи жандармовъ тащить крестьянъ на исполненіе дорожной повинности.

Значеніе реформы Тюрго заключается не въ той практической пользѣ, которую она оказала народу въ данный моментъ. Ея значеніе заключается въ возбужденіи общественнаго интереса къ вопросамъ извѣстнаго рода. Этотъ вопросъ—уничтоженіе дорожной повинности,—былъ не великъ съ перваго взгляда; но онъ былъ связанъ съ нарушеніемъ стараго феодальнаго при-

цина; онъ знаменовалъ появленіе правительственной системы, совершенно новой по своему характеру.

Эдиктъ объ уничтоженіи дорожной повинности говорилъ языкомъ, чуждымъ установившейся рутинѣ. Не менѣе чужды послѣдней были и высказанныя мысли. Въ немъ правительство отказывалось отъ товарищества съ феодализмомъ, ссылаясь на естественное право и на справедливость. Кто не знаетъ, какъ цѣнились въ то время отвлеченные принципы! Какъ часто не много лѣтъ спустя жертвовали практическими интересами въ пользу принципа! Поэтому то эдиктъ Тюрго и произвелъ такое сильное впечатлѣніе.

Оно, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, сохранилось довольно долго и послужило къ усиленію общественнаго движенія, опрокинувшаго старый порядокъ. Таковымъ намъ представляется прямое вліяніе реформы Тюрго. Можетъ быть, помимо воли ея автора, она произвела и другое впечатлѣніе. Мы выше указали на то глубокое противорѣчіе съ самимъ собою, въ которое впало правительство, отмѣняя эдиктъ Тюрго. Это было грустное противорѣчіе.

Тюрго своею дѣятельностью поднялъ королевскую власть на такую нравственную высоту, на которой она удержаться была неспособна. Чѣмъ выше былъ подъемъ, тѣмъ рѣзче обнаруживалась неспособность королевской власти дѣйствовать твердо во имя народнаго блага. тѣмъ яснѣе становилась связь ея съ феодализмомъ, его эгоизмомъ и предразсудками. Такое разъясненіе равнозначительно уничтоженію всякаго довѣрія къ власти. Безъ того уже королевская власть была поколеблена. Вступленіе Людовика XVI вызвало несбыточныя надежды, а Тюрго волей неволей разбилъ ихъ въдребезги, вызвавъ короля на такую дорогу, съ которой послѣдній неминуемо долженъ былъ уклониться.

Отставка Тюрго.

Последнимъ актомъ дѣятельности Тюрго былъ докладъ, представленный королю по поводу пошлинь, взятыхъ въ Лионѣ съ шелка, шедшаго изъ Марсели въ Лионъ. Предлагая королю отмѣнить распоряженіе лионскихъ властей, Тюрго воспользовался случаемъ, чтобы высказать свои основныя взгляды на торговые отношенія, исходя изъ которыхъ онъ приходилъ къ данному рѣшенію. Взгляды эти не оставляли сомнѣній въ томъ, что запретительная система будетъ оставлена, и тотъ шагъ къ свободѣ торговли, который былъ сдѣланъ въ 1786 году, будетъ сдѣланъ теперь же.

Но Тюрго уже заканчивалъ свое поприще. Король нетерпѣливо слушалъ докладъ и по окончаніи сухо его спросилъ: «Все?» «Да, Государь». «Тѣмъ лучше», отвѣтилъ король и повернулъ ему спину. Черезъ нѣсколько дней Тюрго получилъ увольненіе.

Отставка этого министра всего черезъ двадцать мѣсяцевъ послѣ назначенія составляла бы весьма странное явленіе, если бы не извѣстна была подробно обстановка его дѣятельности.

Онъ не провинился въ томъ, въ чемъ иногда его упрекали, что онъ очертилъ голову, кинулся къ реформѣ, не обращая вниманія на практическія условія, не

снисходить къ людскимъ предразсудкамъ и историческимъ традиціямъ. Всѣ эти обвиненія, высказанныя его противниками, ни начеиъ не основаны и опровергаются сами собою послѣ внимательнаго изученія актовъ дѣятельности министра. Напротивъ, рѣдко встрѣчаются люди, одаренные сильною теоретическою мыслию, которые бы такъ внимательно относились къ частностямъ, какъ относился Тюрго. Какъ во время интендантства, такъ и во время министерства, онъ не однажды заявилъ себя человѣкомъ, склоннымъ снисходить къ человѣческимъ слабостямъ, не однажды онъ дѣлалъ уступки духовенству въ его привилегіяхъ, имѣя всѣ основанія не дѣлать ихъ.

Не провинился министръ и въ томъ, что онъ вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе. Впрочемъ, тутъ нужно оговориться. Кого считать представителемъ общественнаго мнѣнія: людей-ли, задѣтыхъ въ своихъ эгонистическихъ интересахъ тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, или же людей, заинтересованныхъ въ такомъ рѣшеніи идеино и высказывающихся съ точки зрѣнія своего общественнаго идеала? Въ то время представителей первой категоріи считали за выразителей общественнаго мнѣнія, они были сильны, они говорили свободно (если не совѣтъ свободно), тогда какъ представители второй группы не имѣли еще того значенія въ государственной жизни, какое получили нѣсколько позже. Но первые были сильны только по закону переживания, дни ихъ были сочтены, нравственной силы за ними не было. Слабость вторыхъ была только кажущаяся, нравственный авторитетъ ихъ былъ великъ и, какъ скоро и оказалось, общество было на ихъ сторонѣ. Не обвиняясь, поэтому, можно ихъ считать за представителей общественнаго мнѣнія, тогда какъ другихъ людьми, которыя преслѣдующей свои сословные и личные интересы. Пред-

ставители общественнаго мнѣнія въ нашемъ обществѣ были въ огромномъ большинствѣ за Тюрго. Въ главѣ о цехахъ и о натуральной повинности, мы упоминали о нѣкоторыхъ произведеніяхъ, выражавшихъ общественныя потребности и взгляды на вопросы, поднятые Тюрго. Въ главѣ о хлѣбной торговлѣ мы видѣли отношеніе къ Тюрго Вольтера по данному вопросу. Въ теченіе всей министерской дѣятельности Тюрго, Вольтеръ всегда высказывался за него. Въ письмахъ своихъ къ разнымъ лицамъ онъ неизмѣнно отзывается съ восторгомъ о его мѣропріятіяхъ, и единственное опасеніе, смущающее его радость, — это боязнь за недолговѣчность «золото — человѣка», за непрочность положенія «Рони — Кольбера» (такъ онъ называлъ Тюрго.) Онъ питалъ къ нему почти религіозное благоговѣніе и былъ ужасно радъ, получивъ отъ де-Вэна портретъ Тюрго. Онъ повѣсилъ его у изголовія своей постели, подписавъ снизу стихи Лагарпа.

Sest alents, son courage et sa raison profonde.
Sont digne de sa place et du choix de Louis.
Le pauvre et l'opprimé sont ses premiers amis.
Et le voeu de son coeur de faire au monde
Le bien, qu'il fait à son pays.

Въ концѣ 1775 г. онъ опубликовалъ стихотвореніе въ похвалу Тюрго подъ заглавіемъ «Le temps présent». Въ немъ онъ рассказываетъ, какъ, гуляя въ лѣсу онъ встрѣтилъ веселыя группы юношей и дѣвушекъ; онъ спрашиваетъ ихъ о причинѣ ихъ веселья, описываетъ имъ ихъ печальную, тяжелую жизнь и выражаетъ удивленіе, что они еще могутъ веселиться.

A peine eus-je parlé, mille voix éclatèrent
Jusqu'au bords étrangers les échos répétèrent :
Ce temps affreux n'est plus on a brisé nos fers,
Quel Hercule, leur dis-je, a fait ce grand ouvrage?

Quel Dieu vous a sauvés? On répond; c'est un sage.
Un sage! Ah, just ciel! A ce nom je frémis:
Un sage! Il est perdu, c'en est fait, mes amis.
Ne le voyez-vous pas, ces monstres scholastique,
Ces partisans grossiers des erreurs tyranniques
Ces superstitieux, qu'on vit dans tous les temps
Du vrai que les irrite ennemis si constants,
Rassemblant les poisons, dont leur troupe est pourvue?
Socrate est seul contre eux, et je crains la ciguë.
Dans mon profond chagrin je restais éperdu,
Je plaignais le génie et surtout la vertu.

Такое мрачное настроеніе разсѣвается и надежда на лучшее будущее воскресаетъ послѣ заявленія Аристона (Бондорсе).

Ne vois-tu pas, dit-il, que le siecle est changé?
Va, de vaines terreurs ne doivent pas t'abattre
Quand un Sully renaît, espere un Henri Quatre. ⁽²³⁹⁾

Опасеніе Вольтера характерное. Его зоркій глазъ видѣлъ опасность, окружавшую мудреца, стоявшаго почти одиноко среди придворныхъ пошляковъ и эгоистовъ. Надежда напрасна. Въмѣсто Генриха IV стоялъ безхарактерный и лѣнивый человѣкъ, которому уже начиналъ надоедать постоянный трудъ надъ проектами, и которымъ овладѣла веселая и пустая женщина.

Съ наступленіемъ опасности Вольтеръ не оставляетъ Тюрго. Въ началѣ Февраля 1776 года, въ то самое время, когда въ королевскомъ совѣтѣ обсуждались эдикты о натуральной повинности, молодой адвокатъ при парламентѣ д'Епремениль прочиталъ брошюру объ этомъ предметѣ, въ которой сильно нападалъ на экономистовъ, какъ на секту, стремящуюся опрокинуть древнѣйшія установленія и замѣнить ихъ своею системою. Онъ нападалъ и на министра, котораго онъ называлъ главою

секты; хотя не называлъ онъ его по имени, но не составляло ни для кого секрета, что онъ разумѣлъ Тюрго. ⁽²⁴⁰⁾ Когда въ концѣ того-же мѣсяца состоялось постановленіе Совѣта, запрещавшее сочиненія, враждебныя эдиктамъ (о цехахъ и о *corvée*), парламентъ съ своей стороны тоже начинаетъ дѣйствовать. На собраніи принцовъ было постановлено привлечь къ суду издателя упоминавшейся нами анонимной книги «*Les Inconvénients des droits féodaux*». Въ этомъ сочиненіи трактовалось о необходимости отмены сервитуды по имуществу, какъ когда то была уничтожена личная сервитуда. ⁽²⁴¹⁾ Факты для доказательства неудобства феодальныхъ правъ авторъ взялъ изъ процесса между крестьянами мѣстечка св. Кландин и монастыремъ. Принцы признали тенденцію автора враждебною праву собственности. Обвинительный актъ поддерживалъ адвокат Сегье, извѣстный противникъ эдиктовъ Тюрго.

Парламентъ осудилъ книгу, какъ оскорбительную для законовъ и обычаевъ Франціи, для священныхъ и неотчуждаемыхъ правъ короны и для права частной собственности и какъ стремящуюся поколебать основанія монархіи, поднимая вассаловъ противъ сеньоровъ, и даже противъ самаго короля, представляя вассаламъ феодальныя права рядомъ захватовъ, насилій и жестокостей столь же смѣшныхъ, сволъ и отвратительныхъ, и предлагая къ тому-же средства, способныя будто бы ихъ (феодальныя права) уничтожить, средства, столь-же противорѣчащія уваженію къ королю и его министрамъ, сколько вредныя для спокойствія королевства.

Вольтеръ отзывался на эту борьбу, завязавшуюся между министрами и приверженцами предразсудковъ. Онъ написалъ извѣстную уже намъ брошюру «*Lettre du Révérend Père Policarpe à M. Segier*», въ которой

жестоко и остроумно отбѣчалъ фразистаго адвоката старины. ⁽³⁴¹⁾

Въ письмѣ отъ 30 марта 1776 г. къ королю прусскому онъ опять говоритъ объ эдиктахъ Тюрго, восхваляя ихъ достоинства и кстати касается парламентскихъ демонстрацій, и доказываетъ, что послѣднія вовсе не составляютъ права парламента, а только обычай. ⁽³⁴²⁾ За Фернейскимъ патріархомъ слѣдуютъ другіи знаменитости того времени, которыя стояли на сторонѣ Тюрго. Д'Аламберъ высказываетъ свои симпатіи къ его дѣятельности въ перепискѣ съ Вольтеромъ. Къ непріятелямъ Тюрго онъ относился очень строго. Когда секретарь его оказался скомпрометированнымъ въ распространеніи брошюры «Lettre d'un profane», Д'Аламберъ немедленно уволилъ его отъ должности ⁽³⁴³⁾

Рядомъ съ Д'Аламберомъ стоитъ знаменитый Кондорсе, запечатлѣвшій своей смертью преданность свободѣ и своимъ идеямъ. Онъ не разъ выступалъ на защиту идей, положенныхъ въ основу дѣятельности Тюрго. Онъ написалъ брошюру подъ заглавіемъ «Lettre d'un laboureur de la Picardie», въ которой онъ не только возражаетъ Неккеру на его сочиненіе о хлѣбной торговлѣ, но нападаетъ на многія учрежденія, какъ бы побуждая Тюрго идти дальше по пути реформъ. ⁽³⁴⁴⁾

Кромѣ того по вопросу о натуральной повинности онъ тоже написалъ брошюру, имѣвшую успѣхъ и приписанную Вольтеру. ⁽³⁴⁵⁾ Наконецъ онъ впоследствии почтилъ память его прекрасной біографіей, изданной анонимно въ Бернѣ въ 1787 году.

Далѣе укажемъ на аббатовъ Морелле и Бодо, бросавшихся въ полемику каждый разъ, когда того требовали интересы дорогаго имъ дѣла реформы. Когда нѣкто Ленге выпустилъ памфлетъ противъ свободы хлѣбной торговли, Морелле не побѣдился собрать всѣ сочиненія горячаго адвоката (парламента), и отвѣ-

тилъ ему брошюрой, «La Theorie du paradoxe», въ которой подъ видомъ изложенія теоріи парадокса собралъ всѣ парадоксы, заключающіеся въ сочиненіяхъ Лейбъ. Если памфлетъ этого послѣдняго имѣлъ успѣхъ, то книжка Морелле имѣла еще большій. Первое изданіе разошлось на расхватъ, второе разошлось въ 2000 экземплярахъ. Замѣтивъ относительно большую свободу печати и пользуясь ею, Морелле позаботился доказать публикѣ выгоды ея. Въ сочиненіи «Réflexions sur l'avantage de la liberté d'écrire», онъ по всей вѣроятности выражалъ столько же мысли Тюрго, какъ и свои собственные, говоря: «Всѣ важныя государственныя операціи требуютъ для своего успѣха помощи общественнаго мнѣнія; но крайней мѣрѣ они не могутъ удался, если общественное мнѣніе противъ нихъ. Нѣтъ средства болѣе быстрого, чтобы направить общественное мнѣніе, какъ печать, въ особенности, когда хотятъ представить людямъ, только истину, и если не добиваются ничего иного, какъ ихъ счастья. Нѣтъ ни одного полезнаго проекта, который бы не встрѣтилъ безчисленныхъ препятствій, но свобода печати помогаетъ министру одолѣть ихъ ²⁴⁷).

Пользуясь тою же свободой и поощряемый надеждою на лучшія времена, аббатъ Бодо, горячій послѣдователь школы физиократовъ, возобновилъ свой журналъ «Ephemerides», въ которомъ онъ горячо отстаивалъ всѣ мѣры Тюрго. Горячность часто увлекала его за предѣлы благоразумія: напр., въ обвиненіи министра Сартина, какъ творца «Мучной войны»;—но она же, вмѣстѣ съ искренностью и талантливостью, доставляла успѣхъ журналу. Она же создала ему и могущественныхъ враговъ, добившихся ссылки его въ Овернь.

Мы упоминали уже о книгѣ Boncerf'a «Des inconvenients des droits feodaux», которая стала знаменита

вслѣдствіе начатыхъ противъ нея преслѣдованій. Скажемъ еще о памфлетѣ противъ аббата Террэ подъ заглавіемъ «Lettre de l'abbé Terray à M. Turgot», вышедшемъ въ началѣ 1775 года. Въ этомъ памфлетѣ, надѣлавшемъ довольно шуму, бывшаго министра заставляютъ приписывать себѣ тайную цѣль «возбудить позстаніе народа и довести, такимъ образомъ, Францію до того, чтобы она сама себѣ создала государственную форму, подъ господствомъ которой жители ея были бы менѣе несчастны». Приведенный въ отчаянію твердостью въ бѣдствіяхъ обывателей, Террэ видѣлъ еще только одно средство для достиженія своей цѣли: послать въ дома всѣхъ обывателей солдатъ со штыками потребовать отъ нихъ подъ опасеніемъ смерти, половины всѣхъ денегъ и, кромѣ того, 8 су съ ливра со всего имуществъ²⁴⁶).

Мы упоминали нѣкоторые стихотворенія, вызванныя дѣятельностью Тюрго. Приведемъ еще два. Первое появилось по поводу упоминавшагося выше разговора короля съ Морепа о благочестіи Тюрго.

Dialogue entre le Roi et M. de Maurepas :

Le Roi.

Mon controleur Turgot, dites-moi, quel homme est-ce?

Le comte de Maurepas.

Sire, il a l'esprit juste, et le cœur citoyen,
Il respecte les lois, les mœurs...

Le Roi.

Oui, c'est fort bien
Mais jamais il n'entend la messe

Le comte de Maurepas.

Sire, je n'en sais rien. On tient tant de discours !
L'abbé Terray, dit-on, l'entendait tous les jours.

Etait refractaire;
Du peuple pauvre et souffrant
Le père il se dit pourceant;
Le beau fichu père
Oh gué!

Le beau fichu père.
Qu'a son âge notre roi
Paraît déjà brave!
Il veut que chacun chez soi
Vive sans entrave,
Et que j'ayons tous bientôt
Lard et poule à mettre au pot
Et du vin en cave
Oh gué

Et du vin en cave!
Il ne tient qu'à nous demain
Avec franchise
D'aller vendre bière et vin
Tout à notre guise;
Chacun peut de son métier
Vivre aujourd'hui sans payer
Juré ni maîtrise
Oh gué!

Juré ni maîtrise!
Je suis tout émerveillé
De ceci compère:
C'est un double jubilé
Que nous allons faire:
Mais celui que notre roi
Nous donne vaut bien, ma foi,
Celui de Saint Père
Oh gué!

Celui de Saint Père ²⁵⁰).

Эта пѣсня могла служить лучшей наградой для
Тюрга за его труды на пользу народа. Но народъ ма-
ло зналъ его; а если бы и зналъ больше и надѣялся

бы полнымъ своимъ сочувствіемъ, то самъ не имѣлъ никакого политическаго значенія. Это была сила будущаго. Если мы видѣли, что общественное мнѣніе въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей было на сторонѣ Тюрго, если его отставка, слѣдовательно, не могла быть мотивирована недовольствомъ общества, то съ другой стороны мы должны помнить, что общественное мнѣніе не могло и поддержать его. Оно само не было силою, а, такъ сказать, только терпѣлось. Что за дѣло, что Вольтеръ пользовался всеевропейскимъ вліяніемъ: въ глазахъ администраціи онъ все-же былъ только вреднымъ человѣкомъ, котораго можно и посадить, въ случаѣ надобности. Его имя для тогдашней администраціи имѣло такое-же значеніе, какъ для Фамусова, съ тою развѣ разницею, что столпы тогдашняго времени любили его хорошіе стихи. О другихъ писателяхъ и ученыхъ и говорить нечего. Съ ними еще меньше могли церемониться, чѣмъ съ Вольтеромъ.

Какъ о народѣ, такъ и объ интеллигенціи можно сказать, что это была сила будущаго. Союзъ между ними былъ уже готовъ; но онъ еще не былъ объявленъ. Эти двѣ силы, соединившись, создали богатыря, пришедшаго обновить міръ; но этотъ богатырь еще сидѣлъ сидѣмъ и никто не замѣчалъ его силы, о его желаніяхъ никто не справлялся.

Для правительства гораздо больше имѣли значенія тѣ мнѣнія, которыя исходили отъ лицъ привилегированныхъ, занимавшихъ притомъ близкое положеніе ко двору. А такъ какъ не было никакихъ общественныхъ учреждений, черезъ посредство которыхъ могъ быть услышанъ голосъ общества, то король оказывался въ замкнутаго круга, изъ котораго ему не видно было настоящаго общества, и онъ невольно принималъ за него маленькую группу привилегированныхъ лицъ и голосъ ихъ слѣшивалъ съ голосомъ перваго.

Поэтому может быть играли гораздо болѣе важную роль въ судьбѣ Тюрго тѣ памфлеты и стихотворенія, которые выходили изъ круговъ, интересы которыхъ задѣвались реформами Тюрго, и которые боялись въ будущемъ бѣды неминуемой для своихъ якобы-правъ. Притомъ они конечно заботились о томъ, чтобы довести до свѣдѣнія, кого слѣдуетъ, свои произведенія. Первые мѣсяцы управленія Тюрго его популярность и въ высшихъ сферахъ была очень велика.

Послѣ Терра не могли не восхищаться новымъ министромъ, заявлявшимъ честное отношеніе къ дѣлу и не грозившимъ пока ничьимъ интересамъ. Неудовольствіе хлѣбныхъ монополистовъ раздѣлять было неудобно: слишкомъ сильно было еще негодованіе противъ нихъ, слишкомъ свѣжо было впечатлѣніе ихъ позорной дѣятельности. Неудовольствіе откупщиковъ не имѣло другаго практическаго основанія, кромѣ циркуляра, разъяснявшаго взгляды министра на отношенія ихъ къ казнѣ: его финансовая практика еще не успѣла повредить имъ. Словомъ, на первыхъ порахъ господствовало довольство.

Тюрго заставилъ на время забыть Шуазеля. Въ замкѣ Шантлу (Chanteloup), бывшемъ доселѣ мѣстомъ паломничества для оппозиціи и либераловъ, стало теперь тихо. Сами обитатели его, особенно г-жа Шуазель восхищались Тюрго и одобряли его дѣйствія. Официальныя газеты печатали стихотворенія въ честь его.

En l'honneur d'e l'Immaculée Conception de la Sainte-Vierge
Le retour de l'âge d'or
A M. Turgot, Controlleur général des finances.
Sonnet qui a été couronné à Caen,
Le 8 Décembre 1774.
De Sully, de Colbert toi qui cours la carrière,
Ton nom vole avec eux vers l'immortalité;

Sur la nuit des calculs tu répands la lumière,
Et rien ne se dérobe à ton activité
Limoges t'a donné le tendre nom de père ;
La France avec transport l'a déjà répété,
Va, portant dans les cours le flambeau qui t'éclaire,
Aux yeux des souverains offrir la vérité.
Des dons de ton génie enrichis nos provinces,
En couronnant les arts, fais-les aimer des princes :
Louis a par son choix honoré ta vertu.
Écrase sous tes pieds les serpents de l'envie,
Suis tes nobles projets... Ainsi, chaste Marie,
Le tyran des enfers par toi fut confondu ²⁵¹).

Попадались и сатирическія стихотворенія, но въ нихъ не было вражды, и они скорѣе отзывались веселой шуткой.

Le Grand ministre de la France
Doué d'esprit, d'intelligence
Et de raison,
En réformant notre finance
Répandra partout l'abondance
Chansons, chansons.
Turgot par son économie
Fera pleuvoir sur la patrie
L'or à foison ;
Il est assuré de son thème
Et nous vivrons par son systeme ;
Chansons, chansons.
Tout va prendre nouvelle forme :
On ne parle que de réforme,
De moeurs, de ton ;
Ce n'est plus le siècle des belles,
On va désertier les ruelles :
Chansons, chansons.
Du luxe on va faire défense,
Et l'on va borner la dépense
Nous promet-on ;

Partout où régnait la licence
Nous verons regner la décence:
Chansons, chansons.
Quand du Sénat de mince allure
On apprit la déconfiture,
Chacun dit: bon!
Les revenants vont, sans épice,
Noblement rendre la justice;
Chansons, chansons.
Vous qui languissez sans paraître
Et qui cherchez auprès du maître
Un bon patron,
Nommez seulement qui vous êtes
Et l'on va vous payer vos dettes:
Chansons, chansons.
Ma rente contre la foi publique
Par l'abbé Terray fut réduite,
Que fera-t-on
Turgot, qui halt la banqueroute
Me la rétablira sans doute
Chansons, chansons²³²).

Но уже съ декабря 74 г. настроеніе начинаетъ измѣняться. Духовенство недовольно разрѣшеніемъ мясной торговли великимъ постомъ и интригуетъ противъ Тюрго, нашептывая королю, что его министръ безбожникъ. Члены парламента не могутъ простить ему сего сопротивленія ихъ возвращенію. Наконецъ, эдикты за эдиктами, издающіеся по хлѣбной торговлѣ, дѣйствительно уничтожающіе почву монополіи, усиливаютъ недовольство монополистовъ и возбуждаютъ опасеніе людей съ предразсудками. Всевозможныя интриги, вызвавшія «мучную войну» разразились памфлетами противъ Тюрго и другихъ членовъ министерства.

Май мѣсяцъ 75 г. былъ особенно богатъ ими. Но возстаніе было подавлено, Тюрго усидѣлъ на мѣстѣ, и пока все затихаетъ. Но предъ отставкой Тюрго, пам-

Флетная война возобновляется. Всевозможныя эпиграммы, сатирическіе рассказы и другія произведенія то и дѣло появляются на свѣтъ Божій, и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ занимаютъ «большой свѣтъ». Начинаясь эта война съ конца 1775 года и тянется непрерывно до самой отставки Тюрго.

Походъ начался въ видѣ рекогносцировки нападеніемъ на лицъ близкихъ къ Тюрго. Въ сентябрѣ появилась брошюра подъ заглавіемъ: «*Seconde Lettre de M. l'abbé Terray á M. Turgot*»²⁵³).

Въ этой книжкѣ осыпали всевозможною бранью де-Вэна, ближайшаго сотрудника и друга Тюрго. Авторомъ ея былъ адвокатъ парламента Блонденъ, скрывшій однако свое имя. Тюрго вступился за своего друга. Онъ написалъ ему письмо съ выраженіемъ своего довѣрія и выхлопоталъ для него мѣсто «Королевскаго чтеца». Между тѣмъ полиція принялась розыскивать автора; но когда цѣль ея была достигнута, парламентъ освободилъ Блонделя изъ рукъ администраціи²⁵⁴).

Вслѣдъ затѣмъ появилась книжка подъ видомъ «Каталога новыхъ книгъ, паходящихся у аббата Рубо, несмѣняемаго секретаря Свободной Экономистской Ложи, состоящей подъ покровительствомъ г. Тюрго, почтеннаго великаго мастера». (*Catalogue des livres nouveaux, qui se trouvent chez l'abbé Roubaud, secrétaire perpétuel de la Franche Loge Economiste sous la protection de M. Turgot, le très vénérable grand-maitre*). Подъ именемъ аббата Рубо разумѣлся аббатъ Бодо. Этотъ пасквиль обвиняетъ Тюрго въ томъ, что онъ лицемеръ, другъ монополистовъ, макиавелистъ, делирикъ, интриганъ, что онъ подкапывается подъ основы монархіи, старается разрушить промышленность и торговлю, разорить весь народъ и т. д. Нечего и говорить, что въ этихъ обвиненіяхъ, какъ справедливо замѣтилъ авторъ

мемуаровъ Башомона «больше злости, чѣмъ остроумія»²⁵⁵).

Но главный потокъ пасквилей и памфлетовъ начинается вскорѣ послѣ изданія февральскихъ эдиктовъ. Мы знаемъ, что въ это время парламентъ открылъ нападеніе на министра процессомъ противъ книги Бонсерва «о неудобствѣ феодальныхъ правъ». Вскорѣ послѣ того является памфлетъ подъ заглавіемъ «Манекены», въ которомъ доказывается, что Франція управляется манекѣнами. Первый манекѣнъ — король; имъ управляетъ другой манекѣнъ — Морепа, этимъ послѣднимъ управляетъ жена, а ею управляетъ аббатъ Вери. Самъ аббатъ въ восхищеніи отъ Тюрго. Назначеніе послѣдняго министромъ объясняется такъ: когда король посовѣтовался объ этомъ вопросѣ съ Морепа, послѣднему приснилось чудовище Али-Бей (d'Ali-Bey) (система экономистовъ), прикинувшееся добродѣтельнымъ божествомъ, могущимъ сдѣлать государство счастливымъ. Морепа, проснувшись послѣ чудснаго сна, посовѣтовался съ женою, послѣдняя съ аббатомъ Вери, а этотъ указалъ на Тюрго²⁵⁶).

«Враги Тюрго, говорятъ мемуары Башомона, нѣсколько дней спустя (10 апрѣля) послѣ появленія «Манекѣновъ», не перестаютъ распространять на его счетъ злостные или смѣшные пасквили. Они уже нападаютъ и на него лично. Вышла пѣсенка, которая могла бы быть болѣе остроумною и, главное, болѣе правдивою, но которая очерчиваетъ довольно хорошо приближенныхъ министра и неудобства, могущія простечь изъ его системы. Герцогиня д'Анвилль, очень любящая экономическія науки, въ ней особенно обругана. Маркизь Кондорсе, абб. Морелле и абб. Бодо тоже фигурируютъ въ ней.... Духовенство, дворянство, судебное сословіе и денежная аристократія теперь

вполнѣ согласны между собою въ ненависти къ министру. ⁽²⁵⁷⁾

Вотъ отрывокъ упоминаемой пѣсни.

Inonder l'Etat de brigands,
Multiplier les mendiants,
De malheurs augmenter la somme,
Et soulever les paysans,
Sont les résultats effrayants
Du système de ce grand homme,
Dont les fous sont les partisans.
Riez, chantez, peuples de France
Vous recouvrez la liberté ;
Quand à votre propriété
Le prince en garde la finance,
Et de ce fortuné bienfait
Zéro sera le produit net. ²⁵⁸⁾

Черезъ нѣсколько дней (19 апр.) мемуары говорить: фрондеры двора и министерства, ободряемые безнаказанностью, выпустили новые куплеты «Les Etonnements des Chartreux», въ которыхъ осмѣяно все министерство. ⁽²⁵⁹⁾

28 Апрѣля новая пѣсенка «Prophétie Turgotine». Эта пѣсня пародируетъ ученіе экономистовъ и заканчивается такимъ несовсѣмъ почтительнымъ обращеніемъ къ королю :

A qui devons-nous le plus? ²⁶⁰⁾
C'est à notre maître
Qui, se croyant un abus
Ne voudra plus l'être.
Ah! qu'il faut aimer le bien,
Pour, de roi, n'être plus rien
J'enverrais tout paître, ô gué!
J'enverrais tout paître! ²⁶¹⁾

29 Апрелья мемуары опять говорят о появлении новаго пьескиля подъ названіемъ «Три Марин», который нападаетъ на трехъ женщинъ, виртуозокъ партій экономистовъ, которыя очень хороши съ Тюрго и у которыхъ онъ устраиваетъ собранія корифеевъ этой партіи. Эти дамы: герцогиня д'Анвиль, Г-жа Блондель и г-жа Марше. (Особенно нападаютъ на послѣднюю. ²⁶²)

2 Мая появляется новый куплетъ.

Que notre roi consulte Maurepas,
Qu'il soit son mentor ou son guide,
Qu'à tous ses conseils il préside,
Cela ne vous surprend pas.
Mai qu'à Turgot le mentor s'abandonne,
Qu'il laisse ce ministre fou
A tout l'Etat casser le cou,
Quand il peut lui river son clou
C'est là ce qui nous étonne ²⁶³).

Печатными и рукописными памфлетами не довольствовались; отпускали публично на счетъ Тюрго и устные эпиграмы, причемъ такимъ занятіемъ не гнушались и члены королевской фамиліи. Недавно, говоритъ продолжатель мемуаровъ Башомона, куницы выдумали новаго рода плоскія табакерки, которыя и прозваны Platitudes. Герцогиня Бурбонъ пріѣхала на дняхъ (²⁶⁴) въ отель Жабакъ (Jaback). Когда спросили Ея Высочество, что ей угодно, она потребовала Тюрготинокъ. Купецъ былъ удивленъ и не зналъ, что ей нужно. «Да, прибавила она, вотъ такихъ табакерокъ» и при этомъ указала на табакерки новой формы.

— Madame, ce sont des platitudes, a-t-il répliqué.

— «Oui, oui a riposté la princesse. c'est la même chose».

Эта названіе такъ и осталось за ними. и эта шутка занимаетъ въ настоящую минуту Парижъ. Всякій хо-

и отъ всевозможныхъ сисекуръ, существовавшихъ при этой отрасли промышленности.

Уничтоженіе монополіи омнибусовъ привлекаетъ въ лагерь недовольныхъ откупщиковъ этого дѣла. Но такъ какъ они поддерживали большія связи въ обществѣ, особенно въ высшихъ сферахъ, то число недовольныхъ финансоваго міра увеличилось значительно²⁶⁸). Наконецъ некусныя финансовыя мѣры Тюрго, сокращавшія въ значительной мѣрѣ заборы впередъ (anticipations) и дѣлавшія казну независимѣе отъ финансовыхъ тузовъ, его займы по низшему проценту, все это лишило выигрыша многихъ благодѣтелей, ссужавшихъ казну деньгами за ростовническіе проценты. Вотъ почему уже въ декабрѣ 75 года раздавались крики «общественныхъ кровопийцъ противъ генераль-контролера», лишившаго ихъ «бенефицій громадныхъ и разорительныхъ для монарха»²⁶⁹).

Наконецъ уничтоженіе кассы въ Пуассен и учрежденіе учетной кассы довершаетъ это недовольство. Первая мѣра лишила многихъ барыша въ 92%, вторая вела къ пониженію текущаго % вообще и еще болѣе освобождала финансы королевства отъ ростовщиковъ. Недовольство финансоваго міра имѣло большое значеніе для министра, такъ какъ между этимъ міромъ и придворными сферами существовали тѣсныя связи. За финансовымъ міромъ слѣдуетъ міръ судебный и, главнымъ образомъ, могущественный и вліятельный парижскій парламентъ. Когда въ ноябрѣ 74 года рѣшался вопросъ о возвращеніи парламентовъ, Тюрго навлекъ на себя неудовольствіе этого учрежденія. За парламентъ при дворѣ и въ обществѣ были: приверженцы Шуазеля и буржуазія, видѣвшая въ ремонстраціяхъ парламента нѣкоторое ограниченіе власти правительства. Противъ возвращенія парламента, по весьма понятной причинѣ, было духовенство, еще сильно под-

чиненное вліянію ексъ-іезуитовъ. Совершенно по инымъ основаніямъ всѣ, такъ называемые, философы были тоже противъ парламента. Въ немъ они видѣли защиту старыхъ порядковъ, всѣхъ ненавистныхъ привилегій и всѣхъ «злоупотребленій», наконецъ, въ немъ они видѣли гонителя свободной мысли и религіозной терпимости. Въ министерствѣ всѣ были противъ возстановленія парламента, за исключеніемъ Мпромешля и Морепа. Тюрго особенно энергично возставаъ противъ возстановленія его, сознавая, что въ этомъ учрежденіи онъ встрѣтитъ сопротивленіе всякимъ существеннымъ реформамъ. Морепа употреблялъ столь-же энергично свое вліяніе на короля въ пользу парламента. Дѣйствовалъ онъ такъ ради популярности при дворѣ и въ столичной публикѣ. Сторонники парламента восторжествовали, возвращеніе его было рѣшено. Принимъ это рѣшеніе, король чувствовалъ, что онъ создастъ противника Тюрго, а потому въ успокоеніе сказалъ ему: «не бойтесь, я васъ всегда поддержу».

Парламентъ зналъ своихъ противниковъ и не простилъ Тюрго оказаннаго послѣднимъ сопротивленія. Дальнѣйшія столкновенія обѣихъ сторонъ только ухудшили взаимныя отношенія. Парламентъ былъ очень раздраженъ, когда во время майскихъ волненій изъ его вѣдѣній были изъяты всѣ дѣла, относящіеся къ возстанію. Такъ какъ парламентъ оказывалъ сопротивленіе реформамъ и отказывалъ въ регистраціи нѣкоторыхъ эдиктовъ, то его принуждали къ тому силою «lit de justice». Нѣсколько разъ въ теченіи министерства Тюрго, парламентъ подвергался этой непріятной церемоніи. Отсюда еще большее раздраженіе. Парламентъ активно дѣйствовалъ противъ министра не только ремонстраціями и рѣчами (рѣчи Сегье) во время lit de justice. Онъ вчинялъ процессы противъ сочиненій, проникнутыхъ новымъ духомъ и, редижируя обвиненія, ясно

намекать на министра (напр. рѣчь д'Епремениля по поводу книги Вонсега). По поводу этого процесса служившаго пробною атакю противъ Тюрго, парламентъ вошелъ къ королю съ просьбою «положить конецъ крайностямъ экономистовъ» (*mettre un terme aux débordements économiques*). Онъ подъ рукою возбуждалъ къ демонстраціямъ и откупщиковъ кассы въ Пуассен, лишь бы ухудшить положеніе министра, хотя изъ февральскихъ эдиктовъ только эдиктъ о кассѣ въ Пуассен былъ зарегистрированъ парламентомъ свободно²⁷⁰). Наконецъ, имѣя общаго врага, парламентъ еще съ лѣта 1775 года вступилъ въ союзъ съ духовенствомъ. Два прежнихъ противника почувствовали общность своихъ интересовъ, угрожаемыхъ реформою.

Духовенство съ самаго начала было недовольно назначеніемъ Тюрго, такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу философовъ. Не смотря на то, что онъ во всѣхъ финансовыхъ вопросахъ старался щадить претензіи и предразсудки духовенства, онъ не могъ пріобрѣсти его расположенія. Волей неволей, въ силу своихъ принциповъ, онъ долженъ былъ принимать мѣры, которыя не нравились духовенству. Конечно здѣсь рѣчь идетъ не о личныхъ друзьяхъ Тюрго среди духовныхъ лицъ, которые только по одеждѣ были духовными, а также и не о тѣхъ либеральныхъ представителяхъ церкви, которые одобряли его реформы. Дѣло идетъ о большинствѣ высшихъ сановниковъ церкви.

Въ декабрь 1774 года неудовольствіе духовенства вызывается разрѣшеніемъ вольной продажи мяса великимъ постомъ. Уже въ началѣ 1775 года духовные, какъ мы знаемъ, беспокоили короля своими навітами на счетъ безбожья Тюрго. Во время мучной войны оно нашло поводъ къ неудовольствію въ томъ, что Тюрго обратился съ извѣстнымъ циркулярнымъ письмомъ къ епископамъ и чрезъ нихъ къ священникамъ. Въ этомъ

актъ многіе епископы увидѣли покушеніе подчинить церковь государству. Наконецъ попытка Тюрго перенести коронацію въ Парижъ и измѣнить текстъ королевской присяги произвели совершенный разрывъ. Во время церковнаго собранія, бывшаго въ іюль 1775 года съ цѣлью вотированія такъ называемаго «добровольнаго пожертвованія» (*don gratuit*), духовенство подняло жалобы противъ многихъ новостей. Оно жаловалось на то, что въ обществѣ ходятъ слухи о предстоящемъ улучшеніи участи протестантовъ и просило, чтобы правительство не давало повода къ появленію такихъ слуховъ своею снисходительностью къ схизматикамъ, особенно къ брачнымъ отношеніямъ между ними. Духовенство жаловалось на «*Diatribes*» Вольтера за то, что это сочиненіе подрываетъ должное уваженіе къ священнымъ книгамъ. На самомъ дѣлѣ оно только обвиняло нѣкоторыхъ священниковъ въ подстрекательствѣ во время мучной войны. Оно жаловалось на аббата Рейналя за то, что онъ написалъ философскую исторію обѣихъ Индій; по просьбѣ собранія, король приказалъ Рейналю оставить Францію. Но Тюрго успѣлъ уговорить короля не быть слишкомъ уступчивымъ на жалобы духовенства. Когда опять явилась депутация церковнаго собранія къ королю жаловаться на безнаказанность нагульных (*pernicieux*) книгъ, Людовикъ XVI принялъ ее довольно сухо: «Господа, сказали онъ въ отвѣтъ на жалобы депутатовъ, я всегда буду поддерживать религію моего королевства, но вы не должны во всемъ полагаться на власть; вашъ примѣръ есть дѣйствительная опора религіи, и ваше поведеніе, ваша нравственность и ваши добродѣтели составляютъ самое существенное оружіе для борьбы съ тьмою, кто осмѣливается нападать на нее²¹⁾». Церковное собраніе знало хорошо настоящаго автора королевскаго отвѣта, и недовольство его успѣлось. Для того, чтобы имѣть свѣт-

ское оружіе, оно приняло нѣкоторыя рѣшенія пріятныя парламенту, а послѣдній отвѣчалъ на эти авансы возбужденіемъ преслѣдованія противъ упомянутой «Diatrîbe» Вольтера. Генераль-адвокатъ Сегье въ своей обвинительной рѣчи провозгласилъ тѣсный союзъ между магистратурой и духовенствомъ⁷⁷²).

Такъ состоялся союзъ двухъ противниковъ противъ общаго врага. Надо отдать справедливость духовенству, оно не ошибалось, признавая въ Тюрго опаснаго врага. Такія понятія, какъ терпимость, свобода совѣсти и, наконецъ, полная секуляризація государства были слишкомъ опасны для духовенства исполненнаго феодализма, мракобѣсія и притязанія на подчиненіе себѣ свѣтской власти. Вражда къ Тюрго усилилась на столько, что даже невинная затѣя удобныхъ почтовыхъ каретъ вызвала, какъ мы знаемъ, обвиненіе, будто Тюрго стремится отвлечь пассажировъ отъ посѣщенія церковной службы.

Недовольство придворныхъ противъ Тюрго объясняется довольно просто рѣшительнымъ стремленіемъ къ сокращенію расходовъ. Въ письмѣ къ королю, въ которомъ онъ развивалъ свои основныя воззрѣнія на предстоящую дѣятельность, онъ совершенно ясно высказался по поводу щедрости короля къ своимъ приближеннымъ.

Въ разборѣ вопроса о *groupiers* и пенсіонерахъ откупщиковъ государственныхъ доходовъ онъ серьезно грозилъ интересамъ придворныхъ, выражая твердое намѣреніе устранить злоупотребленія. Въ бюджетѣ 1775 года сдѣланы были большія сокращенія въ военномъ министерствѣ, главнымъ образомъ на счетъ синексуръ, получаемыхъ придворнымъ дворянствомъ.

Въ концѣ 75 года придворные были поражены указомъ о строжайшемъ взысканіи недоимокъ (въ счетъ *capitation*) съ знатныхъ господъ. Недовольство ихъ въ

концѣ этого года было такъ сильно и выраженіе вражды противъ министра такъ рѣзко, какъ этого прежде никогда не было. Со всѣхъ сторонъ, говоритъ современная «Корреспонденція Метра», поднимаются тучи, предвѣщающія сильнѣйшую грозу. Негодованіе и злоба (*déchainement*) никогда не были такъ сильны при предыдущемъ министерствѣ. Они направлены, главнымъ образомъ, на гг. Тюрго и Мальзербъ, въ силу того, что, по слухамъ, эти два министра находятся наканунѣ начала реформъ въ расходахъ двора и думаютъ начать ихъ съ «grand commis», гдѣ хищеніе достигло огромныхъ размѣровъ. Водвореніе порядка, которое они думаютъ тамъ произвести, вызываетъ громкіе крики негодованія во всемъ городѣ (Версали) и во всемъ дворѣ. Мальзербъ уже не «усердный патриотъ», приносящій себя въ жертву общественному благу: это «энциклопедистъ», «человѣкъ системы», «невѣжда въ дѣлахъ», который все перевернетъ вверхъ дномъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, это ужасный переворотъ—водворить порядокъ въ этомъ хаосѣ. Что касается Тюрго, то это «упрямый человѣкъ, способный скорѣе погубить государство, чѣмъ отступить отъ своей идеи». Всѣ эти крики должны были бы сами замолкнуть, но, говорятъ, они поддерживаются могущественной фракціей²⁷³). Съ другой стороны, шведскій посланникъ, графъ Крейцъ, писалъ около того же времени, что Тюрго сдѣлался «мишенью нападеній самой страшной лиги, составленной изъ всѣхъ сановниковъ королевства (*grands du royaume*), всѣхъ парламентаровъ, всѣхъ финансовыхъ тузовъ, всѣхъ придворныхъ дамъ и всѣхъ ханжей». и прибавляетъ къ этому объясненіе, почему нѣкоторые придворные сопротивляются реформамъ Тюрго. «Ничего нѣтъ удивительнаго, пишетъ Крейцъ, что принцъ Конти съ такимъ жаромъ сопротивляется отмѣнѣ цеховъ: онъ теряетъ доходъ въ 50000 ливровъ отъ свободы Тампли²⁷⁴).

Наиболѣе сильныя придворныя партіи, существовавшія при дворѣ и группировавшіяся около королевы въ концѣ 75 года, состояли изъ сторонниковъ герцога Артуа и принцессы Ламбаль, и съ другой стороны изъ кружка герцога Полиньякъ и приверженцевъ Шуазеля. Послѣдніе въ первые мѣсяцы послѣ вступленія на престолъ Людовика XVI сумѣли побудить Марію-Антуанетту энергично хлопотать за опальнаго министра. Во время коронаціи короля даже ждали съ часу на часъ возвращенія Шуазеля къ кормилу правленія; но отвращеніе Людовика XVI къ протекже маркизы Помпадуръ было непобѣдимо, и всѣ хлопоты королевы въ его пользу разбились объ это отвращеніе. Съ тѣхъ поръ и Шуазелевцы при дворѣ стоятъ на второмъ планѣ, хотя и продолжаютъ пользоваться расположеніемъ королевы. Принцесса Ламбаль была любимицею королевы еще со времени выхода ея замужъ за Людовика XVI. Королева рѣшилась возстановить для герцогини Ламбаль должность министра двора королевы (*surintendante de la maison de la reine*). Она не желала удовольствоваться скромнымъ жалованьемъ и потребовала 150,000 ливровъ. Напрасно министры и самъ Австрійскій посланникъ графъ Мерси дѣйствовали противъ претензій Ламбаль: своими ласками, слезами она сумѣла убѣдить королеву сдѣлать по ея желанію ²⁷⁵).

Наиболѣе стойкое сопротивленіе притязаніямъ принцессы Ламбаль и желаніямъ королевы оказалъ Тюрго. Онъ не соглашался на учрежденіе «министра двора королевы», и на назначеніе требуемаго жалованія и тогда, когда его другъ Мальзербъ, министръ двора, сдался на просьбы королевы. Неудовольствіе Ламбаль и всей ея партіи съ герцогомъ Артуа включительно, а также и королевы обратилось на Тюрго. Другимъ при-

вало положеніе дѣла. Въ дѣлѣ принцессы Ламбаль онъ скоро уступилъ (Окт. 75 г.)

Въ моментъ назначенія Мальзербъ, Тюрго и всѣ друзья его были увѣрены однако, что дѣло реформы въ больномъ выигрышѣ отъ этого назначенія. И, конечно, они не ошибались. Вообще положеніе Тюрго въ министерствѣ лѣтомъ 1775 года было прочнѣе, чѣмъ когда либо. Но съ осенью положеніе дѣла измѣняется. Первый ударъ его положенію былъ нанесенъ смертью военнаго министра гр. Мюн. На мѣсто послѣдняго былъ назначенъ графъ Сенъ-Жерменъ. Это былъ, правда, сторонникъ реформъ, и всѣ считали его назначеніе дѣломъ рукъ Тюрго; но Сенъ-Жерменъ былъ человѣкъ опростоватливый, не серьезный и самолюбивый. Своими неосторожными мѣропріятіями онъ компрометировалъ всю партію реформы и Тюрго въ особенности. Послѣдній не могъ оказывать на него вліянія, такъ какъ они поссорились очень скоро послѣ назначенія Сенъ-Жермена. Причиной ссоры была расточительность военнаго министра. Онъ хотѣлъ возложить на Эльзасъ и Франшъ-Конте сумму въ 2 мил. на добавочное фуражное довольствіе войскъ по случаю дороговизны и «другіе расходы». Тюрго справедливо указалъ своему товарищу, что нельзя опредѣлять расходъ въ 2 милліона, возлагаемый на двѣ провинціи, такимъ заглавіемъ, какъ «другіе расходы», и основательно совѣтовалъ ему потребовать отъ своихъ подчиненныхъ болѣе подробной смѣты. Это указаніе стало причиной ихъ ссоры.

Въ теченіи 1775 года Тюрго лишился другой своей поддержки въ министерствѣ, а именно Морска. Этотъ пустой старикъ выдвинулъ Тюрго ради пріобрѣтенія популярности; но само собою разумѣется, что между этими людьми не могло быть солидарности. У одного на первомъ планѣ Я, у другаго общественная польза. Одинъ не видитъ надобности въ какихъ либо измѣ-

неніяхъ, въ мудреной постройкѣ, созидавшейся вѣками, другой предвидѣть опасность крушенія и торопится укрѣпить зданіе на новыхъ основаніяхъ. Эта противоположность воззрѣній была подмѣчена публичкой еще тогда, когда отношенія между Морена и Тюрго были хороши. «Корреспонденція Метра» передаетъ слѣдующій разговоръ между ними: Морена обратился къ Тюрго съ совѣтомъ: «Занимайтесь, государь мой, настоящимъ вашихъ финансовъ, старайтесь удовлетворить потребностямъ настоящаго и не рискуйте сломать голову, стараясь произвести существенныя измѣненія. Составители проектовъ, это такого рода люди, которыхъ министръ долженъ удалять отъ себя» Тюрго возразилъ на этотъ совѣтъ: «Графъ, если наша финансовая машина стоитъ на сгнившихъ основаніяхъ, крушеніе которыхъ предвидится въ близкомъ будущемъ, то мнѣ все таки представляется разумнымъ посоветоваться съ архитекторами, чтобъ составить планъ новаго зданія.²⁷⁷⁾». Морена однако поддерживалъ Тюрго, какъ человека, имъ же самымъ рекомендованнаго. Съ другой стороны не было никакого интереса не поддерживать его. Такъ продолжалось, пока Морена не замѣтилъ усилившагося вліянія королевѣ.

Сближеніе между нею и королемъ начинается съ 1775 г. вмѣстѣ съ тѣмъ начинается рядъ проявленій капризовъ, на исполненіи которыхъ она настаиваетъ съ упрямствомъ. Впервые она выказала свою силу въ дѣлѣ герц. Кариньяна, брата принцессы Ламбаль и двоюроднаго брата гр. Артуа.

Принцесса Ламбаль попросила ее помочь ему лично устроиться во Франціи. Объ этомъ давно хлопотала М. Артуа, но министры были противъ. Королева дала слово устроить это дѣло и, помню министровъ, добилась у короля назначенія молодому принцу пенсіи въ 30.000 швровъ и предоставленія ему коман-

дованія полкомъ. ²⁷⁸⁾ Другой случай еще лучше убѣдилъ Морена, что королева сильнѣе его во впливѣ на короля. Она добилаcь назначенія маршаломъ герц. Фицъ-Джемса и сдѣлала это помимо военнаго министра, помимо Совѣта, даже помимо короля, который долженъ былъ, уступая королевы, нарушить данное уже слово. ²⁷⁹⁾

Наконецъ, когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ королева добилаcь изгнанія ненавистнаго ей герц. d'Эгильона, то этотъ ударъ живо почувствовалъ самъ Морена, ибо d'Эгильонъ былъ племянникъ его жены. Онъ рѣшилъ сложить оружіе передъ королевой и заключилъ капитуляцію на условіи исполнять все ея желанія. Въ дѣлѣ назначенія принцессы Ламбаль «министромъ двора королевы» Морена постарался доказать свое усердіе Маріи Антуанеттѣ, настаивая на исполненіи ея желаній. Такъ какъ сама королева была нерасположена къ Тюрго, а ея приближенные прямо враждебны ему, то значеніе перехода Морена въ ихъ лагерь было весьма дурнымъ симптомомъ прочности положенія Тюрго. Вмѣстѣ съ Мореномъ былъ еще его родственникъ Миромениль, хранитель печатей.

Рѣшающимъ моментомъ въ судьбѣ Тюрго было отношеніе къ нему королевы. Съ начала его министерской дѣятельности, онъ старается сохранить съ нею добрыя отношенія, и королева не питала къ нему никакого нерасположенія. Въ октябрѣ 74 года Тюрго доказалъ свое желаніе угодить ей, устроивъ увеличеніе суммы, предназначенной на ея личные расходы (cassette) съ 96 т. ливровъ до 200.000 л., причѣмъ постарался исполнить желаніе королевы, дать приданое подругѣ дочери принцессы Ламбаль, г-жѣ Гебріанъ (Guébriant).

Но такая предупредительность министра далеко не была достаточна для сохраненія расположенія королевы.

Не говоря уже о томъ, что, обружающіе ее, близкіе ей люди настраивали ее враждебно противъ министра, ея канцеры встрѣчали сопротивленіе съ его стороны и возбуждали ея неудовольствіе.

Мы упоминали о дѣлѣ принцессы Ламбаль, въ которомъ Тюрго болѣе другихъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе королевы. Упомянуто было также и о дѣлѣ герц. Кариньяна. Но особенное неудовольствіе возбуждало сопротивленіе министровъ, и особенно Тюрго, желанію королевы оказать покровительство французскому послу при Лондонскомъ дворѣ, герцогу де-Гиню.

Послѣдняго обвинили въ томъ, что онъ провозилъ контрабанду въ видѣ посольскихъ отправокъ и игралъ на биржѣ ввѣренными ему деньгами. Онъ свалилъ все обвиненія на своего секретаря и, для своего оправданія, требовалъ разрѣшенія огласить нѣкоторые дипломатическіе документы. Королева настояла чрезъ короля на исполненіи требованія посла; но сопротивленіе министровъ ее разсердило. Тюрго былъ особенно настойчивъ въ своемъ сопротивленіи желанію королевы. Лѣтомъ 1775 г., когда были введены Тюрготины, неудовольствіе королевы было вновь возбуждено. Она желала дать Монморанси мѣсто завѣдывающаго почтами и дилижансами, но Тюрго взялъ эту обязанность на себя безъ всякаго прибавочнаго вознагражденія и тѣмъ лишилъ королеву возможности помочь на счетъ казны своему протеже. Помимо этихъ частныхъ столкновеній и инсинуаций окружающихъ, королева имала нерасположеніе къ министру, постоянно сдерживавшему своей нестерпимой экономіей ея расточительность. Выявиться въ его планы, оцѣнить его беззавѣтное служеніе обществу благу она не могла вслѣдствіе своего легкомыслія и страсти къ удовольствіямъ. Графъ Мерси въ своихъ раппортахъ Маріи Терезіи не разъ упоминалъ о томъ, что она не хочетъ вникать въ дѣла,

не слушаетъ никакихъ резоновъ и упрямо настаиваетъ на исполненіи своихъ мимолетныхъ желаній. ²⁸⁰⁾

Вліяніе королевы на Людовика XVI усиливалось все болѣе, и она не скрывала отъ него своего нерасположенія къ его министрамъ. Весною 1776 года, т. е. не задолго предъ отставкой Тюрго, въ публикѣ передавали слѣдующій разговоръ между ними. Королева вернулась изъ оперы. Король спросилъ, какъ ее встрѣтили, были ли восторженные крики? Такъ какъ молчаніе королевы на этотъ вопросъ было довольно краснорѣчиво, то король замѣтилъ: «C'est qu'apparemment, Madame, Vous n'aviez pas assez de plumes.» «Je voudrais Vous y voir, Sire, Vous avec votre Saint-Germain et votre Turgot, je crois que vous vous y seriez rudement hué,» отвѣтила съ живостью королева. Когда дѣло доходило до вспышекъ сильнаго раздраженія противъ министровъ, королева говорила языкомъ гораздо болѣе рѣзкимъ. Около этого же времени по поводу новаго дѣла того же посла герц. де-Гиня, королева прямо требовала изгнанія Тюрго (que le sieur Turgot fut chassé) изъ министерства и заключенія его въ Бастилію. Объ этомъ дѣлѣ мы скажемъ ниже, теперь же замѣтимъ кстати, что Тюрго хорошо понималъ значенія нерасположенія къ нему королевы, и хотѣлъ было тотчасъ подать въ отставку, но рѣшился остаться, чтобы предложить вниманію короля свои планы реорганизаціи финансовъ. ²⁸¹⁾

Переходя теперь къ развязкѣ, мы должны остановить на минуту наше вниманіе на положеніи короля среди всѣхъ интригъ и выяснить себѣ его настроеніе въ послѣдніе дни министерства Тюрго. Никакія интриги придворныхъ, ни даже нерасположеніе королевы не могли компрометировать положенія Тюрго до тѣхъ поръ, пока на его сторонѣ былъ король. Съ самаго начала вступленія его въ министерство и въ теченіе

всего 1775 года король оказывалъ ему искреннее до-
вѣріе и поддерживалъ его силою своего авторитета.
Но мы видѣли, что лѣтомъ 1775 года по поводу ко-
ронаціонной присяги, король поддался увѣщаніямъ про-
тивниковъ Тюрго и не согласился на серьезныя измѣ-
ненія формулы присяги. Но, однако, даже въ началѣ
1776 года онъ оказывалъ рѣшительную поддержку
своему министру въ дѣлѣ уничтоженія цеховъ и до-
рожной повинности. Судя по этой поддержкѣ, можно
было бы думать, что положеніе Тюрго вполне прочно;
но на самомъ дѣлѣ твердость Людовика XVI достигла
послѣдней степени напряженія. Король усталъ прав-
ственно въ постоянной борьбѣ противъ близкихъ ему
людей, стремившихся къ низверженію ненавистнаго
имъ министра. Враги послѣдняго постарались дискре-
дитировать въ глазахъ короля финансовыя способно-
сти Тюрго. При помощи одного придворнаго, маркиза
Пезе, Морена передалъ Неккеру цифры бюджета на
1777 годъ, составленнаго еще только вчера, съ
котораго ему удалось достать конію, благо-
даря его положенію при дворѣ. Пезе уговорилъ
Неккера сдѣлать критику этого бюджета и потомъ
втихомолку показалъ ее королю. Въ этой критикѣ до-
казывалось, что дефицитъ увѣковѣчивается, хотя въ
дѣйствительности это было далеко не такъ ²⁸²). Ин-
трига эта не имѣла ближайшихъ послѣдствій, но она не
могла не имѣть вліянія на довѣріе Людовика XVI къ
Тюрго. Затѣмъ слѣдуетъ дѣло Лакруа, одного изъ чи-
новниковъ министерства финансовъ, счумѣннаго вте-
реться въ довѣренность Тюрго. Дѣло этого чиновника
было эксплуатировано врагами Тюрго.

Нѣкая госпожа Лебро, содержательница театра въ
Лионѣ, была лишена своей привилегіи безъ всякой
основательной причины. Разслѣдуя дѣло, она узнала,
что Лакруа вошелъ въ сдѣлку съ лицами, пожела-

ности въ глазахъ короля, они пустились на составленіе подложныхъ писемъ. Морена и его друзья, говорить Дэръ, отправляли письма въ Вьну, а оттуда ихъ посылали въ Парижъ по адресу Тюрго. Они составлены были въ такомъ духѣ, какъ будто ихъ писалъ кто либо изъ друзей Тюрго. Въ Парижѣ на почтѣ ихъ вскрывали и содержаніе доводили до свѣдѣнія короля. Тѣ же люди, которые сочиняли письма, составляли и сдавали на почту и отвѣты на нихъ отъ имени Тюрго. Эти отвѣты на почтѣ перехватывались. Сначала онѣ были довольно безобиднаго содержанія, потомъ въ нихъ стали встрѣчаться сарказмы на счетъ королевсы, Морена и самого короля. Какъ письма, такъ и отвѣты были безъ подписи. Вся эта переписка была представлена Людовику XVI, а послѣдній показывалъ ее Морена. Старый питриганъ, конечно, не считалъ нужнымъ высказывать сильныхъ сомнѣній въ ея подлинности ²⁸³).

Этимъ письмамъ приписывали по справедливости важное значеніе въ дѣлѣ паденія Тюрго. Рядомъ съ этой питригой указывали еще на одно обстоятельство, послужившее ближайшимъ поводомъ паденія. Тюрго взялъ съ короля слово, что онъ не будетъ давать на счетъ казначейства никакихъ подарковъ. Между тѣмъ черезъ нѣсколько дней ему принесли королевскій ордеръ выдать 500.000 ливровъ одной высокой особѣ. Тюрго обратился къ королю за разъясненіями, и тотъ разрѣшилъ ему не платять, объяснивъ, что его застигли въ расплахъ съ просьбою о подаркѣ. Упоминаемою высокою особой была королева, которая предназначала просимую сумму для устройства приданнаго герцогу Люксембургу ²⁸⁴). Королева чрезвычайно была разсержена на Тюрго. Отставка послѣдняя послѣдовала черезъ три дня послѣ этого эпизода, и ее объясняли какъ результатъ мести королевы. Если бы

однако, можно было усумниться въ справедливости этого разсказа, никѣмъ не опровергнутаго, если бы на основаніи его только нельзя было бы рѣшиться возложить на Марию Антуанетту отвѣтственность за паденіе Тюрго, то на такой конецъ есть еще фактъ; участіе въ которомъ королевы подтверждается неопровержимыми документами. Фактъ этотъ, отставка встрѣчавшагося уже намъ графа де-Гинна, французскаго посла въ Лондонѣ. Его поведеніе на столько компрометировало французское правительство, а его дѣятельность, какъ посла, повергала въ такую опасность миръ между королевствами-сосѣдями, что министры рѣшили единодушно просить короля о его отозваніи. Выразителемъ этого желанія предъ лицомъ короля явился Тюрго, какъ человѣкъ менѣе другихъ безпонавѣсившійся о своемъ личномъ положеніи. Король согласился и подписалъ письмомъ на имя графа де-Верженна, въ которомъ послѣдній уполномочивался отозвать посла. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи совѣта, королева вышла изъ себя. Она потребовала отъ короля полного вознагражденія графа де-Гинна за постигшую его немилость и поклялась погубить Тюрго. Она добилась того, что король написалъ собственноручное письмо отозванному послу, въ которомъ, признавая вполнѣ его великія заслуги, жалуетъ ему титулъ герцога и осыпаетъ другими почестями и, въ заключеніи, разрѣшаетъ показывать настоящее письмо другимъ лицамъ. Участіе королевы въ дѣлѣ графа де-Гинна подтверждается съ двухъ сторонъ.

Шведскій посланникъ Крейцъ въ денсѣ отъ 12-го мая говоритъ: «Милость, оказанная королемъ графу де Гинну возведеніемъ его въ герцогское достоинство. — есть дѣло королевы. Эта принцесса вела себя въ этомъ дѣлѣ съ скрытностью и ловкостью выше своихъ лѣтъ» ²⁸²).

Графъ Мерси, подтверждая и подробнѣе разъясняя

роль королевы въ возведеніи графа де-Гинна въ герцога, говорить, что генераль-контролеръ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того рѣшился подать въ отставку, что узналъ о ненависти, питаемой къ нему королевой. Проектъ королевы, продолжаетъ графъ Мерси, заключался въ томъ, чтобы г. Тюрго былъ прогнанъ и даже отправленъ въ Бастилію въ тотъ самый день, когда графъ де-Гинъ будетъ провозглашенъ герцогомъ, и нужны были самыя настойчивыя и сильныя представленія, чтобы остановить проявленіе гнѣва королевы, гнѣва, не имѣющаго другаго мотива, какъ ходатайство объ отозваніи графа де-Гинна, которое Тюрго считъ своею обязанностью принять на себя. Такъ какъ этотъ генераль-контролеръ пользуется огромной репутаціей честнаго человѣка и притомъ любимъ народомъ, то очень не хорошо, что его отставка частью дѣло королевы.

Ея Величество желаетъ также уволить графа Вержена, тоже изъ за дѣла графа Гинна; и я еще не знаю насколько будетъ возможно отклонить королеву отъ ея намѣренія. Ваше Величество конечно удивитесь, что этотъ графъ де-Гинъ служить причиною такихъ большихъ событій, въ то время, какъ королева не питаетъ и не можетъ питать къ нему никакой личной симпатіи.

Но разгадка этой тайны кроется въ окружающихъ королеву, которые все соединились въ пользу графа де-Гинна. Ея Величество осаждаютъ; она хочетъ избавиться отъ этого. Задѣваютъ ея самолюбіе, раздражаютъ, чернятъ въ ея глазахъ людей, которые, ради дѣла (*bien de la chose*), могутъ сопротивляться ея желаніямъ; все это дѣлается во время прогулокъ, катаній или во время разговора на вечерахъ у принцессы Гемени (*Géménée*). Такими путями усеиваютъ постоянно держать королеву на столько виѣ себя, на столько

утомлять (épüver) ее удовольствіями, что, прибавивъ сюда крайнюю уступчивость короля, въ нныя минуты нѣтъ возможности заставить ее услышать голосъ разсудка.....

Мы (еще аббатъ Вермонъ) видѣли, что въ эти минуты сильнаго возбужденія королева истеричливо относилась къ нашимъ представленіямъ, что она старалась избѣжать ихъ. На прошедшей недѣлѣ въ теченіи которой исполнялись ея проекты, она старательно избѣгала разговора со мною наединѣ.....

Мы служимъ предметомъ вражды и ненависти всѣхъ окружающихъ королеву и стремящихся склонить ее къ своей пользѣ ²⁸⁶).

Королева въ своемъ письмѣ отъ 15 мая сама уведомляетъ свою мать объ отставкѣ Мальзерба и объ увольненіи Тюрго, и прибавляетъ къ этому: «Я признаюсь Вамъ, дорогая моя матушка, я не недовольна этими отставками, но я въ нихъ не выѣшивалась» ²⁸⁷). Это заблаговременное оправданіе приводитъ на память пословицу: «на ворѣ шапка горитъ». Марія Терезія знала хорошо, на сколько ее дочь «не выѣшивалась» въ дѣло, и, не сообщая ей всего того, что знала, сдѣлала ей весьма строгій выговоръ за ея поведеніе вообще, за ея пренебреженіе серьезнымъ чтеніемъ и пристрастіе ко всякимъ удовольствіямъ. Специально же по вопросу объ отставкѣ Мальзерба и Тюрго она писала ей: «Я очень довольна, что вы не принимали никакого участія въ перемѣнѣ двухъ министровъ, которые пользовались хорошей репутаціей въ обществѣ и которые, по моему мнѣнію, ошиблись только въ томъ, что предприняли слишкомъ много сразу. Вы говорите, что этихъ (отставкою) не недовольны; вы должны имѣть на это достаточныя основанія. Но публика съ нѣкотораго времени не отзывалась объ васъ съ прежнею похвалою и прямо принижываетъ вамъ мелкія ин-

триги (*petites menées*), которыя вовсе не приличны были бы вашему положенію»²⁵⁸).

Марія Антуанета задѣта была за живое намеками матери и старалась оправдаться. «Я не понимаю, писала она, что разумѣють подъ мелкими интригами, неприличными въ моемъ положеніи: я предоставила назначить министровъ, никоимъ образомъ не мѣшаясь въ это дѣло, я сказала съ полною откровенностью моей дорогой матушкѣ, что я была не довольна удаленіемъ другихъ, и это потому, что они возбуждали почти всеобщее недовольство. Наконецъ мое поведеніе и даже мои намѣренія хорошо извѣстны и очень далеки отъ подхлествъ (*petites menées*) и интригъ.... Я надѣюсь сверхъ всего, что общественное мнѣніе не такъ враждебно мнѣ, какъ это сказали моей дорогой матушкѣ»²⁵⁹).

И тутъ королева очевидно уклоняется отъ истины, характеризуя свое участіе въ удаленіи Тюрго, и очевидно, принимала за «всеобщее недовольство» раздраженіе близкихъ къ ней придворныхъ.

Живыя настоящія королевы сломали остатки и безъ того небольшой энергіи Людовика XVI, пороченныя выраженіями недовольства лицъ, его окружавшихъ и возбужденнымъ въ немъ подозрѣніемъ въ цѣлесообразности дѣйствій министра и, даже, пожалуй, въ его честности. Къ тому же, самъ Тюрго въ значительной степени содѣйствовалъ тому, что король сталъ тяготиться имъ. Онъ заставлялъ его слишкомъ много работать умственно. Этотъ человѣкъ, могшій проработать нѣсколько часовъ за слесарнымъ станкомъ, неутомимый по охотѣ, не любилъ и не способенъ былъ къ продолжительному умственному напряженію, а Тюрго, въ точности исполняя свое обѣщаніе, не давалъ ему поддѣлывать ни одного эдикта, не познакомилъ его съ теоретическими основаніями и практическими мотивами предполагаемой мѣры. И какъ часто эти разсужденія, сдѣланные впе-

деніями къ адиктамъ, были длинны и сложны, особенно въ послѣднее время, когда размѣръ предпринимаемыхъ реформъ того требовалъ? Чудрено ли, что бѣдный человѣкъ сталъ таготиться своимъ министромъ? Тѣмъ болѣе, что значеніе плановъ послѣдняго для короля было далеко неясно. Могъ-ли при такихъ условіяхъ Людовикъ XVI устоять противъ парламента, противъ духовенства, противъ придворныхъ, противъ министровъ, противъ Морепа, даже противъ молодой, любимой жены? Его ли слабому характеру было бороться съ такими противниками?

Развязка послѣдовала вѣдь за отставкой Мальзербъ. Послѣдній давно собирался уйти, и, наконецъ, сказалъ о своемъ намѣреніи Морепа. Это было 10 мая. Старый министръ сейчасъ-же понялъ значеніе этой отставки для Тюрго. Онъ зналъ, что реформа придворныхъ штатовъ составитъ существенную часть его программы, что онъ скорѣе уйдетъ, чѣмъ откажется отъ нея. Поэтому онъ рекомендовалъ королю на мѣсто Мальзербъ нѣкого Амело, одного изъ чиновниковъ министерства финансовъ (*intendant des finances*) своего родственника, чловѣка ему вполнѣ преданнаго и обладавшаго, по словамъ Кондорса, глупостью въ размѣрѣ болѣе, чѣмъ обыкновеннаго. Эта рекомендація была поддержана королевой, не смотря на настойчивые совѣты графа Мерси не дѣлать этого. Назначеніе Амело министромъ двора дѣлало невозможною какую бы то ни было реформу въ этой области. Тюрго понялъ это и тотчасъ же написалъ королю, просить его не назначать Амело, доказывать, что реформа дворцовыхъ штатовъ необходима и что Амело не сдѣлаетъ ее. Король вѣроятно не далъ никакого удовлетворительнаго отвѣта, такъ какъ 11 мая Тюрго рѣшился удалиться вмѣстѣ съ Мальзербомъ. Но онъ хотѣлъ повидаться въ послѣдній разъ съ королемъ, и отиравился къ нему. Короля

не было дома, онъ былъ на охотѣ Тюрго явился во второй разъ. Король переодѣвался (*était au debotté*), пришлось ждать до другаго дня.

На другой день Тюрго передумалъ. Чувство долга взяло верхъ надъ личнымъ самолюбіемъ. Онъ рѣшился остаться, чтобы, по крайней мѣрѣ, успѣть окончить и представить королю свой планъ реорганизациі финансовъ. Но Морена рѣшился предупредить всякое свиданіе Тюрго съ королемъ; въ тотъ же день, тотчасъ послѣ прощальной аудіенціи Мальзербъ у короля, «уверенный въ поддержкѣ королевы» онъ нанесъ рѣшительный ударъ. Министръ Бертенъ передалъ Тюрго приказъ короля оставить свою должность. ²⁹⁰)

Морена сыгралъ ни въ чью. Онъ рассчитывалъ цѣною Тюрго получить согласіе королевы на возвращеніе ко двору герцога д'Эгильона, и тѣмъ успокоить свою жену, оказывавшую поддержку Тюрго. Но это ему не удалось. Интриганъ по натурѣ, признававшій только холодный расчетъ, онъ не могъ измѣрить силу ненависти, которую питала королева къ д'Эгильону. Лицемѣря всю жизнь, онъ рѣшился написать Тюрго письмо съ выраженіемъ своего соболѣзнованія о случившемся. «Я спѣшу, милостивый государь, засвидѣтельствовать Вамъ то участіе, которое принимаетъ въ случившемся съ Вами г-жа Морена вмѣстѣ со мною. Имѣю честь быть и т. д.» Тюрго отвѣтилъ на это посланіе. «Я не сомнѣваюсь, милостивый государь, въ участіи, которое г-жа Морена и Вы приняли въ случившемся со мною. Но, кто служилъ своему повелителю вѣрно, кто поставилъ себѣ за правило не скрывать отъ него ни одной полезной истины и кто не можетъ упрекнуть себя ни въ слабости, ни въ уклоненіи отъ истины, ни въ скрытности, тотъ удаляется безъ стыда, безъ боязни и безъ угрызений совѣсти».

Имѣю честь быть съ тѣми чувствами, которыхъ Вы заслуживаете ²⁹¹⁾.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ отставки, Тюрго адресовалъ письмо королю въ отвѣтъ на предложеніе со стороны послѣдняго — пенсіи сверхъ министерскаго жалованія.

Отказываясь отъ прибавки, Тюрго писалъ: Вы знаете, Государь, мои взгляды на денежные вопросы. Ваше доброе расположеніе было мнѣ всегда дороже вашихъ благодѣяній. Я приму жалованье министра, такъ какъ безъ этого мой доходъ будетъ на треть меньше того, который я имѣлъ бы, оставаясь интендантомъ Лиможа. Мнѣ нѣтъ надобности быть болѣе богатымъ, и я не долженъ подавать примѣръ отягощенія государства. Я буду умолять Ваше Величество, обратить Ваши милости, предназначенныя для меня, на вознагражденіе нѣкоторыхъ лицъ, которые, пожертвовавъ своимъ благосостояніемъ, чтобы помогать мнѣ въ моихъ трудахъ, съ моею оставкою потеряютъ то, что я имъ доставилъ, и останутся безъ средствъ, если мнѣ не будетъ оказана милость Вашего Величества.... Что касается меня, Государь, то я долженъ жалѣть о потерѣ Вашего довѣрія и надежды, которую оно мнѣ давало, быть полезнымъ Государству. Поступокъ, который я совершилъ и который, кажется Вамъ не понравился, доказалъ Вамъ, что никакой другой мотивъ не удерживалъ меня на моемъ мѣстѣ, такъ какъ, вѣдь, я не могъ не знать какому риску я подвергаюсь, и я не подвергся бы ему, если бы оставилъ свое благоденствіе выше своего долга ²⁹²⁾. Вы видѣли также изъ моихъ писемъ ²⁹³⁾, что мнѣ польза было съ пользою служить на моемъ мѣстѣ, и, слѣдовательно, оставаться на немъ, если бы Вы меня оставили одного и безъ помощи. Ваше Величество знаетъ, что я былъ удерживаемъ

104

на своемъ посту только привязанностью къ Вашей особѣ. Я надѣялся, что Вы сообщите мнѣ Самѣ свои намѣренія.... Я исполнялъ, Государь, то, что считалъ своимъ долгомъ, излагая Вамъ свободно, безъ утайки и безъ исключеній, трудности положенія, въ которомъ я находился, а также и то, что я думалъ о Вашемъ положеніи. Если бы я этого не сдѣлалъ, я считалъ бы себя виновнымъ предъ Вами. Вы, конечно, разсудили иначе, такъ какъ лишили меня своего довѣрія, но, если бы я даже и ошибался, Вы не можете, Государь, не отдать справедливости чувству, которое мною руководило.

Все мое желаніе заключается въ томъ, чтобы Вы всегда могли думать, что я плохо видѣлъ и что я Вамъ указывалъ на опасности призрачныя. Я желаю, чтобы время не оправдало меня, и чтобы Ваше царствованіе было на столько счастливо, на столько спокойно для Васъ и для Вашего народа, на сколько это общають Ваши правила справедливости и доброты. Какъ послѣдней милости, Тюрго просить короля не выслушивать ни одного навѣта, не требуя отъ него оправданій, и общается давать послѣднія съ полной откровенностью и обетоятельностью ²⁹⁴).

Это письмо замѣчательно не только благородствомъ и твердостью тона, но и пророческой правдою. Тюрго, какъ и Вольтеръ предвидѣлъ опасности будущаго и старался предостеречь отъ нихъ, указывая въ тоже время средства избѣжать ихъ. Тихимъ, элегическимъ чувствомъ грусти проникнуто это послѣднее посланіе чловѣка, который стремился только къ благу. Ни ненависть, ни злоба, ни чувство оскорбленнаго самолюбія не слышатся въ немъ, а только грусть о потерянной возможности осуществить свои идеалы и творить добро.

пишетъ Вольтеру: «Я ничего не писалъ Вамъ, мой дорогой знаменитый учитель, со времени фатальнаго событія, которое отняло у всѣхъ честныхъ людей всякую надежду и всякую бодрость. Я подождалъ, чтобы мой гнѣвъ нѣсколько утихъ и осталась только одна грусть. Это событіе преобразило въ глазахъ моихъ всю природу. Я не могу съ прежнимъ удовольствіемъ смотрѣть на эти прекрасныя села, въ которыхъ онъ положилъ бы зародыши благоденствія. Видъ народныхъ увеселеній мнѣ сжимаетъ сердце. Они танцуютъ, какъ будто ничего не потеряли. Волки, отъ которыхъ Вы освободили Жексъ, бросятся на остальную Францію, и два года воздержанія довели до бѣшенства ихъ жажду народной крови.... Вотъ, какъ мы упали, мой дорогой и знаменитый учитель, и съ порядочной высоты. Прощайте, мы видѣли прекрасный сонъ, но онъ былъ очень коротокъ»,

Чувство Вольтера было въ высшей степени потрясено извѣстіемъ объ отставкѣ Тюрго. Его письма къ разнымъ лицамъ по поводу этого событія—это крикъ жгучей боли и отчаянія. «Боже мой, писалъ онъ де-Вену (de Vains), какую пагубную новость я узналъ! Франція была бы счастливою. Что будетъ съ нами? Намѣстѣ ли Вы? Можете ли Вы успокоить меня хоть словечкомъ? Могу ли я обратиться къ Вамъ съ просьбой передать эту записку? (Конечно къ Тюрго). Я уничтоженъ, я въ отчаяніи! Нѣсколько дней спустя онъ пишетъ Лагарпу: «Мой дорогой другъ, только ваше избраніе въ академію нѣсколько утѣшило меня въ потерѣ, которую понесли всѣ истинные философы и добрые граждане. Если вы увидите де-Вена, передайте ему, прошу Васъ, какъ я интересуюсь его судьбою и какъ я огорченъ. Что говоритъ д'Аламберъ? Кондорсе? Цѣлую васъ крѣпко и, кажется, не надолго, такъ какъ мнѣ ужъ становится не въ силу».

Мнѣ кажется, что я умру: *Supremum quod te aloquor hoc est*». Немного позже онъ пишетъ д'Аржанталю: «Мой дорогой ангелъ! Глубоко чувствую вашу доброту, что вы написали мнѣ въ такихъ грустныхъ обстоятельствахъ, въ бѣдѣхъ я нахожусь. Я никогда вполнѣ не утѣшусь, но ваша дружба дѣлаетъ мое горе болѣе сноснымъ ²⁹⁸)

Наконецъ, въ письмѣ отъ 5 августа къ д'Аржанталю—то же чувство, ни сколько не ослабѣвшее. «Вы воображаете, что я не умеръ, такъ какъ я пишу Вамъ; на самомъ же дѣлѣ я мертвъ съ тѣхъ поръ, какъ у меня отняли Тюрго».

«Вольтера часто обвиняли, говорятъ продолжатель мемуаровъ Баномона, «въ томъ, что онъ идетъ туда, куда вѣтеръ дуетъ, и забываетъ скоро своихъ благодѣтелей, впадшихъ въ немилость. Теперь онъ захотѣлъ доказать противное, или, по крайней мѣрѣ, исправиться: Онъ посвятилъ Тюрго посланіе, о которомъ говорятъ съ большою похвалою ²⁹⁹). Это посланіе, озаглавленное «Посланіе человѣку» (*Epitre à un homme*), дѣйствительно довольно сильно и поэтично обрисовываетъ главную черту характера Тюрго и его дѣятельности: безкорыстіе въ совершеніи добра» ³⁰⁰).

Philosophe indulgent, ministre citoyen,
Qui ne cherchas le vrai que pour faire le bien,
Qui d'un peuple léger, et trop ingrat peut-être,
Préparais le bonheur et celui de son maître,
Ce qu'on nomme disgrâce a payé tes bienfaits.
Le vrai prix du travail n'est que de vivre en paix.
Ainsi que Lamoignon, délivré des orages,
A toi-même rendu, tu n'instruis que les sages;
Tu n'as plus à répondre aux discours de Paris.
Je croi voir à la fois Athènes et Sibaris
Transportés dans les murs embellis par la Seine:
Un peuple aimable et vain, que son plaisir entraîne,

Impétueux, léger, et surtout inconstant,
Qui vole au moindre bruit, et qui tourne à tout vent,
Y juge les guerriers, les ministres, les princes,
Rit des calamités dont pleurent les provinces,
Clabaude le matin contre un édit du roi,
Le soir s'en va siffler quelque moderne, ou moi;
Et regrette à souper, dans ses turlupinades,
Les divertissements du jour des barricades.
Voilà donc ce Paris! Voilà ses connaisseurs
Dont on veut captiver les suffrages trompeurs!
Hélas! au bord de l'Inde autrefois Alexandre
Disait sur les débris de cent villes en cendre:
Ah! qu'il m'en a coûté quand j'étais si jaloux,
Raillours Athéniens, d'être loué par vous!
Ton esprit, je le sais, ta profonde sagesse,
Ta mâle probité n'a point cette faiblesse.
A d'éternels travaux tu t'étais dévoué
Pour servir ton pays, non pour être loué.
Caton, dans tous les temps gardant son caractère,
Mourut pour les Romains sans prétendre à leur plaire.
La sublime vertu n'a point de vanité.
C'est dans l'art dangereux par Phébus inventé,
Dans le grand art des vers et dans celui d'Orphée,
Que du désir de plaire une Muse échauffée
Du vent de la louange excite son ardeur.
Le plus plat écrivain croit plaire à son lecteur.
L'amour propre a dicté sermons et comédies.
L'éloquent Montazet, gourmandant les impies,
N'a point été fâché d'être applaudi par eux:
Nul mortel en un mot ne veut être ennuyeux.
Mais où sont les héros dignes de la mémoire,
Qui sachent mériter et mépriser la gloire? ³⁰¹).

И гораздо позже Вольтеръ сохранилъ чувство благоговѣйнаго уваженія къ Тюрго. Встрѣтившись съ нимъ во время своего знаменитаго пребыванія въ Парижѣ въ 1778 году, онъ воскликнулъ, стараясь схва-

тить его руку: «Дайте, дайте мнѣ поцѣловать ту руку, которая сдѣлала столько добра народу».

Весь Парижъ читалъ и другіе стихи, хотя и сомнительнаго достоинства, но проникнутые чувствомъ злобы на противниковъ реформы:

Deux gens de bien habitaient à Versailles;
Deux à la cour! c'était grande trouvaille;
Aussi chacun était émerveillé.
Mais tout fripon craint d'être surveillé.
Des Parlements la vénale canaille,
Des financiers la ville valetaille,
D'Ogny, Sivrae et l'indigne prétraille
Ont si bien fait, que l'on a renvoyé
Deux gens de bien.

Sots et fripons: ça, faites bien ripaille;
Pour vous exprés tout y sera trié,
Ministres, ducs, tout est appareillé,
Et grâce à vous il n'est plus à Versailles
Deux gens de bien ^{«02»}).

Руше (Roucher) въ своемъ изданіи «Мѣсяцы» (Mois) воздалъ дань уваженія Тюрго въ трогательномъ стихотвореніи. Воспѣвъ земледѣльческій трудъ и выставивъ на видъ, что земледѣліе есть главная сила и богатство государства, онъ обращается къ Тюрго въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Tu le savais aussi, toi qui nous a fait voir
L'ame d'un citoyen au séjour des esclaves;
Turgot, sage Turgot! De cruelles entraves
Enchaînaient dans leur course et Bacchus et Cérès.
Quelle main osera les venger? Tu parais,
Et soudain je les vois, pour enrichir le prince,
Librement circuler de province en province:
Le commerce renaît, prend un vol plus hardi,
Et les moissons du Nord nourrissent le Midi.

Ministre, de qui Rome eût adoré l'image,
Au nom du laboureur, je viens te rendre hommage.
Ton éloges en ce jour me doit être permis.
Quand la faveur de rois te faisait des amis,
Je me suis tu; mon vers suspect de flatterie,
Eût été vainement l'écho de la patrie...
Mais lorsque tu n'as plus d'autre éclat que le tien,
Lorsque de ton pouvoir mon sort n'attend plus rien,
Je puis, libre de crainte ainsi que d'espérance,
Bénir mon bienfaiteur et ami de la France ¹⁸⁰³).

Всѣ эти выраженія высокаго уваженія къ павшему министру, проявленія грусти, вызванной его падениемъ, и проблески негодованія на торжество его противниковъ имѣютъ особенную цѣну, потому что они высказывались противъ воли побѣдителей и не смотря на запрещенія, исходившія отъ правительства. Важность этихъ чувствъ вытекаетъ еще изъ того, что они волновали людей будущаго, людей, идеи которыхъ одни могли вывести общество изъ феодальнаго порядка на широкую дорогу свободнаго развитія общественности.

Заключеніе.

Въ дѣятельности Тюрго нельзя не видѣть опредѣленной программы, проводившейся весьма послѣдовательно и твердо. Онъ былъ по характеру своему, по своимъ воззрѣніямъ, и по своимъ дѣйствіямъ чловѣкомъ цѣльнымъ по преимуществу. Разъ вы съ нимъ познакомились, вы можете напередъ сказать, что въ такомъ-то и такомъ-то случаѣ онъ поступитъ такъ-то и такъ-то. И это тѣмъ легче сдѣлать, что его міровоззрѣніе отличалось точною опредѣленностью и высказалось съ достаточною полнотою въ его сочиненіяхъ, считая въ томъ числѣ и оффиціальныя акты.

Въ основѣ всего лежитъ идея справедливости; каждое мѣропріятіе, каждая мысль въ ея общественномъ значеніи оцѣнивалась Тюрго въ концѣ концовъ съ точки зрѣнія справедливости. Исходя отсюда, онъ осуждалъ сословныя привилегіи и требовалъ равенства предъ государствомъ; идея справедливости выдвигалась имъ на первый планъ, когда онъ требуетъ освобожденія промышленнаго класса отъ путъ цеховъ; та же идея руководила имъ, когда онъ уничтожалъ тѣ или другіе тормазы хлѣбной торговли; во имя справедливости-же, наконецъ, онъ требовалъ отъ короля экономіи въ дворцовыхъ расходахъ и сокращенія милостей, расточаемыхъ близкимъ къ нему лицамъ.

Уничтожая, однако, тѣ или нныя установленія, онъ никогда не терялъ изъ виду убытковъ лицъ, могущихъ произойти отъ упраздненія привилегій послѣднихъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда привилегированные лишались доходовъ на капиталы, затраченные въ виду разсчета на продолженіе существованія привилегій, Тюрго находилъ справедливымъ вознаграждать потерпѣвшихъ лицъ. Водворить идею справедливости въ государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ,—это была попытка весьма серьезная въ то время. Да и только ли въ то время?

Какъ же, однако, должна была осуществиться эта справедливость? При помощи свободы. Мы видѣли его мѣропріятія по отношенію къ хлѣбной торговлѣ. Мы знаемъ его воззрѣнія на промышленность, на торговлю и его мѣропріятія въ этихъ областяхъ. Онъ началъ проводить тутъ теорію невмѣшательства государства въ экономическія отношенія, ограничивая его дѣятельность устраненіемъ всѣхъ препятствій, лежащихъ на дорогѣ къ вполнѣ свободному пользованію правомъ труда со стороны отдѣльныхъ лицъ. Начало индивидуализма ему казалось лучшимъ средствомъ осуществленія общественнаго блага и распределенія его равномерно между всѣми. Намъ пришлось указать въ главѣ о цехахъ односторонность этого воззрѣнія и крайность, въ которую онъ вдавался въ этомъ отношеніи, запрещая всякія ассоціаціи въ промышленно-торговой сферѣ. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что то была естественная реакція противъ средневѣковыхъ корпорацій, съ которыми приходилось вести борьбу.

Если мы вспомнимъ работы учредительнаго собранія 1789 года, то мы увидимъ, что большинство общественныхъ дѣятелей того времени признавало индивидуализмъ главнымъ лекарствомъ противъ общественныхъ бѣдствій, и что боязнь ассоціацій была об-

щераспространенною болѣзнью. Въ этомъ отношеніи Тюрго явился не только сыномъ своего вѣка, но и апостоломъ мысли, царившей безраздѣльно въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ.

Вообще Тюрго по своимъ идеямъ и дѣятельности отвѣчалъ потребностямъ времени, и въ этомъ лежалъ залогъ успѣха его дѣятельности, если бы она совершалась при нѣскольکو пшыхъ, случайныхъ, впрочемъ, условіяхъ. Успѣхъ же его дѣла, какъ и показали послѣдующія событія, обусловленъ былъ этимъ соотвѣтствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ лежалъ центръ тяжести положенія, какъ не въ неравенствѣ гражданъ предъ государствомъ? Могли ли быть исправлены финансы при сохраненіи привилегій? Нѣтъ. Могло ли съ другой стороны государство не только двинуться впередъ, но и стоять даже на мѣстѣ, не перестраивая финансовой машины? Тоже нѣтъ. Этими двумя отрицаніями рѣшался важнѣйшій вопросъ времени, и Тюрго понималъ это рѣшеніе, понималъ его можетъ быть лучше, чѣмъ многіе другіе. Къ тому же на его сторонѣ было финансовое искусство, скажемъ, — творчество въ финансовомъ дѣлѣ, качество столь важное особенно тогда, когда минуты сочтены. И такъ, уничтоженіе привилегій, полная передѣлка тогдашней системы съ цѣлью сдѣлать ея базисомъ чистый доходъ (по его пониманію поземельный), освобожденіе промышленности и торговли отъ всякихъ искусственныхъ препятствій и предоставленіе ихъ, какъ и всей экономической жизни страны, ихъ естественному ходу, — вотъ программа дѣятельности Тюрго, которая отвѣчала требованіямъ времени и, какъ мы видѣли въ главахъ «Дорожныя повинности», «Цехи» и «Отставка Тюрго», находилась въ соотвѣтствіи съ настроеніемъ общества и поддерживалась наиболѣе значительными умами тогдашней Франціи.

Уничтожая, однако, тѣ или нныя установленія, онъ никогда не терялъ изъ виду убытковъ лицъ, могущихъ произойти отъ упраздненія привилегій послѣднихъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда привилегированные лишались доходовъ на капиталы, затраченные въ виду расчета на продолженіе существованія привилегій, Тюрго находилъ справедливымъ вознаградить потерпѣвшихъ лицъ. Водворить идею справедливости въ государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ,—это была попытка весьма серьезная въ то время. Да и только ли въ то время?

Какъ же, однако, должна была осуществиться эта справедливость? При помощи свободы. Мы видѣли его мѣропріятія по отношенію къ хлѣбной торговлѣ. Мы знаемъ его воззрѣнія на промышленность, на торговлю и его мѣропріятія въ этихъ областяхъ. Онъ началъ проводить тутъ теорію невмѣшательства государства въ экономическія отношенія, ограничивая его дѣятельность устраненіемъ всѣхъ препятствій, лежащихъ на дорогѣ къ вполне свободному пользованію правомъ труда со стороны отдѣльныхъ лицъ. Начало индивидуализма ему казалось лучшимъ средствомъ осуществленія общественнаго блага и распределенія его равномерно между всѣми. Намъ пришлось указать въ главѣ о цехахъ односторонность этого воззрѣнія и крайность, въ которую онъ вдавался въ этомъ отношеніи, запрещая всякія ассоціаціи въ промышленно-торговой сферѣ. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что то была естественная реакція противъ средневѣковыхъ корпорацій, съ которыми приходилось вести борьбу.

Если мы вспомнимъ работы учредительнаго собранія 1789 года, то мы увидимъ, что большинство общественныхъ дѣятелей того времени признавало индивидуализмъ главнымъ лекарствомъ противъ общественныхъ бѣдствій, и что боязнь ассоціацій была об-

щераспространенною болѣзнию. Въ этомъ отношеніи Тюрго явился не только сыномъ своего вѣка, но и апостоломъ мысли, царившей безраздѣльно въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ.

Вообще Тюрго по своимъ идеямъ и дѣятельности отвѣчалъ потребностямъ времени, и въ этомъ лежалъ залогъ успѣха его дѣятельности, если бы она совершалась при нѣскольکو пныхъ, случайныхъ, впрочемъ, условіяхъ. Успѣхъ же его дѣла, какъ и показали послѣдующія событія, обусловленъ былъ этимъ соответствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ лежалъ центръ тяжести положенія, какъ не въ неравенствѣ гражданъ предъ государствомъ? Могли ли быть исправлены финансы при сохраненіи привилегій? Нѣтъ. Могло ли съ другой стороны государство не только двинуться впередъ, но и стоять даже на мѣстѣ, не перестраивая финансовой машины? Тоже нѣтъ. Этими двумя отрицаніями рѣшался важнѣйшій вопросъ времени, и Тюрго понималъ это рѣшеніе, понималъ его можетъ быть лучше, чѣмъ многіе другіе. Къ тому же на его сторонѣ было финансовое искусство, скажемъ, — творчество въ финансовомъ дѣлѣ, качество столь важное особенно тогда, когда минуты сочтены. И такъ, уничтоженіе привилегій, полная передѣлка тогдашней системы съ цѣлью сдѣлать ея базисомъ чистый доходъ (но его пониманію поземельный), освобожденіе промышленности и торговли отъ всякихъ искусственныхъ препятствій и предоставленіе ихъ, какъ и всей экономической жизни страны, ихъ естественному ходу, — вотъ программа дѣятельности Тюрго, которая отвѣчала требованіямъ времени и, какъ мы видѣли въ главахъ «Дорожныя повинности», «Цехи» и «Отставка Тюрго», находилась въ соответствіи съ настроеніемъ общества и поддерживалась наиболѣе значительными умами тогдашней Франціи.

Въ этой программѣ отсутствуетъ политическій вопросъ. Но на самомъ дѣлѣ Тюрго не игнорировалъ его.

Проводя свои реформы силою авторитарической королевской власти, онъ составилъ планъ передачи веденія финансовыхъ дѣлъ государства въ руки представителей сельскаго и городскаго землевладѣнія. Въ этомъ заключается суть проекта муниципальных собраний, которымъ предполагалось созданіе государственнаго муниципалитета, или такого собранія, которое бы стояло во главѣ муниципальных собраний и состояло бы изъ представителей послѣднихъ. Мѣстныя собранія мы могли бы назвать безъ большей ошибки земскими собраніями, а центральное — земскимъ соборомъ. О подробностяхъ этого плана и объ его достоинствахъ мы говорили особо (см. историч. бібліотеку 1878 г. № 10); теперь же мы скажемъ, что этотъ проектъ былъ представленъ королю, остался въ портфель генераль-контролера ²⁰¹⁾ и, по всей вѣроятности, послужилъ матеріаломъ для составленія плана провинціальныхъ собраний, созданныхъ Нэккеромъ. Послѣдній, впрочемъ, сильно искажилъ проектъ Тюрго и совершенно устранилъ мысль о центральномъ собраніи.

Проектъ этотъ сталъ извѣстенъ публикѣ, хотя уже только впоследствии, по цитированному изданію, и на него смотрѣли такіе люди, какъ Бриссо, какъ на попытку рѣшить вопросъ о народоправствѣ.

Почему-же Тюрго не поставилъ политическаго вопроса въ головѣ своей дѣятельности, а оставилъ ему третьестепенное мѣсто? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ основательно, мы не имѣемъ данныхъ. Можно только выставить догадку, что онъ не видѣлъ учрежденія, которому бы онъ считалъ возможнымъ въ интересахъ прогресса предоставить политическую силу и

политическое поприще. Мы знаемъ, что онъ боялся возстановленія парламента, видя въ этомъ учрежденіи препятствіе для дѣла реформы. Онъ не ошибся въ этомъ. Повидимому и на *Etats généraux* онъ смотрѣлъ съ подобною-же опаскою ³⁰³) *Etats généraux* 1789 доказали, что дѣло прогресса только выиграло отъ созыва представителей сословій. Но не слѣдуетъ забывать, что съ 1774 по 1789 годъ прошли пятнадцать лѣтъ царствованія Людовика XVI, что въ теченіе этого времени перебивали у кормила правленія Тюрго, Неккеръ и Де-Каллонъ, что за это время общество успѣло увѣриться въ неспособности обветшавшаго абсолютизма двигаться впередъ и успѣло увѣриться, что «желанный» король не можетъ справиться съ непосильной задачей государственнаго управленія. Но забудемъ, наконецъ, что положеніе финансовъ съ 1789 году настолько обострилось, что многіе самою силою событій толкались впередъ къ дѣлу реформы старого порядка.

Въ 1774 году и даже нѣсколько позже положеніе было еще таково, что многіе считали возможнымъ поправить финансы при помощи одной экономіи. — Въ виду всего этого нельзя утверждать, что *Etats généraux* въ 1774 году были-бы также благопріятны дѣлу прогресса, какъ и въ 1789 году, а скорѣе можно отвѣтить на этотъ вопросъ съ сомнѣніемъ.

Какъ бы то ни было, Тюрго могъ ошибаться на счетъ настроенія представителей сословій; но опасеніе его не было совершенно безъосновательно. — Помимо этого изъ его проекта муниципальных собраній мы видимъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать основаніемъ будущей избирательной системы уплату налога съ недвижимости. — Такая мысль естественно ставила политическую реформу въ связь съ предварительною подготовкою рефор-

мы налоговъ. — Наконецъ, мы можемъ сказать, что Тюрго могъ считать невозможнымъ предложить королю ограниченіе его власти. — Что такая нерѣшимость имѣла мѣсто, видно изъ того же проекта муниципальных собраній. Говоря о центральномъ муниципальномъ собраніи и о мѣстныхъ таковыхъ же собраніяхъ, Тюрго старается, между прочимъ, успокоить короля на счетъ непорушимости его власти и увѣрить, что онъ не только не встрѣтитъ оппозиціи задуманнымъ реформамъ, но даже съ большою легкостью проведетъ ихъ при поддержкѣ общества. — Такія оговорки весьма знаменательны: они говорятъ о трудностяхъ, которыя были сопряжены съ умаленіемъ абсолютизма. — Тѣмъ не менѣе, Тюрго рассчитывалъ съ осени 1776 года начать введеніе муниципальных собраній.

Тюрго упресли не разъ въ непрактичности и излишней смѣлости. — Такія обвиненія исходили и отъ современниковъ и отъ потомковъ. — Эти обвиненія мало основательны. — Подробное знакомство съ мѣропріятіями его говоритъ противное. — Въ дѣлѣ хлѣбной торговли, въ дѣлѣ раскладки податей, постройки дорогъ, почтовой гоньбы онъ былъ знаткомъ. — Мы видимъ, что ему извѣстны мельчайшія подробности, что издавая свои распоряженія, онъ считается со всеми условіями жизни.

Недалеко ходя, укажемъ мы на введенные имъ новые порядки почтово - пассажирскаго движенія. — Сами враги его хвалили ихъ, а типъ экипажей «тюрготинъ» сохранился и понынѣ.

Лучшимъ аргументомъ въ пользу его практичности и знанія дѣла служатъ бюджеты 1775 и 1776 года. Человѣкъ непрактичный не могъ бы сдѣлать такого улучшенія финансоваго положенія, какое имъ сдѣлано въ 20 мѣсяцевъ. Съ другой стороны доказательствомъ

его умѣнія дѣлать дѣло, а не только размышлять и говорить о немъ, служить довѣріе къ нему голландскихъ и французскихъ банкировъ.

Упрекъ въ излишней смѣлости требуетъ еще меньше опроверженій. Марія Терезія высказалась въ одномъ письмѣ, что если можно обвинять Тюрго и Мальзербъ, такъ развѣ только въ томъ, что они предприняли слишкомъ много сразу.

Это обвиненіе посторонней зрительницы событій высказано очень сдержанно и притомъ условно; — замѣтно, что авторъ обвиненія неуверенъ въ его правильности. Конечно, сравнительно съ царствованіемъ Людовика XV, предпринято было слишкомъ много и слишкомъ смѣло съ точки зрѣнія тѣхъ, кто, подобно Морепъ, находилъ, что французская государственная машина не требуетъ серьезныхъ поправокъ и что можно обойтись только подмазкой. Но стоитъ только вспомнить, какое важное ограниченіе сдѣлано Тюрго въ допущеніи полной свободы хлѣбной торговли, затѣмъ — его осторожное и серьезное отношеніе къ торгово-полицейскимъ регламентамъ Парижа, чтобы сказать себѣ, что неосторожности въ его поступкахъ, рискованности въ его мѣропріятіяхъ не замѣчается. Напротивъ, если принять въ расчетъ трудность положенія, необходимость выйти изъ него какъ можно скорѣе, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что Тюрго иначе дѣйствовать не могъ, если хотѣлъ остаться на высотѣ событій. Его трудолюбіе, быстрота работы, неутомимое преслѣдованіе цѣли, — а этой цѣлью было благо народа, — не могли не шокировать придворныхъ и людей школы предшествовавшего царствованія, привыкшихъ весело прожигать жизнь и смотрѣть на управленіе только какъ на средство полученія возможно большаго дохода на счетъ народа, и ни разу, можетъ быть не задумавшихся о существованіи кое-какихъ

обязанностей по отношенію къ этому народу. Для этихъ людей Тюрго, конечно, былъ безпокойнымъ человѣкомъ, готовымъ свернуть шею монархіи; но упреки подобныхъ людей служатъ ему оправданіемъ.

Результатомъ двадцатимѣсячной работы Тюрго было нѣкоторое улучшеніе финансоваго положенія и государственнаго кредита. Но эти улучшенія были непрочны. Очень скоро послѣ него въ этой сферѣ все пошло по старому. Кредитъ государства поправился было, благодаря довѣрію капиталистовъ, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ, къ дѣятельности Тюрго. Съ его отставкою это довѣріе тотчасъ исчезло, и очень скоро понадобилось прибѣгнуть къ личному кредиту банкира Нэккера для поднітія кредита государства.

Далѣе плодомъ дѣятельности Тюрго было освобожденіе внутренней и отчасти внешней хлѣбной торговли отъ путъ, связывавшихъ ее до того времени. Эта часть дѣла Тюрго осталась нетронутой и послѣ его отставки. Не то было съ цехами и дорожною натуральною повинностью. Первые были отчасти возстановлены и не совсѣмъ въ прежнемъ видѣ, послѣдняя была возстановлена всецѣло.

Такимъ образомъ прочныхъ практическихъ результатовъ дѣятельность Тюрго оставила по себѣ весьма немного. Если бы только ими можно было измѣрить значеніе его дѣятельности, то таковое оказалось бы весьма небольшимъ. Но этими практическими результатами дѣло не исчерпывается. Въ жизни идей, пролагающихъ себѣ дорогу, первые практическіе результаты мало значатъ; гораздо значительнѣе вліяніе тѣхъ или другихъ проявленій идеи на мысли и чувства людей. Съ этой стороны министерская дѣятельность Тюрго не осталась безслѣдною. Уничтожая цехи, онъ дѣйствовалъ въ интересахъ массы горидскаго населенія, и она, какъ мы

видѣли, тотчасъ это поняла и почувствовала. Въ ее глазахъ непркосновенность стараго порядка—съ той стороны его, которая касалась интересовъ промышленнаго класса, была нарушена, ореолъ святости его былъ поколебленъ; возможность реформы доказана. Отсюда болѣе сильное неудовольствіе противъ старины только что уничтоженной и снова возобновленной. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о впечатлѣніи, произведенномъ отмѣною дорожной повинности. Вооруженной силой приходилось потомъ, по восстановленіи повинности, выгонять мужиковъ для отбыванія ея. Словомъ, состоявшаяся отмѣна нѣкоторыхъ тягостей, воочію доказывала возможность существенныхъ улучшеній и коренныхъ перемѣнъ. А что считается возможнымъ, то желается сильнѣе, а тягости, устранимость которыхъ считается возможною, сносятся нетерпѣливѣе. Но если впечатлѣніе, произведенное на массы народа, было смутное и не очень сильное, то совершенно не таково было впечатлѣніе реформъ Тюрго на образованную часть общества. Она поняла принципіозное значеніе реформъ министра и апплодировала имъ. Не только во Франціи, но и за границей важнѣйшіе эдикты встрѣчали весьма серьезное сочувствіе. Дѣятельность Тюрго возбуждала сильную надежду на скорое совершеніе коренныхъ перемѣнъ и на выходъ изъ того безотраднago положенія, въ которомъ была Франція по окончаніи царствованія Людовика XV. Оживилась вѣра въ силу королевской власти совершить многое; доброта и искреннее желаніе короля Людовика XVI служить общему благу обезпечивали, казалось, успѣхъ.

Людовика XVI называли Генрихомъ IV, — Тюрго приравнивали и къ Кольберу, и къ Сюлли. Въ перспективѣ видѣлся уже супъ съ курицей на воскресномъ обѣденномъ столѣ каждаго поселянина.

*

И вдругъ, среди всѣхъ розовыхъ надеждъ и упо-
ваній — торжество придворной партіи и враговъ всякой
новизны! Чѣмъ сильнѣе ожиданіе, тѣмъ глубже разо-
чарованіе. Поэтому то впечатлѣніе отставки Тюрго
было особенно сильно. Она произвела и грусть, и
горе, и раздраженіе. Последнее было особенно сильно.
Мы видѣли, какъ относились къ этому событію мно-
гіе выдающіеся люди того времени, имѣвшіе на обще-
ство большое вліяніе. Они видѣли въ паденіи Тюрго
разрушеніе своихъ надеждъ на близкое наступленіе
новаго порядка, основаннаго на началахъ разума и
естественнаго права. Они видѣли въ дѣятельности
Тюрго доказательство осуществимости ихъ идеаловъ.
Они понимали хорошо причины его паденія. Отсюда
сомнѣнія въ способности абсолютной монархіи вывести
Францію изъ ея труднаго положенія. Энтузіазмъ, воз-
бужденный вступленіемъ Людовика XVI, замѣнился
равнодушіемъ и сомнѣніемъ.

Успѣвшіеся недовольство массъ, особенно город-
скаго населенія (главнымъ образомъ столичнаго), съ
одной стороны, съ другой таковое-же настроеніе, только
гораздо болѣе сознательное, образованнаго класса обще-
ства и большая увѣренность въ возможности упраздне-
нія «стараго порядка» — все это вмѣстѣ приблизило
революцію, или, точнѣе говоря, крушеніе феодальнаго
строю. Въ этомъ, по нашему разумѣнію, заключается
историческое значеніе дѣятельности Тюрго.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе на возможное
возраженіе. Если допустить, скажутъ намъ, такое
значеніе дѣятельности Тюрго, то послѣдняя получила
такое значеніе вслѣдствіе его внезапнаго паденія,
такъ что собственно его удаленіе изъ министерства
вызвало то неудовольствіе и разочарованіе, который
въ концѣ концовъ повели къ революціи; но сама
дѣятельность непосредственно такого дѣйствія не имѣла.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Taine. Les origines de la France contemporaine. L'ancien regime pp. 142—145.

2) Boiteau въ Etât de France au 1789 опредѣляетъ число благородныхъ въ 83 тысячи, ссылаясь на Лавуазье, а число духовенства въ 208 тысячи человекъ, считая и бѣлое, и черное духовенство. Эта послѣдняя цифра гораздо выше той, которая указана Тэномъ. Последний ссылагся на пикетной списокъ монаховъ, на списокъ монахинь въ дюссакхъ, каковое число онъ принимаетъ пропорціонально, чтобы получить общее число монаховъ. Монаховъ и монахинь у него оказывается 61 тысяча, тогда какъ у Boiteau нѣтъ определенной для нихъ цифры, а онъ беретъ данныя, относящіяся къ 1762 г. (монаховъ и монахинь 150 тыс.) и уменьшаетъ его для получения численности въ 1789 г. Тѣмъ ссылагся на показанія нѣкоторыхъ современниковъ, но его вычисленія слушаются меня потъ съ какою стороны. Указывая на численность духовенства въ 1866 году, онъ самъ раскрываетъ, что численность благаго духовенства была тогда 51100 человекъ.—почти на 20 т. меньше тѣмъ въ 1789 г., что невароятно:—а чернаго 101800 человекъ. (монаховъ 18500 и монахинь 86300), т. е. больше тѣмъ въ $1\frac{1}{2}$ раза больше, между тѣмъ во времена стараго порядка, какъ справедливо замѣчаетъ Boiteau, и число монаховъ было себѣяно чистое. Можно думать постоу, что общая цифра 208000 человекъ, указанная Boiteau — ближе къ истинѣ и если я все таки принимаю плору Тана, то дѣлаю это по изъясненію преувеличенія. Смъ Boiteau pp. 33—37 и Taine Les origines de la France T. I, pp. 17 и 530.

3) Доходъ отъ совершаемыхъ духовенствомъ актовъ, опредѣлялся утѣдительными собраніями въ 3 миллиарда ливровъ. Тѣмъ опредѣляется доходъ отъ церковныхъ имуществъ въ 60 или 80 милл. Приписывая во вниманіе однако, что онъ принимаетъ цѣнность имущества духовенства въ 4 миллиарда ливровъ, что онъ принимаетъ величину ренты 3 „ . . — что, конечно, составляетъ болѣе 80 милліоновъ, что онъ, наконецъ, вѣтъ не хотѣянуеть своего вычисленія и не ссылагся на тѣ либо показанія, — я удерживаю оцѣнку Буато, который подробно хотѣянуеть ее и ссылагся на докладъ, представленный Учредительному Собранію. Самъ Тѣмъ находитъ разницу Тѣмъ-Бриана (10 милліоновъ) елпшкоть члмчмъ и говоритъ, что капиталъ и доходъ ннл дѣлѣсь гораздо болѣе значительными, чѣмъ съ перваго вычисления. Boiteau, pp. 39—46, Taine T. I, pp. 18 и 19.

4) Моро де Жонестъ оцѣниваетъ ихъ въ 366500.0 ливровъ для начала XVIII вѣка. *Etat économique et social de la France* p. 402.

5) Считая, что дворянство владело $\frac{1}{3}$ земель, т. е. 13195178 гектаровъ, и что гектаръ приноситъ чистаго дохода 15 ливровъ.—получимъ 197.927 678 ливровъ; по принимая въ расчетъ, что такую доходность можно считать только для воздѣланной земли и для лѣсовъ, что составляло, по показанію Моро де Жонестъ'a, лишь 65% . получимъ, что чистый поземельный доходъ дворянства былъ 128652940 ливровъ. *Morreau de Jonnès. Etat économique et social de la France* pp. 255, 289 и 405.— Выведенную цифру нельзя однако признать точною, ибо не принято въ расчетъ въ какомъ положеніи находилось земледѣліе въ концѣ XVIII в. Boiteau говоритъ, что рента землевладѣльца была 12 ливровъ съ гектара что къ тому же только $\frac{1}{3}$ всей земли запахивалась и $\frac{2}{3}$ запахиваемой земли находилось подъ паромъ (p. 483).

6) Зибель. *Исторія французской революціи и ея времени.* Томъ I стр. 15, 16.

7) *Morreau de Jonnès. Etat économique et social de la France* p. 394. Зибель. *Ист. Рев.* Т. I стр. 26. У Boiteau этотъ послѣдній оцѣнивается въ 38 милл.

8) Taine p. 25; Boiteau p. 25; и Morreau de Jonnès p. 393.

9) Taine. *La France contemporaine* T. I livre V chap. I p. p. 429—455.

10) Boiteau pp. 485—487. Taine T. I pp. 443—444. *Turgot. Oeuvres.* T. I p. 549. Прогрессъ прежняго времени шелъ гораздо медленнѣе: въ теченіи 84 лѣтъ XVIII ст., количество хлѣба, доступнаго для потребленія увеличилось съ 108 на 125 литровъ т. е. всего на 15 %.

11) Boiteau p. 395.

12) Foncin. *Essai sur le ministère de Turgot.* p. 84. (12 в.) Boiteau. p. 372.

13) Къ тому же и долгъ не уменьшился и возросъ за шесть лѣтъ до 235261360 ливр. Boiteau pp. 391, 394—398 Foncin p. 79.

14) Carpefigue. *Les fermiers généraux* pp. 328, 330 et 331.

15) Soullavie. «*Memoires historiques*» T. I p. 146. Онъ указываетъ на аббата Радонвилье, эскъ-иезуита, какъ на виновника перемѣны выбора. Этому можно вѣрить, такъ какъ Сулави ссылается на маршала Ришелье, а послѣдній, по родству съ д'Эгильономъ и положенію своему при дворѣ, могъ знать дѣло близко.

16) Foncin. *Essai sur le ministère de Turgot.* p. 50.

17) На мѣсто Буана (Boynes).

18) Foncin pp. 42. 43. *Bachauumont memoires secr.* t. VIII. 108.

19) Foncin p. 51.

20) Онъ былъ въ это время въ Парижѣ и долженъ былъ возвратиться въ Лиможъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ интендантовъ приглашали въ королевскій совѣтъ для дачи имъ инструкцій.

21) Foncin. *Essai* p. 40—41. Это сообщеніе корреспонденту Метра совершенно согласуется съ тѣмъ, что мы знаемъ изъ отчетовъ интенданта Тюрга, въ которыхъ онъ изъ года въ годъ доказывалъ непопулярность тяжести налоговъ съ платежными силами провинціи.

22) Foncin основываетъ приведенный разсказъ на довольно достоверномъ источникѣ, а именно на письмѣ М-ше Еврипач, которая была близкимъ другомъ Тюрга, видалась съ нимъ каждыя день и писала конечно, съ его словъ; притомъ письмо писано только черезъ четыре

III

дня послѣ событія (29 авг. 1744 г.). Если Кондорсе говоритъ о радости Тюрго по поводу новаго назначенія, то вѣроятно послѣдняя была результатомъ душевнаго разговора съ королемъ и высказаннаго послѣднимъ сочувствія.

23) На запросъ мой по этому поводу, Левассеръ (профессоръ Collège de France) отвѣтитъ, что нѣтъ ни одного сочиненія, которое трактовало бы исторію хлѣбной торговли. Вскорѣ послѣ того онъ прислалъ мнѣ газетное сообщеніе слѣдующаго содержанія: «L'Académie se forme en comité secret et sur la proposition faite par M. Levasseur au nom de la section politique, elle a adopté le sujet de concours suivant pour le prix du budget: «Histoire des céréales en France». Les concurrents auront à étudier la production et le commerce des céréales dans les diverses régions de la France avant et depuis 1789, ainsi que les usages commerciaux et les réglemens relatifs au transport à l'intérieur, la législation des marchés et celle de l'importation et de l'exportation». Такимъ образомъ мой запросъ не только не былъ оставленъ безъ вниманія, но послужилъ поводомъ къ тому, что академія наукъ поставила исторію хлѣбнаго произроства и хлѣбной торговли въ число очередныхъ вопросовъ въ занятіяхъ французскихъ историковъ. Не могу не отнестись съ искреннею благодарностію къ г. Левассеру за его вниманіе къ моей просьбѣ и къ моему слабому голосу въ вопросахъ науки. Выбѣтъ съ тѣмъ въ его авторитетномъ отзывѣ я нахожу извиненіе неполноты и бѣдности моего настоящаго очерка.

24) Clement. Hist. de la vie et de l'administration de Colbert—(глава о хлѣбной торговлѣ). Boisguilbert. Traité des grains.

Du Cellier Hist. des classes laborieuses p. 237.

25) Clement Hist. de la vie et de l'admin. de Colbert. глава о хлѣбной торговлѣ.

26) muid—18,72 hectol. Въ этой мѣрѣ было 12 сѣлье.

27) Clement Hist. de la vie et de l'admin. de Colbert. Сѣлье—240 ливровъ или 1 Hectol и 56 cent. Jobez опредѣляетъ величину сѣлье въ 85 kilogr. (La France sous Louis XVI t. I p. 196). У Helfferich'a въ его periodischen Schwankungen im Werth der edeln Metalle показаны слѣдующіе цѣны за тѣ же періоды:

съ 1636—1645 г.	— 23 fr. 44 с.	за сѣлье.
• 1646—1655	— 31 „ 92 „	„
• 1656—1665	— 33 „ 40 „	„
• 1666—1675	— 18 „ 25 „	„
• 1676—1685	— 25 „ 05 „	„ (стр. 99)
• 1686—1695	— 24 „ 69 „	„
• 1696—1705	— 25 „ 67 „	„
• 1706—1715	— 29 „ 05 „	„

Хотя сравненіе этихъ цѣнъ затрудняется тѣмъ, что у Клемана показана старая валюта, а у Гельфериха новая и неизвѣстно по какому курсу она высчитана. Тѣмъ не менѣе однако изъ сопоставленія цѣнъ двухъ послѣднихъ періодовъ очевидно, что цѣны выставленныя у двухъ авторовъ не сходятся. У Moreau de Jonès указаны слѣдующія цѣны при другихъ, впрочемъ, періодахъ:

съ 1643—1652 г.	— 23 fr. 26 с.	за гектол.
• 1653—1662	— 21 „ 27 „	„
• 1663—1672	— 15 „ 22 „	„

съ 1673—1682 г.	—17 fr. 10 с.	за гектол.
„ 1683—1692 „	—14 „ 72 „	„
„ 1693—1702 „	—21 „ 21 „	„
„ 1703—1712 „	—15 „ 92 „	„

См. *Etat économique et social de la France* p. 313.—

Сравнение этих ценовъ съ ценоами Гельеериха тоже затруднительно потому что взяты иные періоды, за которые выведены среднія цѣны; но и не вдаваясь въ сравненіе частностей, мы знаемъ, что цѣны указанные тѣмъ и другимъ не одинаковы. Такъ Гельеерихъ на основаніи своей таблицы говорить, что съ 1696 г. по 1715 г. цѣны поднимаются, и у него дѣйствительно показано 25 fr. 67 cent. и 29 fr. 05 с. за сѣть для двухъ послѣднихъ десятилѣтій (ст. 99 и 100), а изъ таблицы Моро-де-Жонеса слѣдуетъ, что за десятилѣтіе съ 703 года цѣна на дастъ сравнительно съ предыдущими годами и показана въ 15 fr. 92 cent. за гектол., что составитъ 24 fr. за сѣть. Что цѣна на хлѣбъ въ началѣ XVIII в. упала свидѣтельствуетъ еще Буагильберъ въ своемъ «*Traité de grains*» (написанъ въ 1704 или 1705 г.) Онъ говоритъ, что въ пятидесятихъ годахъ XVII в. сѣть хлѣба стоила 18 ливровъ, а потомъ цѣна упала ко времени составленія трактата до 9—10 ливровъ. Я не имѣю цѣлью изслѣдованіе цѣнъ хлѣба, но я желаю только указать, какъ не разработана эта часть исторіи хозяйства.

28) Du Cellier. *Hist. des classes laborieuses* p. 255.

29) Clement. *Hist. de la vie et de l'administ. de Colbert*.

30) Turgot. *Oeuvres* t. II p. 213.

31) *Oeuvres de Turgot* t. I p. 688.

32) H. Martin. *Hist. de France* t. XVI p. 233. Foucault. *Essai sur le ministère de Turgot* p. 104. Helfferich von der period. Schwankungen p. 122. Французское земледѣліе не развивалось не смотря на цѣлый рядъ урожаевъ, слѣдовавшихъ почти непрерывно съ 1715 по 1765 годъ. Цѣны не были высоки, они колебались между 15 fr. 46 с. и 18 fr. 80 с. за сѣть пшеницы. Это не мѣшало однако при первомъ мѣстномъ неурожаѣ появляться голоду, какъ это было въ 1765 г. въ Лиможѣ.

33) H. Martin. *Hist. de France* t. XVI p. 233 и 234.

34) Galiani. *dialogues sur le commerce des blés* p. 93 и 96.

35) Helfferich. *Ueber die Schwankungen im Werth der Edeln Metalle* p. 12). Цѣны на хлѣбъ во Франціи почти все время стояли низки, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

съ 1716 г.—1725 г.	—17 f. 01 с.	за сѣть.
съ 1726 г.—1735 г.	—15 f. 46 с.	„
съ 1736 г.—1745 г.	—18 f. 8) с.	„
съ 1746 г.—1755 г.	—18 f. 32 с.	„
съ 1756 г.—1765 г.	—17 f. 64 с.	„

Roscher. *Sistem der Volkswirtschaft* zweit. band. n. 410.— говорить, что годы съ 1730 по 1761 были хороши въ С. З. Европѣ, тогда какъ съ 1765—1776 были плохи.

36) H. Martin p. 292. Нужно замѣтить, что въ 1765 году урожаи не были повсемѣстными; покрайней мѣрѣ въ Лиможѣ былъ неурожай вследствие излишнихъ дождей и дѣйствія хлѣбныхъ бабочекъ (papillons de blé) и charançons.

37) H. Martin t. XVI p. 293.

38) *Ibid.* p. 297.

39) Эта картинка нарисована Вольтеромъ въ «Petit écrit sur l'arrêt du Conseil du 13 Septembre 1774 an.» (Foncin Essai. p. 167). Несколько позже онъ написалъ по поводу майскаго возстанія «Diatribe à l'auteur des Ephémérides» въ которой снова энергично высказался за защиту эдикта 14 Сент. 1774 г. и его автора; экономисты должны радоваться, говоритъ Мейробе, приобрести себѣ такого апостола, который сдѣлаетъ больше, чѣмъ воз онъ для распространенія ихъ ученія. Bachaumont Mém. secrets t. VIII p. 118.

40) Oeuvres t. II pp. 43—45, 59—66. Помѣщенные на этихъ страницахъ акты имѣли широкую гласность.

41) Эти вычисления дошли до насъ только въ извлеченіи Дюпонъ де Немура, такъ же какъ и содержаніе 1-го и 3-го письма; эти письма Тюрго передали Людовику XVI (въ 75 году), чтобы убѣдить его въ пользѣ свободы хлѣбной торговли. Король оставилъ у себя эти письма, но послѣ они не были найдены (Oeuvres de Turgot t. I p. 167 и примѣчаніе).

42) Тюрго обыкновенно называетъ «grande culture» обработку земли болѣе глубокую, произведенную на лошадяхъ, тогда какъ словами «petite culture» онъ означаетъ худшую обработку производимую на волахъ.

43) Ibid. стр. 211 и 212.

44) Ibid. стр. 225 и 227.

45) Одинъ изъ экономистовъ, другъ Тюрго, авторъ Chronique secrets и Ephemerides d'un citoyen и другихъ сочиненій, предназначенныхъ для распространенія олигократическихъ воззрѣній.

46) Foncin. Essai sur le ministère de Turgot p. 100.

47) Bachaumont. Mémoires secrets.... Londres 1780) г. t. VIII p. 42.

48) Oeuvres de Turgot t. II p. 172.

49) Id. p. 174.

50) Foncin p. 101.

51) Oeuvres de Turgot t. II p. 177 и 212.

52) Ibid. p. 219.

53) Ibid. p. 179.

54) Купцы, отправлявшіе хлѣбный грузъ черезъ Марсель, получали накладную и обязывались привезти въ означенную провинцію то же количество хлѣба и сдавали въ мѣстную канцелярію помянутую накладную.

55) Alph. Jobez. la France sous Louis XVI I p. 196.

56) Ibidem. 198.

57) Oeuvre de Turgot. t. II p. 185. Quintal—100 сунтамъ.

58) Jobez. La France sous Louis XVI p. 199.

59) Foncin ministère de Turgot. p. 187; Jobez. la France sous Louis XVI p. 200.

60) Foncin. p. 188.

61) Foncin. p. 196, а также у Dros Histoire de Louis XVI p. 127, t. I.

62) Jobez. la France sous Louis XVI p. 200.

63) Foncin. p. 198.

64) Jobez. la France sous Louis XVI. p. 200.

«Foncin говоритъ о фактѣ приниженія (въ семь час. утра) прибавляя: on ne sait trop comment».

VI

- 65) Oeuvres de Turgot. t. II p. 183 et 188.
 66) Foncin. Essai sur le ministère de Turgot piece justific. № 3e. (p. 592).
 67) Oeuvres de Turgot. t. II p. 451.
 68) Bachaumont Memoires secretes, t. VIII p. 36.
 69) Oeuvres de Turgot t. II p. 196 въ примѣчаніи.
 70) Продолжатель мемуаровъ Башомонтъ находитъ ложными положенія министра: что рынки были полны, что естественные припасы никогда не были слишкомъ дороги, что никто не долженъ былъ терпѣть недостатка въ хлѣбѣ, если принять въ соображеніе жѣры правительственна, чтобы доставить работу бѣднымъ въ ихъ приходѣ. Bachaumont. Memoires t. VIII. p. 36. Замѣчанія эти несправедливы. Изъ приведенныхъ выше цѣнъ видно, что цѣна хлѣба была въ три раза слишкомъ ниже чѣмъ въ неурожай 70 года; Тюрго не отрицалъ притомъ существованія дороговизны, а только утверждалъ, что не она была причиною возстанія, и говорилъ что хлѣба на рынкахъ было *достаточно*. Это подтверждается и донесеніемъ директоровъ торговли (Directeurs du commerce) въ Парижъ отъ 9 мая, сообщившихъ о хорошихъ видахъ на будущій урожай и о томъ, что ожидается только три судна изъ за границы съ хлѣбомъ и на большой пвозъ не смотря на преміи, нельзя рассчитывать на вредъ хорошихъ видовъ на урожай. Значитъ и иностранцы неограничили положеніе французскаго рынка согласно съ Тюрго. Foncin. p. 2 5. Что касается благотворительныхъ работъ, то они не могли оказать помощи населенію во время возстанія ибо учреждены были позже; поэтому ссылка на нихъ Тюрго надо считать ошибочною.
 71) Jobez. la France sous Louis XVI p. 202.
 72) Bachaumont. Memoires. t. XIII p. 55.
 73) Jobez. la France sous Louis XVI p. 208.
 74) Foncin. p. 209.
 75) H. Martin. Hist. de France, t. XVI стр. 339 и 348.
 76) Du Pont de Nemours. Memoires t. II p. 42.
 77) Bachaumont. t. VIII p. 46.
 78) Foncin. Essai. p. 209.
 79) L. Blanc. Hist. de la Revol. fr. t. I p. 488 и Foncin. Essai p. 212.
 80) Foncin Essai. p. 214.
 81) Foncin. Essai. p. 213.
 82) H. Martin. Hist. de France t. XVI p. 350.
 83) Oeuvres. de Turgot. t. II p. 219.
 84) Oeuvres de Turgot. t. II p. 198 и 197.
 Octroi взималось въ слѣдующемъ размѣрѣ 7 су 6 де ие съ boisseau пшеницы, 6 су съ meteil, а 4 су 6 деље съ boisseau ржи.
 85) Oeuvres de Turgot. t. II p. 198. Постановленіе совета обязываетъ устроить вознагражденіе этихъ лицъ на иныхъ основаніяхъ. Уменьшеніе городскихъ доходовъ вследствие отмены хлѣбной пошлины предполагалось частью возмѣстить сокращеніемъ расходовъ, а частью установленіемъ новыхъ менѣе обременительныхъ налоговъ.
 86) Oeuvres. t. II p. 203. (2) Іюля 1775 г.).

87) Документы должны были быть представляемы Дюпону (де Немур) назначенному секретарем комиссии составленной из Bouvard de Fourqueux, Dufour-de-Villeneuve, Beaudoin-de-Guemadec, Chardon, Raymond de Saint-Sauveur, Guerrier de Bezance, de Bonnaire de Forges и Trimond. Он должен был передавать документы на заключение Ламберта, назначенного прокурором при настоящей комиссии. Oeuvres. t. II p. 204.

88) Эта сумма с изъятиемъ возмѣщалась казнѣ изъятиемъ способовъ взиманія разныхъ налоговъ въ Парижѣ и отъѣмной привилегіи сеньора Ле-Пормана. *ibid.* t. 246 et 223.

89) *ib.* 247.

90) Налоги сохранялись на овесъ, ячмень и другіе зерновые продукты, за исключеніемъ перечисленныхъ; по изъ суммы налога должна быть вычтена сумма, представляющая собою вознагражденіе труда посылщиковъ и мѣрзлычниковъ, и эта часть налоговъ тоже отъѣмалась. *ib.* p. 223.

91) *ib.* p. 245.

92) *ib.* p. 245.

93) Они обизаны были продавать хлѣбъ въ 18 унцій на фунтъ по одной цѣнѣ съ городскими пекарями дѣлавшими хлѣбъ въ 16 унцій на фунтъ. Такимъ образомъ banalité поднимало цѣну хлѣба болѣе чѣмъ на 1. % *ibid.* p. 2.

94) Въ этой корпораціи были учреждены должности трехъ синдиковъ указами 1693 и 1705 г., двѣ должности аудитора и ревизора (*auditeurs* и *examineurs*) счетовъ корпораціи указами 694 г. и должности инспекторъ въ и контролеровъ указами 1745 г.

95) Это было учрежденіе данное, можетъ быть средневѣковое; оно было уничтожено, но потомъ возстановлено въ 1675 и 1677 году. Кроме того въ пользу ихъ были установлены рыночные налоги на хлѣбъ. — *ibid.* p. 201.

96) Ихъ начали учреждать съ 1688 года т. е. съ того времени, какъ Людовикъ XIV начинать нуждаться въ деньгахъ. *ibid.* p. 299.

97) Они были уничтожены въ Маѣ 1715 года и въ Сентябрѣ 1719 года, а возстановлены въ 1727 и 173 годахъ. *ibidem.*

98) Исключеніе составили должности катализниковъ (бочекъ), пагрузчиковъ и разгрузчиковъ вина, присяжныхъ, продавцовъ его и винныхъ контролеровъ, маклеровъ и коммисіонеровъ, доходы съ которыхъ шли въ пользу города. Съ уничтоженіемъ всѣхъ торгово-полицейскихъ должностей налоги взимавшіеся въ ихъ пользу должны были взиматься въ пользу казны и предназначались во 1) на плату процентовъ и погашенія долговъ числящихся на уничтоженныхъ должностяхъ и 2) на погашеніе суммъ внесенныхъ въ казну лицами, купившими должности. *ibid.* p. 301 и 302.

99) *Ibidem.* p. 229.

100) Oeuvres de Turgot. t. II p. 243 et 244.

101) Oeuvres de Turgot. t. II p. 244.

102) Oeuvres de Turgot. t. II. Меморъ поданный королю и декларация объ уничтоженіи регламентовъ Февраля 1776 г. стр. 213—226 и 243—246.

103) *ibid.* p. 219.

104) Относительно того мѣста меморара, гдѣ Тюрго говорить, что регламенты потому дороги членамъ парламента, что допускали возмож-

VIII

ность насилья и др. злоупотреблений. Мпроменить замѣчаетъ: въ этомъ дѣлѣ могли быть ошибки, я это допускаю; но они никогда не были этого могива» (т. е. корыстнаго могива).

105) *Oeuvres*. t. II p. 222.

106) *Economie rurale de la France depuis 1789*.

107) Изъ 414 милл. вычитаются 15 милл. предназначенные на погашение долга.

108) *Foncin. Essai*. pp. 81—89.

109) *Croupiers* назывались пайщики откупа.

110) *Foncin* pp. 94—95.

111) Указъ 30 Декабря 1775 года.

112) Такъ напр. пошлина съ соленой рыбы на время поста была совершенно отменена, а съ свѣжей—понижена на половину. (Указъ 8 Янв. 1775 г.). Это не стоило казнѣ ничего, ибо потребление увеличилось на столько, что сумма дохода отъ пошлины осталась та же. *Foncin* p. 159. *Oeuvres de Turgot* T. II p. 402.

113) *Foncin. Essai*. p. 367.—*Bachaumont. Memoires secretes*. Подъ 31 Декабря тамъ сказано: «Извѣстно, что Людовикъ XV жилъ впередъ и, такимъ образомъ, надѣлалъ антисипаций на 180 милл. (мы знаемъ, что эта сумма была всего въ 78:50000) которые ему дали генеральные откупщики и другіе крупные финансисты. Тюрго путемъ экономіи и другихъ финансовыхъ операцій уменьшилъ уже антисипацію на 37 милл., такъ что, идя тѣмъ же путемъ, облегчение должно становиться все болѣе и болѣе значительнымъ. Вотъ что наноситъ вредъ общественнымъ кровопийцамъ и заставляетъ ихъ кричать противъ генераль-контролера, который лишаетъ ихъ барышей, громадныхъ и раззорительныхъ для монарха. T. VIII p. 299.

114) Такимъ образомъ, говоритъ Дюпонъ де Немуръ, таблица доходовъ и расходовъ, представленная Тюрго въ концѣ 1774 г. и заключающая дефицитъ въ 22307126 фр., который онъ увеличилъ до 37 милл. ошибкою, заключала въ себѣ ошибку на 3620131 фр. *Duport de Nemours. Mem. l. I chap. IV*.

115) Фонсенъ поправляетъ эту цифру на 7258261 фр., находя и въ вычисленіи Д. де Немура ошибку. Но такой ошибки нѣтъ, ибо вычитая цифру уплаченнаго долга 9733843 фр. изъ 16934582 фр., получимъ именно 7200739 фр.— У Фонсена, напротивъ, сдѣлана ошибка (ошибочно опечатка) въ итогъ вмѣсто 16934582 фр. у него стоитъ 16934000 фр. *Foncin. Essai* p. 369.

116) *Foncin. Essai* p. 371.

117) Но на сколько трудно было поправлять финансы при тогдашнихъ порядкахъ, видно изъ того, что не смотря на всю свою строгость, не смотря на общіе приказы короля не расточать денегъ, бюджетъ двора увеличился на 2873394 фр. (противъ 1775 г.), на свадьбу принцессы Клотильды потрачено 1 милл., герцогу Люссакъ дано 225 т. фр., пенсіи увеличены на 1 милл. (*Foncin* p. 371). Не считая милліона пенсій, который могъ быть назначенъ и не на придворныхъ, остальные 409:394 фр. составляютъ увеличение придворныхъ расходовъ. Главной виновницей его была королева, приобревшая съ половины 1775 года все сильное влияние на короля.

118) *Oeuvres de Turgot* T. II.

IX

119) Они не обязаны были ссужать деньги за тот скотъ, который былъ купленъ мясниками сомнительной платежной способности (*d'une solvabilité suspecte*).

120) *Oeuvres de Turgot* T. II p. 318.

121) *Bach. Mem. secr. T. IX* p. 111.

122) *ib.* p. 114.

123) *Foncin. Ess.* p. 277. Такимъ образомъ въ дореволюціонной Франціи, какъ и у насъ, раздавались жалобы на отсутствіе частной инициативы, теперь объ этихъ жалобахъ тамъ не слышно. Объ этомъ фактѣ слѣдуетъ подумать тѣмъ кто любитъ признавать отсутствіе предпримчивости природнымъ свойствомъ нашего народа и отсюда вывести необходимость системы опеки. Указываемый фактъ указываетъ, что съ уничтоженіемъ опеки (хотя не вполне) и съ развитіемъ свободы, развилась и предпримчивость.

124) *Foncin. p. 279. Oeuvres de Turgot. t. II* p. 424. Въ Декабрѣ 1775 г. взяты въ казну omnibus на рынкахъ и каналахъ и пропованы въ смыслѣ удобства и дешевизны сообщенія.

125) *ib.* pp. 279—280.

126) *ib.* p. 127.

127) *ib.* p. 282.

128) *Lettres patentes 1678* (12 Ноября) грозятъ копеевскими скарпінными (чужихъ) вишь, тысячею ливровъ штрафа и «другими наказаніями, полагаемыми по произволу (*sic*) мэровъ и присяжныхъ». (*Jurats*) *Arch. nation. T. 12. 152. Foncin. Essai* p. 497.

129) *Arch. dép. Gir. C. 623. Foncin* p. 498.

130) «*Attendu leur mauvaise qualité*». *Martin. Histoire de France. T. XVI* p. 375.

131) *Oeuvres de Turgot T. II. Эдиктъ о винной торговлѣ.*

132) *Foncin. pièces justificat. № 72.*

133) *Oeuvres de Turgot. t. II. Эдиктъ о винной торговлѣ.*

134) Формула, которой оканчивались королевскіе указы.

135) *Письмо de Vaines 3-го Мая 1776 г. Foncin. p. 501.* Словомъ «*Messieurs*» они намекаютъ на членовъ парламента.

136) *Oeuvres de Turgot. Примѣч. Дюпонъ де-Немура.*

137) *Foncin. p. 501.* Въ примѣчаніи указана просьба, поданная Неккеру въ 1780 г. жителями Бускă, въ которой они говорятъ, что по просьбѣ присяжныхъ (*jurats*) и мэра г. Бордо эдиктъ 1776 г. былъ отмененъ указомъ короля. (*Des lettres patentes dérogerent à l'édit de 1776*). Хотя и не указано время паденія указа, но извѣстie можно принять, ибо жители Бускă, сосѣди Бордо, могли хорошо знать, что говорили.

138) *Bonnemère. Histoire des paysans T. I* pp. 84 и 93.

139) Уже въ XII вѣкѣ не помнили въ Парижѣ времени образованія корпораціи мясниковъ.— Какъ ассоціація болѣе узкихъ интересовъ, цехъ предшествовалъ коммуѣ,—администрація коммуны приурочена къ раздѣленію населенія на цехи (*Levasseur T. I* pp. 193—201).

140) Въ уставѣ *Ghilde*, цитированномъ Тьерри (*Considerations* pp. 295—297), видно, что *Ghilde* была товариществомъ взаимной помощи; съ обязанностию помогать другъ за друга, вѣдать провать, хоронить другъ друга и т. д. Уставъ напоминаетъ *confréries* съ ихъ общими банкетами, процессіями (у язычниковъ общее жертвоприношеніе), похоронами товарищей, взаимною помощью и т. д.

Характерное расчленение встречается и в уставе цеха гва-
ччи «Limestone toïssierant puet prendre son apprentiz à plus service et
à plus argent mès à moins ne le puet il pas prendre», *ibid.* T. II, p. 462.

Южные корпорации сначала имели более свободный характер,
чем северные, их уставы отличались краткостью, но к XIV ввкк
они реформируют свою организацию по образцу парижских и стано-
вятся такими же монополистами. Levasseur T. I pp. 191--203. Ch. de
Ribbe утверждает, что южные корпорации приняли монополизм ха-
рактерный под влиянием централизации, но автор не указывает фак-
тов прямого воздействия королевской власти на развитие корпораций
и не разъясняет, какими иными путями централизация произвела на-
мещение характера южных корпораций. Далее, он относит проше-
дшую в этот смысл перестройку лишь ко времени эдикта 1581 го-
да (Les corporations ouvrières de l'ancien régime en Provence Aix.
1865 p. 338--339). Это положение однако не точно в том отношении,
что эдикт 1581 года только умножил число корпораций, не произве-
дя в них качественной перестройки.

141) Levasseur T. I p. 205.

142) Она была различна, смотря по прибыльности ремесла и по-
этому не превышала 20 су. *ibid.* p. 209.

143) К этой категории предписаний относятся: 1) запреще-
ние выдавать заказы покупателям, ограничение числа работников, запре-
щение заниматься делом, составляющим привилегию другого цеха,
(портной не должен переделывать старого платья, старьевщик не
иметь права продавать нового); 2) лица не принадлежащие к цеху
встречают постоянные затруднения в продаже своих произведений;
последствия подвергаются визитации цеховых prud'hommes, которые,
конечно, не могли быть беспристрастны. Так в Понтуазь булочники
разрешили г. наз. bûtain, продавать хлеб только по субботам и
при том вдвое меньше 2 денье за булку; при этом они назначали
очень высокую пошлину на вступление в их цех и так строго
визитировали хлеб посторонних продавцов, что совершенно закры-
ли для них рынок. Цена очень поднималась. Жители жаловались на-
сламенту, который возвратил городу прежнюю «великую свободу», тор-
говли хлебом, которая однако состояла в том, что посторонние по-
лучали право продавать свой хлеб три раза в неделю и быть ви-
зитируемыми комиссией из двух prud'hommes цеха и двух других
буржуа, назначенных баллами Levasseur pp. 253, 254, 257.

144) Thierry Esqui.

145) Chef d'oeuvre'омъ называлась заданная образцовая работа,
которую должен был сделать желающий получить степень мастера.
Очень часто она определялась уставомъ. Велѣдѣіе ругины, господ-
ствовавшей въ цехахъ, обыкновенно предметъ chef d'oeuvre'a была
такая старомодная вещь, что она нигда не годилась. Chef d'oeuvre
долженъ былъ производиться въ отѣльной комнатѣ мастера или
мастера, который долженъ былъ слѣдить, чтобы никто не пося-
галъ възвѣщающему въ техническомъ отношеніи. Оконченная рабо-
та представлялась присяжнымъ для оцѣнки и приговора. Потомъ дѣла-
лись взносы, опредѣленные уставомъ, и приносилась присяга.

146) Levasseur. Hist. des cl. ouv. T. I. pp. 95 et 96. Въ не-
которыхъ цехахъ никогда не учили дѣлать той предметъ, который

требовался какъ *chef d'oeuvre*. Богатые подмастерья не дѣлали сами *chef d'oeuvre*'а; за нихъ его дѣлалъ самъ мастеръ.

147) *Levasseur. t. II pp. 95 и 96.* Въ нѣкоторыхъ цехахъ ип. жолъ не учили дѣлать тотъ предметъ, который требовался какъ *chef d'oeuvre*. Богатые подмастерья не дѣлали *chef d'oeuvre* сами; за нихъ его дѣлалъ мастеръ.

148) Въ 1566 г. парижскіе суконщики ввели, съ разрѣшенія короля, слѣдующую систему выборовъ: четверо присяжныхъ истекшаго года присоединяютъ къ себѣ 8 мастеровъ, которые были присяжными въ теченіи двухъ предыдущихъ лѣтъ, затѣмъ вмѣстѣ выбираютъ 12 членовъ самыхъ почетныхъ въ корпораціи и съ ними вмѣстѣ составляютъ избирательную комиссію, которая и выбираетъ 4 присяжныхъ на слѣдующій годъ. *ib. t. II p. 98.*

149) *Ibid. t. II p. 327.*

150) Условія для образованія братствъ, можно полагать лежали глубоко въ характеръ германскаго племени. Сравнить то, что мы знаемъ о братствахъ ремесленниковъ съ уставомъ древне-германской *Ghilde*, цитованнымъ О. Тьерри, нельзя не замѣтить поразительнаго сходства. Истѣчающаяся разница можетъ быть легко отнесена на счетъ сѣмьи языческой религіи христіанской. Сравни *Levasseur T. I, pp. 467—493 et Aug. Thierry. Considerations sur l'histoire de France* над. 1840 г. стр. 295—297.

151) *Levasseur Hist. des el. ouv. t. II p. 78.*

152) Такъ дѣйствовали булочники въ Парижѣ, типографщики въ Лионѣ. Ихъ безпорядки побудили правительство издать въ 1541 году эдиктъ противъ братствъ подмастерьевъ, которымъ запрещалось: ношеніе оружія и палокъ, пиршества, процессіи и вообще запрещалось подмастерьямъ и ученикамъ типографщикамъ составлять братства. *Ibid. p. 89—90.*

153) Указъ возстановляющій братства изданъ третьяго Декабря 1660 г. *Ibid. t. II p. 325—326.*

154) *Ibid. t. I p. 502*, вообще о товариществѣ смотр. стр. 495—496 того же тома.

135) Массонское товарищество сначала было только видомъ товариществъ, именно товариществомъ каменщиковъ. Этимъ родствомъ и объясняется сходство.

156) *Levasseur t. II p. 317.*

157) *Ibid. t. I p. 503.*

158) Въ Канѣ рабочіе (полотняннаго дѣла) стачкой заставили мастеровъ прибавить плату. Въ Дарнеталѣ, около Руана, рабочіе суконщики изгнали изъ мастерскихъ всякаго рабочаго, который не принадлежалъ къ ихъ товариществу. Въ Іюль 1697 г. они возстали въ числѣ 3—4 тысячъ человекъ, потому что нѣкоторые хозяева наняли чужихъ рабочихъ (т. е. не членовъ товарищества). Они заставили закрыть заводы и, не смотря на вѣзвѣстельство всѣхъ провинціальныхъ властей, они не возобновляли работы въ теченіи цѣлаго мѣсяца. *Ibid. t. II p. 318.*

159) Обозначеніе добросовѣстнаго труда словомъ «loyal», т. е. законосообразный, можно и до сихъ поръ слышать у французскихъ ремесленниковъ.

160) Работа не иначе какъ въ весьма открытомъ *Rez de chaussée* составляеть и теперь привычку парижскихъ ремесленниковъ. Въ мелочи относительно регламентовъ см. *Levasseur t. I pp. 244—245.*

161) Етьеннъ Буало по приказанію Людовика IX сдѣлать сборникъ статутъ цеховъ Париза, извѣстный подъ названіемъ *Registres de Boiteau*. Карлъ VII и Людовикъ XI лично заботятся о ихъ размноженіи. Карлъ VII ежегодно утверждалъ нѣсколько статутъ новыхъ цеховъ. Людовикъ XI утвердилъ вѣроятно вдвое болѣе, чѣмъ тѣ 60 статутъ, вторые дошли до насъ отъ его царствованія.

163) Въ Труа стали дѣлать легкій и тонкій холстъ называвшійся *suevreschief*, который усиленно конкурировалъ съ толстымъ холстомъ. Мастера, затронутые въ своихъ интересахъ этимъ нововведеніемъ, пожаловались королю, указывая на нарушеніе регламентовъ. Они были на столько умны, что обратили королевское вниманіе на то, что пошлины съ толстыхъ холстовъ давали королю доходъ около 2000 ливровъ. Король запретилъ фабрикацію *suevreschiefs*. *Levasseur t. I p. 528—529.* Однимъ изъ убѣжищъ отъ стѣсненій цеховыхъ регламентовъ стали должности королевскихъ портныхъ, сапожниковъ, столяровъ и ремесленниковъ другихъ специальностей. Всѣ они пользовались привилегіей независимости отъ цеховой администраціи, избавляемы были отъ ея визитацій и суда и имѣли право работать не только на короля.

164) Франсуа I въ 1543 г. сдѣлать счетчиковъ, продавцевъ и выгрузчиковъ морской рыбы на Парижскомъ рынкѣ королевскими чиновниками, покупающими свои должности отъ казны. Прежде они выбирались корпораціею (*chassees margées*). Генрихъ II долженъ былъ Марку Бешо (*Marc Bescho*) довольно большую сумму; чтобы расчитаться съ нимъ, онъ учредилъ должности эскеровъ, клеймевщиковъ, контролеровъ и продавцевъ вина во всѣхъ городахъ, расположенныхъ по теченію Сены, Ионы, Марны и Уазы и передалъ право продажи ихъ Бешо въ уплату своего долга. Карлъ IX въ 1574 г. объявилъ должности присяжныхъ въ корпораціяхъ каменщиковъ и плотниковъ продажными отъ короны. *Levasseur t. II p. 108—109.* Генрихъ III въ 1580 г. издалъ манифестъ, который гласилъ, что король «имѣи въ виду дать почувствовать всюду радость и довольство (*afin de faire cognoistre partout l'aïse et contentement*), которыми онъ ощущалъ по поводу брака своей сестры Маргариты съ королемъ Наваррскимъ, постановляетъ, что во всѣхъ городахъ, чрезъ которые она проѣзжала или будетъ проѣзжать въсплѣдствіи, она можетъ дать 2 диплома въ каждомъ цехѣ. (*Ibidem*).

165) Кромѣ того учреждались три диплома въ каждомъ цехѣ, которые можно было получить по королевскому патенту. (*Lettres patentes*), заплативъ, конечно, деньги. *Levasseur t. II p. 124.*

166) Исключеніе составлялъ Парижъ, въ которомъ нельзя было устроиться на тѣхъ же основаніяхъ. Наоборотъ парижскій мастеръ могъ поступить въ цехъ любого города во всемъ государствѣ. *Ibid. p. 12.* Если *Levasseur* и отзывается объ этой мѣрѣ: «il agit en roi de France, qui porte des lois générales, mais qui y déroge en faveur de sa capitale», то этотъ отзывъ отдаетъ еразерствомъ. Тутъ король Франціи именно скорѣе дѣйствуетъ какъ феодалъ, который пристрастенъ къ своему прирожденному еооуду.

XIII

167) Прево Лиона, говоря об упадкѣ шелкового производства, писалъ, что это происходитъ отъ того, что этимъ занимаются люди незнакомые съ процессами производства. Тоже писали и другіе прево и интенданты. Ibidem p. 174 въ примѣчаніи.

168) Лионскій прево сообщаетъ, что представленный имъ проектъ регламента обсужденъ въ собраніи мастеровъ и болѣе искусныхъ подмастерій. Между тѣмъ въ Реймсъ посланные Кольберомъ два суконщика Roquelin и Lacroix заставили городскихъ чиновниковъ подписать проектъ регламента, какъ одобренный мѣстными мастерами суконщиками, тогда какъ послѣдніе единодушно протестовали противъ него. Levasseur t. II p. 178.

169) Намъ кажется весьма вѣроятнымъ подобное объясненіе, въ виду того, что тамъ вообще сила традиціи такъ и бьетъ въ глаза, когда присмотришься къ матеріальной жизни. Напр. Дома предѣлѣнія Темпліа поражаютъ тѣмъ, что они снизу доверху набиты ремесленниками. Неудобство явное вѣшать мастерскую на 6 этажъ. Въ другихъ кварталахъ Парижа чувствуется недостатокъ въ ремесленникахъ. Мы знаемъ, что прежде, до революціи въ Темплѣ было много ремесленниковъ, потому что на эту часть города не распространялся цеховой режимъ. Сильно распространенное употребленіе маслянныхъ лампъ. Платье старое всегда виситъ, а не складывается, какъ новое. (т. I p. 264).

170) Levasseur t. I p. 527.

171) Ibid. t. II p. 357. Невѣжество ихъ было такимъ же общимъ явленіемъ, какъ и недобросовѣстность. Одинъ современникъ говорить о нихъ: «инспектора увеличивали число регламентовъ, чтобы увеличить число ихъ нарушеній и чтобы расширить свою власть. Совѣтъ (государствъ), привыкшій смотрѣть на промышленность сквозь невѣрные очки этихъ господъ, судить о пользѣ инспекторовъ по числу закононарушеній, объ открытіи которыхъ они доносятъ; ихъ собственный интересъ заставляетъ ихъ увеличивать число первыхъ. Плодотворныя на пустые протоколы и безплодныя въ отношеніи полезныхъ изобретѣній, они постоянно малюютъ купца и фабриканга бунтовщиками, которыхъ цѣль избавиться отъ силы закона, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они только вынуждены сообразоваться съ требованіями потребителей».... «Мы знаемъ между ними (инспекторами) такихъ, которые руководятся полезными цѣлями и общественнымъ благомъ....; но каково образованіе и опытность этихъ людей, призванныхъ руководить промышленностью? Многіе изъ нихъ полныя невѣжды въ торговлѣ. Вотъ примѣръ: въ Анкорса (Ancorvat), маленькой деревнѣ около Тьера (Tiers) дѣлали желѣзные ножницы, которые продавались купцами Марсели въ Левантъ, Берберію и Испанію. Инспектора, наблюдавшіе за этой фабрикой, нашли предубежденныхъ, что покупаются ножницы не закаленные, и не могли себя представить, чтобы ихъ можно было на что либо употребить. Они остановили производство ихъ, какъ противное регламентамъ. Открылось гораздо позже, что эти желѣзные ножницы служатъ въ Берберіи и другихъ странахъ для снѣжанія со свѣчей. Но уже было поздно. Фабрика въ Анкорса пала, и вслѣдствіе этого многія соседнія деревни разорились и обезлюдѣли». Considerations sur le commerce.... p. 93 и 96.

185) Ibid. Этотъ высокопоставленный человѣкъ вѣроятно Гурья. Онъ покровительствовалъ притянутому нами автору. См. Kellner Zur Geschichte des Physiokratismus.

186) Considerations sur le commerce ect. 37.

187) Ibidem p. 13.

188) Ibid. 156—158.

189) Ibidem p. 158—162.

190) Oeuvres de Turgot, edit. Guillaumin. t. II p. 249 et 302—307.

191) Ibid. p. 249.

192) Ibidem p. 312 § I et II.

193) Ibidem p. 313 § X, XI et XII.

194) Ibidem p. 314 и 315 § XIV, XVII и XVIII.

195) Сюда относятся: 1) Цѣнность имущества цеховъ, 2) пошлины и налоги, установленныя для погашенія этихъ долговъ и 3) сбереженія отъ уменьшенія расходовъ взиманія этихъ налоговъ и отъ уничтоженія цеховыхъ расходовъ. Ibid. § XIX, XX, XXI и XXII.

196) Ibid. p. 316 § XXIII et p. 312 § IV et V.

197) Histoire du Regne de Louis XVI par J. Droz. 1860. t. I p. 155. Remontrances du Parlement de Paris Amsterdam. 1776 г. это сочиненіе выпущено было тайкомъ врагами Тюрго и изъ него им заимствовали содержаніе ремонстрацій. Руанская ремесленная палата, возражая противъ адикта, доказывала вредъ свободы тѣхъ, что она плечетъ за собою мошенничество и лѣтъ рабочихъ и приводитъ въ защиту своего мнѣнія многіе примѣры мошенничества на фабрикахъ, избавленныхъ отъ цеховаго надзора. Ch. Quin Lacroix. Histoire de anciennes corporations p. 404.

198) Oeuvres de Turgot. Proces verbal du lit de justice 12 Mars 1776.

199) Louis Blanc. Histoire de la Revolution française t. I p. 493 и Nervo Histoire de Finances t. II p. 85.

200) Droz Histoire du Regne de Louis XVI t. p. 160.

201) Bachaumont. Memoires secretes pour servir à l'histoire de la république des lettres en France depuis 1762 jusqu'à nos jours. Londres, 1780 t. IX p. 142 Эти мемуары были ведены въ видѣ рукописнаго періодическаго изданія, которое составлялось подъ руководствомъ Bachaumont. Для этого устроена была цѣлая канцелярія. Но не всѣ томы мемуаровъ ведены подъ руководствомъ Bachaumont'a, хотя въ первоначальномъ изданіи, которыми намъ пришлось пользоваться они цѣлкомъ носятъ это названіе. На стр. 536 у Foncin. (Essai sur le ministere de Turgot). Николай названъ президентомъ академіи, и даже говорится, что онъ сдѣлалъ тоже при принятіи присяги въ палатѣ. Въ I омъ случаѣ онъ ссылается на Condorcet, письмо отъ 12 Юнія 1776 г. къ Вольтеру, а во второмъ на мой источникъ, только, на 153 стр. IX т.

202) Edit du Roi, par lequel Sa Majesté en créant de nouveau six corps des marchands et quarante quatre communautés d'Arts et Metiers conserve libre etc. Versailles, Août 1776. Прибавленіе къ адикту подъ заглавіемъ Etat de six corps des marchands et de quarante quatre communautés § 4 p. 26.

203) Ibid. p. 27. Liste des professions faisant parti des communautés supprimées qui pourront être exercées librement. Такихъ процессій насчитано 21.

- 204) Toqueville. l'ancien regime 1866 p. 285.
 205) Levasseur, t. II p. 406.
 206) Bachaumont. Memoires t. IX p. 162.
 207) Condorcet. Vie de M. Turgot Bernc. 1787 (анонимное сочинение) p. 173. Не дѣлая большой ошибки, можно приписать и Кондорсе чувства, которыми онъ приписываетъ Тюрго. Срав. Foncin. Essai sur le ministere de Turgot p. 537—538.
 208) Foncin. Essai ss le ministere de Turgot p. 437 et 508.
 209) Oeuvres de Turgot, t. II p. 252 et 253.
 210) Remontrances du parlement de Paris. Amsterdam 1776.
 211) Memoire sur les corrées изданъ въ 1785 году, и написанъ по показанію Al. Barbier (Словарь анонимныхъ и псевдонимныхъ сочиненій). De la Galezier'омъ.
 212) Въ этомъ отношеніи Тюрго и де-ла-Галезьеръ согласны. Тюрго указываетъ на пограничныя провинціи, какъ мѣсто введенія дорожной повинности; де-ла-Галезьеръ указываетъ на Лотарингію и Шампань и Эльзасъ, т. е. на тѣ же пограничныя провинціи. Дадѣ идетъ разногласіе не особенно значительное о времени введенія дорожной повинности. Такъ какъ показанія де-ла-Галезьера отличаются большою точностью, и такъ какъ во времена регентства, по крайней мѣрѣ въ началѣ, недостатокъ въ деньгахъ ощущался сильно, то введеніе corrées въ это время становится вѣроятнымъ. Во всякомъ случаѣ это не важно, ибо тутъ дѣло идетъ лишь о частномъ введеніи corrées. Что касается общаго введенія дорожной повинности, то де-ла-Галезьеръ не указываетъ его времени. Остается показаніе Тюрго и показаніе парламента въ Remontrances. Слѣдуетъ предпочесть показаніе Тюрго, т. е. 1737 г.; и вотъ на какихъ основаніяхъ: 1) показаніе Тюрго обстоятельно. Въ то время какъ парламентъ указываетъ только годъ, Тюрго указываетъ и лицо и документъ, которыми была введена дорожная повинность, 2) показаніе Тюрго подтверждается показаніемъ Мироменная, который въ своемъ замѣчаніи на эдиктъ Тюрго подтверждаетъ свидѣтельство послѣдняго относительно изданія генераль-контролеромъ Орри инструкціи о corrées. Oeuvres de Turgot t. II p. 252 et 253. Признавая же фактъ, что общее введеніе дорожной повинности принадлежитъ Орри, мы этимъ самымъ отвергаемъ указаніе парламента на 1726 г., ибо Орри былъ генераль-контролеромъ съ 1730 до 1745 г. Трюденъ былъ директоромъ дорогъ и мостовъ. Turgot. Oeuvres t. I p. 351.
 313) Lettres pour servir de suite à l'Ami des hommes. Lettre d'un ingénieur de province à un inspecteur des ponts et chaussées.—sur les corrées 1760. Paris in-4.º стр. 1760; срав. стр. 19, гдѣ говорится, что «On choisit», «on le fait»; на 20-й же страницѣ сказано: «или онъ былъ рекомендованъ инженеру сеньоромъ». Эта брошюра приписывается Мурабо каталогомъ національной бібліотеки.
 214) Necker. De l'administration des finances de la France. 1784, t. II p. 230. Считая 4 kil. въ лье, получаютъ, что километръ дороги обходился 2583 L.
 215) Foncin. Essai p. 374. Oeuvres de Turgot t. II p. 240.
 216) Foncin. Essai 375 и 376.
 217) Въ своихъ замѣчаніяхъ на эдиктъ онъ говоритъ: il est impossible de presumer que M. Orry, qui a été longtemps contrôleur général des finances sous le regne de Louis XV, et M. Trudaine

XVII

le pere lui même n'aient pas senti comme nous tous les inconveniens qui en resistent. Il n'est guère plus possible de penser qu'ils n'aient pas imaginé que la voie d'une imposition particuliere pour cet objet paraîtrait la plus simple et qu'ils n'aient pas songé, qu'il semblerait plus juste et plus facile de faire partager ce fardeau aux propriétaires, et même de le leur faire supporter entierement». В другомъ мѣстѣ онъ спрашиваетъ: «Pourquoi donc ces deux administrateurs aussi habiles qu'attachés au bien de l'Etat, ont-ils préféré la corvée de bras et de chevaux à l'imposition? Oeuvres de Turgot t. II p. 253 et 254, также и замѣчанія на 265 и 266 стр.

218) Ibid. p. 241.

219) Ibid. p. 28).

220) Remontrances p. 20.

221) Oeuvres de Turgot t. II. p. 329. Procès verbal de lit de justice tenu à Versailles le 12 Mars 1776. Сего высчитывается, что трудъ 10(XXX) солдатъ будетъ стоить ежедневно 25000 франковъ, что составляетъ 5 су въ день, что конечно ниже обыкновенной платы, какъ видно изъ приведенныхъ выше расчетовъ Мирабо и Беррійскаго провинціального собранія. Расчетъ же автора, что сумма равная стоимости ручнаго труда достаточна для содержанія повозокъ, не вѣренъ, такъ какъ изъ выше указанной оцѣнки ручнаго труда у Мирабо и въ расчетѣ Беррійскаго собранія, оказывается, что расходъ на повозки выше расхода на ручной трудъ: именно у Мирабо ручной трудъ 101 т. L, а повозки 121 т. L; въ расчетѣ Беррійскаго собранія на 240 т. L, израсходованныхъ на ручной трудъ приходится 384000 L. расхода на повозки. —

222) Isamber Recueil general des anc. lois franç depuis l'an 420. Jusqu'à la revolution de 1789 t. XXIV p. 68.

223) Foncin. Essai p. 542 въ примѣчаніи. По его мнѣнію 8 парламентовъ не получили февральскаго эдикта, но по его-же показанію бумаги 6 парламентовъ (Эксъ, Бордо, Дуэ) Нанси, Реннъ, Гренобль) не заключаютъ въ себя слѣдовъ представленія эдикта къ регистраціи, 2 (Безиеронъ и Дижонъ) не получили, 4) (Мецъ, по Руанъ и Тулузъ) получили. Изъ послѣднихъ только Тулузскій регистрація эдиктъ 24 Апрѣля съ оговоркою, что духовенство должно быть подписано пастогу. Заключение автора, что всѣ шесть парламентовъ, въ архивахъ которыхъ нѣтъ слѣдовъ представленія эдикта къ регистраціи, не получили послѣдняго, слишкомъ поспѣшно. У Bouchaumont есть указаніе, что впоследствии парламентъ Бордо (считающійся въ числѣ не получившихъ) издалъ представленіе (remontrances) противъ дорожной повинности, въ которомъ настаивалъ на томъ, что подать, взимающаяся съ не должна допускать привилегій и выразить готовность самъ принять участіе въ налогѣ. Въ заключеніи представленіе заключало похвальное слово Тюрго. Время этого представленія мы не можемъ опредѣлить съ точностью, хотя продолжатель мемуаровъ (Mairobert) Башамона сообщаетъ упомянутое извѣстіе подъ 20 Іюня 1784 года и сообщаетъ, что въ этотъ моментъ представленіе начинаетъ распространяться въ публикѣ, (Bouchaumont) t. XXVI p. 126); но это по большому мѣрѣ можетъ доказывать, что представленіе въ это время было напечатано (конечно подпольнымъ путемъ). По всей вѣроятности представленіе сдѣлано раньше. Во всякомъ случаѣ это представленіе доказываетъ, что былъ внесенъ къ регистраціи эдиктъ,

XVIII

возстановляющей дорожную повинность, а этот факт въ свою очередь доказывает существованіе регистраціи эдикта, уничтожающаго дорожную повинность, ибо если бы этого не было, то не было бы надобности регистрировать первый. Далѣе у Ла-Галезьера (*Memoire sur les corvées*) находимъ указаніе, что въ постановленіи своемъ (отъ 14 Января 1785 г.), парламентъ Бордо заявляетъ о неварности слуховъ, будто онъ возставалъ противъ уничтоженія *corvée*. Такимъ образомъ нельзя поставить парламентъ Бордо въ число, не получившихъ эдикта.

224) *Essai sur les ponts et chaussées, la voirie et les corvées*. Amsterdam 1759 in 12-e par Duclos (no каталогу Barbier).

225) L'abbé Baudeau. *Memoire sur les corvées, servant de replique à leurs apologistes*. 1775 in 12-o.

226) О немъ упоминаетъ Bachaumont. t. IX p. 35 Въ Национальной библиотекѣ его нѣтъ.

227) Pierre Francois Boncerf (no Barbier и Bachaumont) *Les inconvenients des droits feudaux*. 1775 Longres p. 41.

228) Foncin, p. 434.

229) Bachaumont, t. IX. p. 51.

230) Foncin, p. 438.

231) Ibid. p. 436 и 437.

232) Bachaumont. t. IX p. 85 (16 Апр. 1776 г.) Этой брошюры мы не нашли. Содержаніе ея указано Мароберомъ въ общихъ чертахъ. Упоминаніе же объ учрежденіяхъ, которыя тщетно стараются защитить ихъ приверженцы, указываетъ на *corvées*, ибо въ это время большае всего толковали объ этомъ предметѣ.

233) *Observations sur les remontrances relatives aux corvées, ou lettre de M****. 1777 in 12-e. Авторъ неизвѣстенъ.

234) Ibid. p. 18.

235) *Projet patriotique pour l'entretien des ponts et chaussées*. A. la Haye. MDCC, L, XXVII.

236) Necker. *De l'administration des finances de la France* t. II стр. 225 въ примѣчаніи. Натуральная повинность этой провинціи замѣнена денежною въ 1781 г. причемъ постановленіе государственнаго совѣта объ этомъ воспроизводитъ эдиктъ Тюрго. См. *Arret du conseil qui ordonne que les travaux des grandes routes qui s'exécutaient ci-devant par la corvée dans la generalité de Berri le seront à l'avenir à prix d'argent* 13. Avril 1781. Jambert не приводитъ текста постановленія, а отсылаетъ къ эдикту Тюрго.

237) De-la-Galezier. *Memoire sur les corvées* 1785.

238) Правительство все таки осталось позади требованія времени. Въ 1787 г. оно замѣняетъ натуральную повинность денежною; но послѣднюю обложены только платящіе *taille*. Jambert. *Recueil* t. XXVIII, указъ 27 Іюня 1787 г.

239) Это стихотвореніе произвело впечатлѣніе (Bach. *Mem. secr.* VIII 343. Foncin *Essai* p. 333.

240. Bachaumont. *Mem. secr.* t. IX p. 35.

241. Bach *Mem. secr.* IX 51.

242) Содержаніе брошюры Вольтера изложено въ главѣ о натуральныхъ повинностяхъ.

243) *Oeuvres* t. X. *Correspondance avec le Roi de Prusse*,

- 272) H. Martia Histoire de France t. XVI p. 354.
 273) Corr. Metra II p. 174. Foucin, Essai p. 313.
 274) Foucin p. 517. Предметы Тамплъ было свободно отъ цеховыхъ установлений Парижа, а потому здѣсь селились все ремесленники и кунцы, не принадлежавшіе къ цехамъ Парижа. И теперь путешественникъ можетъ быть пораженъ скученностью ремесленниковъ и кунцовъ въ этой части города. Многоэтажные дома снизу доверху покрыты вывесками всевозможнаго рода.
 275) Marie Antoinette. Correrp. secr. p. Arnet de Geffroy t. II p. 386.
 276) Arnet et Geffroy. Marie Antoinette t. II p. 383. Такъ-откровенность, замѣчаютъ издатели переписки Мерси, во всякомъ случаѣ достойная сожалѣнія, въ Везенналемъ, была неуѣднана и неосторожна.
 277) Foucin Essai p. 125.
 278) Arnet et Geffroy. Marie Antoinette II p. 281. Графъ Мерси успѣлъ остановить королеву въ этомъ дѣлѣ; послѣ оны ей представилъ, какъ неосторожно она поступила, ходатайствуя за иностраннаго принца въ ущербъ французамъ и исправившая увеличеній расходовъ, когда король занялся намыреніемъ соблюдать экономію. Королева оправдывалась тѣмъ, что не можетъ ни въ чемъ отказать принцессѣ Ламбаль и обѣщала въ будущемъ сдерживать себя. Мерси былъ убѣжденъ, что королева исполнитъ обѣщаніе и удержится отъ исполненія приисымаемаго ей намыренія—возстановить для принцессы Ламбаль мѣсто «министра двора королевы» (p. 282). Это было въ январѣ; въ октябрѣ принцесса Ламбаль получила сказанное мѣсто.
 279) Foucin Essai p. 180.
 280) Arnet et Geffroy, t. II p. p. 381—382.
 281) Arnet et Geffroy. t. II p. 446 и 442 (въ примѣчаніи).
 282) Daire. Notice historique sur Turgot. Oeuvres de T. t. I p. CX.
 283) Daire. Not. hist. Oeuvres de T. t. I. p. CXI. Разсказъ этотъ сообщенъ Дюпонъ де Немуромъ, а онъ слышалъ его отъ герцога Анжвинилле, который въ свою очередь слышалъ отъ короля жалобы на Тюрго за его дурные отзывы, отзывы, почерпнутые изъ упомянутыхъ писемъ.
 284) Foucin p. 526.
 285) Arnet et Geffroy. Marie Antoinette t. II p. 446.
 286) Arnet et Geffroy. Marie Antonette p. p. 446—448. Также смотри стр. 442 въ примѣчаніи, гдѣ передано содержаніе официального рапорта Мерси къ Маріи Терезіи.
 287) Ibid. p. 441.
 288) Ibid. письмо отъ 30-го Мая p. 449.
 289) Ibid. письмо отъ 13 Іюня стр. 453.
 290) Arnet et Geffroy. Marie Antoinette t. II p. 442 (въ примѣчаніяхъ) Foucin, Essai p. 531.
 291) Bach. Mem. Secr. t. IX p. 129. Письмо Морена. Je m'empresse, Monsieur, à Vous témoigner la part que Madame de Maugras et moi avons pris à l'événement qui Vous est arrivé. J'ai l'honneur d'être etc.
 292) Намекъ на дѣло Гнна.

XXI

293) Указаніе на письма, писанныя накануне по поводу назначенія Амею.

294) Daire Not. hist. sur Turgot p. CXIII.

295) Bach. Mem. Secr. t. XVII. p. 228.

296) Ibid. t. IX p. 115. Брошюра вышла въ концѣ Мая 76 года и называлась: «Suit du dialogue sur les mariages des protestants ou reponse de M. le curé de***».

297) Ibid. IX p. 142.

298) Foncin Essai p. 538. (Письма Вольтера въ собраніи его сочтн.)

299) Bach. Mem. Secr. t. IX p. 161 и 170.

300) Foncin. p. 539.

301) Foncin. p. 539.

302) Ibid. p. 536.

303) Foncin. p. 537.

304) Oeuvres Posth de Turgot. Observation d'un republicain Lausanne 1787 г. стр. 115.

305) Oeuvres de Turgot. t. II. p. 548. Онъ говорилъ: «Они (муниципальныя собранія) будутъ имѣть всѣ преимущества Etats безъ ихъ дурныхъ сторонъ: ихъ безпорядка, интригъ, корпоративнаго духа, сословной вражды и сословныхъ предрасудковъ.—»

Опечатки.

Напечатано :

Слѣдуетъ читать :

Стран.	Строка.		
VII	6	историческая	историческая
2	25	феодализмъ	феодализмъ
24	25	c'est а	c'est la
43	27	устѣи	устаи
56	21	множно	можно
58	33	перовозку	перевозку
60	13	Сартинъ	Сартинъ,
70	34	разсчитывая,	разсчитывая
77	1	привиллегія	привиллегія
78	11	Это	Эта
„	28	Le	Je
79	33	корреспонденціи	корреспонденціи
124	19	обзыватье,	обзыватье
125	9	такого	такого-же
126	28	служащему	служащаго
174	5	промышленности	промышленности
182	6	выработавшимся	выработавшимся
183	23	демонстра	ремонстра
185	27	одна	дома
191	22	топерь	теперь
202	17	другахъ	другихъ
209	32	празу	праву
213	5	сословны	сословныхъ
214	17	прсвила	правила
247	33	эта	это
258	19	Морена	Морена

